ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 3 (46)

Рязань 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г.
Регистрационный номер **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц., проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр нем. яз. – партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР),

Л. Г. Викулова, д-р филол. наук, профессор (Московский городской пед. ун-т),

А. Г. Голодов, д-р филол. наук, доц., проф. каф. германских яз. и методики их преподавания (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, профессор (Белорусский гос. ун-т, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского ун-та, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Ин-т философии и права Национальной акад. Армении, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т, Архангельск),

Е. Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Таврическая акад. КФУ имени В.И. Вернадского, Симферополь),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т, Архангельск),

В. Г. Решетов, д-р филол. наук, проф. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц., проф. каф. литературы (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский гос. техн. ун-т),

Е. Н. Соловова, д-р пед. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Таврическая акад. КФУ имени В.И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. вост. яз. и методики их преподавания (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина).

По вопросам публикации обращаться по адресу: e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год. С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; тел.: (4912) 21-57-23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 36852 в каталоге «Роспечать»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2018

© «Иностранные языки в высшей школе», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Художественный текст как объект анализа: переводческий и литературоведческий аспекты

Кузнецова Т. Я.
Проблема передачи лингвокультурной специфики
вертикального контекста на русский язык 7

Марьяновская Е. Л.
Еще раз о фрагментарном романе 18

Титова А. В.
Противоречивость творчества Джона Рочестера 26

Устинова Е. С.
О плотности смысла поэтического текста в переводческом аспекте 31

Раздел II
Слово в языке и тексте

Балакина Ю. В., Товкес М. Ю.
Способы конструирования феминной идентичности
на материале современного английского языка и речи 39

Боровикова Н. В.
Бренд как культурный феномен 46

Гумовская Г. Н., Третьякова А. И.
Коммуникативные стратегии и тактики достижения согласия
и проблемы их типологизации 53

Золян С. Т.
К вопросу об антропо- , слово- и текстоцентричных лингвистических описаниях 60

Степанов В. Н.
Концепт Einfluß (воздействие) в структуре концептосферы силы
в немецкой философской традиции 73

Раздел III
Семантика синтаксиса

Кошкин А. П.
Грамматические особенности рамочных предложных конструкций времени в китайском языке 86

Пескова Н. А.
Синкретизм предложных конструкций в функциях второстепенных членов предложения 93

Раздел IV
Институт Конфуция: новое в лингвистике и лингводидактике

Гао Юань, Ян Цзяшэн
Проектирование курса видеоаудирования на русском языке с использованием интернета 100

Юань Мяосюй
Новейшие издания русских переводов китайской прозы и поэзии в XXI веке 109

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 115

TABLE OF CONTENTS

Part I
Analysis of Fiction and Poetry
from the Perspectives of Translation and Literary Studies

Kuznetsova, Tatiana
Translating French Two-Subject Vertical Context into Russian 7

Maryanovskaya, Elena
Sh. Anderson's Fragmentary Novel "Wainsburg, Ohio": Summing-Up 18

Titova, Anna
Controversy of John Rochester's Works 26

Ustinova, Elena
Semantic Compactness of a Poem: a Translator's Perspective 31

Part II
The Word in Language and Text

Balakina, Yulia; Tovkes, Maria
The Means of Constructing Feminine Identity
in the Modern English Language and Speech 39

Borovikova, Natalia
Brand as a Cultural Phenomenon 46

Gumovskaya, Galina; Tretyakova, Anastasia
Communicative Strategies of Achieving Agreement
and the Problem of Their Typology 53

Zolyan, Suren
On the Anthropocentric, Word-Centered
and Text-Centered Linguistic Description 60

Stepanov, Valentin
The Concept of *Einfluß* in the Structure of the Conceptual Sphere
of *Force* in German Philosophical Tradition 73

Part III
The Semantics of Syntax

Koshkin, Andrei
Grammatical Peculiarities of Indicating Time in Chinese:
Prepositional Framework Constructions 86

Peskova, Natalia
Syncretism of Prepositional Constructions in the Functions
of Secondary Sentence Parts 93

Part IV
Confucius Institute:
Current Issues of Linguistics and Linguodidactics

Gao Yuan, Yang Jiasheng
On Curriculum Design of Web-based Russian Audio-Visual Course 100

Yuan Miaoxu
The Newest Russian Translations of Chinese Novels
and Poetry in the XXI Century..... 109

Requirements to the papers submitted (in Russian) * 115

* Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en

РАЗДЕЛ I

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 81' 316.772.2+81'25

Т. Я. Кузнецова

Проблема передачи лингвокультурной специфики вертикального контекста на русский язык

Исследуются возможности перевода на русский язык вертикального контекста как особого вида дискурса, исследуемого в процессе его порождения и восприятия. Перевод двухсубъектного, включающего субъект сообщения и субъект наблюдения вертикального контекста, формируемого на почве французского языка и французской культуры, на русский язык и в русскую культуру оценивается с позиций психосистематики, изучающей мыслительные механизмы порождения речи в процессе речеязыковой деятельности. На уровне инварианта вертикальный контекст представляет означаемое — концептуальную схему, включающую последовательность векторов, отражающих движение мысли, и универсальную модель, формируемую первичным способом выражения семантических категорий на основе универсальной модели французского предложения *S — V — C*.

Перевод двухсубъектного вертикального контекста рассматривается с точки зрения воспроизведения им концептуальной схемы и критериев универсальной модели, получающих в процессе актуализации осложнение. Анализ перевода позволяет сделать следующий вывод: концептуальная схема воспроизведена. На уровне универсальной модели выявлены расхождения между двухсубъектным вертикальным контекстом во французском языке и его переводом на русский язык, но установление корреляций между свойствами универсальной модели оригинала и языковыми средствами перевода позволяет утверждать, что смысл текста передан адекватно.

дискурс; культура; дискурсивное время; концептуальная схема; универсальная модель; актуализация; опора; развертывающий фрагмент; ментальные операции и механизмы; смысл

Kuznetsova, Tatiana

Translating French Two-Subject Vertical Context into Russian

The article deals with translating vertical context as a specific type of discourse studied as a process of generation and perception of the target language text. The translation of the double-subject vertical context (including the subject of communication and the subject of observation), on the basis of the French language and the French culture, into Russian and into the Russian culture, is evaluated in the framework of psychosystematics. It studies the mental mechanisms of speech generation in the process of verbal activity. Psychosystematics deals with cognitive mechanisms that produce speech. At the level of the invariant, the vertical context represents the signified, a conceptual scheme that includes a sequence of vectors reflecting the movement of thought, and the S-V-C universal scheme of the French sentence. The given scheme is the primary mode of expressing semantic categories.

The translation of a two-subject vertical context is considered from the point of view of its reproduction of the conceptual scheme and criteria of the universal model, which, in the process of actualization, receive a complication. The analysis of the translation allows us to conclude that the conceptual scheme is reproduced adequately. There are differences between the two-subject vertical context in French and its translation into Russian. The correlations between the properties of the universal scheme of the original and the language means of the translation allow us to consider that the sense of the text is conveyed adequately.

discourse; culture; discourse time; conceptual scheme; universal model; actualization; support; unfolding fragment; cognitive actions and mechanisms; sense

© Кузнецова Т. Я., 2018

Статья посвящена вертикальному контексту как особому виду дискурса, исследуемому в процессе его порождения и восприятия, и возможностям его перевода на русский язык, обусловливаемым лингвокультурными особенностями французского и русского языков. Сопоставляя перевод вертикального контекста с оригиналом, мы имеем возможность дать оценку качеству перевода, поскольку подход к анализу с позиций психосистематики позволяет выделить критерии, определяющие сущность вертикального контекста и, как следствие, возможность подготовки к переводу и его осуществлению. В этом случае, как отмечает А. М. Поликарпов, результаты смогут быть рассмотрены как соответствующие переводческой норме либо допускающие отклонения от нее [1].

Особое внимание нами уделено фрагменту романа Ги де Мопассана «Милый друг», репрезентирующему образец двухсубъектного вертикального контекста, в котором дается описание Булонского леса через восприятие персонажа Жоржа Дюруа. Перевод будет заключаться в том, чтобы сначала через выявление ментальных структур найти объяснение языковым явлениям в тексте оригинала, а затем на основе выявленных соответствующих фактов языка перевода осмыслить текст и представить его в своей интерпретации [2]. По мнению Я. М. Колкера, важным в процессе перевода является передача культурной составляющей языка: «Происходит постепенное “врастание” переводчика в новую и каждый раз уникальную систему передачи опыта, фактического и эмоционального», чтобы затем «воссоздать однажды переданный опыт новой системой выразительных средств на языке иной культуры» [3].

Теоретической основой исследования послужили положения психосистематики, изучающей мыслительные механизмы порождения речи в процессе речеязыковой деятельности. Речеязыковая деятельность объединяет в себе предшествующий факт языка и последующий факт речи (говорения, дискурса).

Выдвинут материальный субстрат — оперативное время — перехода языка в речь. В течение этого времени, чрезвычайно малого, неуловимого для сознания, развертываются ментальные (психические) операции рождения языковой единицы, слова как части речи, происходит актуализация форм слов, составляющих речь. Движение мысли сочетается с ее самоперехватами, или остановками, отмечающими этапы конструирования языковых единиц [4]. Если первый перехват фиксирует частное понятие как основу слова, то следующие в ходе морфогенеза приводят к категоризации образованного слова [5]. Кроме оперативного времени, фактором динамизма является инциденция — ментальная операция, соотносящая в момент актуализации частей речи то или иное значение (вклад) с опорой, предметом мысли и речи.

Л.М. Скрелина установила, что инциденция также действует на уровне предложения в дискурсивном времени. Осуществляя референцию привнесенного значения (вклада) к опоре, механизм инциденции и на виртуальном, и на актуальном уровне представляет собой схему предицирования признака предмету [6]. Исходя из того, что ментальные операции, в результате которых образуются морфологические и синтаксические единицы, идентичны, мы считаем возможным предположить, что в результате этих же операций формируется дискурс [7].

Вертикальный контекст на концептуальном уровне есть единица сознания, отражающая сводимую к концептуальной схеме реально существующую ситуацию.

Идея вектора соответствует представлению о языковых единицах как динамических, то есть рассматриваемых в процессе их порождения. Векторный анализ осуществляется с использованием рисунков и включает в себя последовательность векторов, отражающих движение

---

[1] См.: Поликарпов А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 6–17. С. 6.

[2] См.: Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 11–24. С. 11.

[3] Колкер Я. М. Поэзия и проза художественного перевода. М. : Гуманитарий, 2014. С. 61.

[4] См.: Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. 2-е изд., испр. М. : Editorial URSS, 2004. 224 с. С. 54.

[5] См.: Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М. : Высш. школа, 2009. 367 с. С. 165.

[6] См.: Скрелина Л. М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения. Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. С. 61–61. С. 62.

[7] См.: Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект) : моногр. / Арханг. гос. техн. ун-т. Архангельск, 2007. 248 с. С. 23.

мысли и остановки, или перехваты движения, градуальную декомпозицию. Градуальная декомпозиция отражает коммуникативную установку говорящего, останавливающего развертывание операций при актуализации языковой единицы [8].

Концептуальная схема вертикального контекста воспроизводит ментальный процесс соотнесения опоры с вкладом (признаком). Направление горизонтального вектора отражает первую, базовую, инциденцию, которая устанавливает связь между опорой и ее признаком на уровне первого, опорного, предложения, передающего завершенное действие в цепи других действий.

Вертикальный вектор, исходящий из точки, указывающей опору вертикального контекста, и направленный книзу, отражает вторую, дополняющую, инциденцию, которая устанавливает связь между опорой, совпадающей с опорой или элементом вклада первого предложения, и признаком, заключенным в другом предложении. Развитие действия во времени приостанавливается, уступая место разъяснению одного из актантов, который становится опорой. Конфигурация векторов, в которой вертикальный вектор играет определенную роль, позволила назвать этот вид дискурса вертикальным контекстом [9].

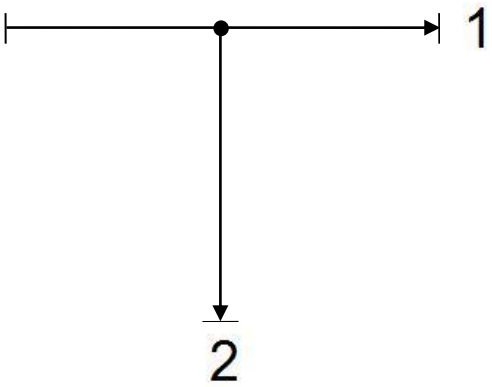

Рис. 1. Концептуальная схема

Когда опора совпадает с опорой первого предложения, то есть репрезентирована подлежащим, выражающим субъект действия, вертикальный контекст приобретает характер объективного изложения, иными словами, представляет собой вертикальный контекст с одним субъектом, которого мы называем субъектом сообщения и который совпадает с повествователем. Этот вид вертикального контекста мы назвали односубъектным вертикальным контекстом. Когда опора совпадает с элементом признака первого предложения, то есть репрезентирована дополнением (либо иным третьим членом универсальной модели предложения), выражающим одушевленный объект действия, к субъекту сообщения подключается субъект наблюдения, персонаж произведения. Признак, заключенный во втором предложении, передается повествователем, будучи отраженным в сознании субъекта наблюдения. Этот вид вертикального контекста мы назвали двухсубъектным вертикальным контекстом [10].

Объектом нашего изучения является двухсубъектный вертикальный контекст.

Универсальная модель вертикального контекста выстроена на основе универсальной модели предложения, принадлежащей Б. Потье: S — V — C. «Своеобразное построение высказываний в языке свидетельствует о своеобразии схем мысли, свойственных представителям этих культур» [11]. Структура S — V — C означает, что мысль легко находит способы выражения смысла: субъект выступает в первичном способе выражения в качестве подлежащего; действие, глагольный предикат, выражено сказуемым; объект — третьим членом, реализующим правую валентность глагола, дополнением либо предикативом. Знак равенства между C1 и S2 означает

[8] См.: Скрелина Л. М. Грамматическая синонимия. Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1987. 84 с. С. 34.

[9] См.: Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства… С. 27.

[10] См. там же. С. 59.

[11] Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. С. 45.

тождество референции, создаваемое дополнением первого предложения и подлежащим второго предложения.

$$S_1 \quad — \quad V_1 \quad — \quad C_1$$
$$\shortparallel$$
$$S_2$$
$$|$$
$$V_2$$
$$|$$
$$C_2$$

Рис. 2. Универсальная модель

Поскольку все предложения строятся по одной модели и, кроме того, выражают семантические категории первичным способом, первое предложение, соответствующее горизонтальному вектору на концептуальной схеме, входит с предложениями развертывающего фрагмента в определенные отношения, представляющие собой закономерности означающего вертикального контекста, а именно: при выражении опоры третьим членом первого предложения тождество референции создается этим третьим членом, выступающим в качестве антецедента, и подлежащими в предложениях развертывающего фрагмента, выступающими в качестве анафор. Коммуникативная прогрессия формируется от третьего члена — ремы, к теме-подлежащему в предложениях развертывающего фрагмента [12].

Помимо этих дифференциальных признаков инварианта, определяемых характером опоры, есть еще два, исходящих из самой сущности вертикального контекста. Движение мысли во времени, передаваемое в первом предложении, получает грамматическое выражение: сказуемое в предложении стоит в passé simple. Подлежащее выражено именем собственным либо его местоименным субститутом. Опора как дополнение в широком смысле выражена либо именем собственным, либо нарицательным. В развертывающем фрагменте движения мысли во времени не происходит, признак к опоре проявляется в том же времени, что и сама опора. Это находит выражение в употреблении глагольного сказуемого в имперфекте.

Концептуальная схема и универсальная модель вертикального контекста составляют его инвариант, который конкретизируется в типовых вариантах. От того, как концептуализируется в сознании человека тот фрагмент действительности, который репрезентирован в вертикальном контексте, зависит его типология. Типология вертикального контекста обусловлена характером развертывания признака к опоре и уточнением семантической структуры предложений, формирующих развертывающий фрагмент в первичных функциях.

В зависимости от характера развертывания признака к опоре различаем три типа вертикального контекста: вертикальный контекст с однонаправленным признаком к опоре, формируемый одной семантикой; вертикальный контекст с разнонаправленным признаком к опоре, создаваемой разноплановой семантикой; вертикальный контекст с расщеплением опоры на составляющие, каждая из которых получает в развертывающем фрагменте свой признак.

Семантическая структура выявляет отношение между высказыванием и обозначаемой им ситуацией. Предложение может найти семантическую интерпретацию в том случае, если установлено соотношение между его поверхностной и глубинной структурами, причем и та и другая рассматриваются в семантическом аспекте [13].

Семантические типы предложений определяются классификацией предикатов. Различаясь критериями их отнесения к тому или иному классу [14], существующие классификации сходятся в главном: все они, за небольшим исключением, содержат характеризующие, классифицирующие, идентифицирующие, статальные, реляционные, локальные, акциональные предикаты.

---

[12] См.: Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства… С. 28.

[13] Q. v.: Parret H. Sémantique structurale et sémantique générative // Sémantique et logique. 1976. P. 93.

[14] См.: Кузнецова Т. Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства…

На уровне типовых вариантов вертикального контекста используются предложения, в которых предикатам соответствуют простейшие (ядерные) синтаксические типы, структурно-семантические модели. Каждая модель определяет некоторый тип предиката и, используясь в речи, реализует свою первичную функцию. Если модель используется для выражения иной содержательной категории, то она реализует вторичную функцию, что приводит к усложнению семантико-синтаксической структуры предложения [15], а следовательно вертикального контекста.

Итак, указаны три формы существования вертикального контекста: инвариант, типовой вариант и конкретная реализация. Конкретные репрезентации вертикального контекста, возникающие в результате его формирования, мы рассматриваем как тексты.

Булонский лес является культурным фоном для демонстрации социального восхождения героя романа Ги де Мопассана «Милый друг» (Bel-Ami) Жоржа Дюруа.

В начале романа Дюруа, не имеющий денег, чтобы утолить жажду в жаркий день, решает пойти в Булонский лес, чтобы там, в тени деревьев, укрыться от жары. Но он туда не попадает, так как встречает около церкви Святой Мадлены товарища, с которым вместе служил в колониальных войсках в Алжире. Дружба с Форестье определит начало его жизненного успеха, вершиной которого будет брак с дочерью миллионера, освященный в церкви Святой Мадлены. А пока он счастлив, что может выпить за чужой счет.

Дюруа вновь показан в Булонском лесу, когда он, ставший репортером в газете «Французская жизнь», приобрел признание, однако по-прежнему нуждается в деньгах.

1. Il passa l'arc de triomphe de l'Étoile et s'engagea dans la grande avenue, du côté opposé aux cavaliers. 2. Il les regardait, trottant ou galopant, hommes et femmes, les riches du monde, et c'est à peine s'il les enviait maintenant. 3. Il les connaissait presque tous de nom, savait le chiffre de leur fortune et l'histoire secrète de leur vie, ses fonctions ayant fait de lui une sorte d'almanach des célébrités et des scandales parisiens.

4. Les amazones passaient, minces et moulées dans le drap sombre de leur taille, avec ce quelque chose de hautain et d'inabordable qu'ont beaucoup de femmes à cheval.

5. Il chercha de l'œil les cavaliers sur qui couraient les plus grosses histoires.

6. Il en vit beaucoup soupçonnés de tricher au jeu, pour qui les cercles, en tout cas, étaient la grande ressource, la seule ressource, ressource suspecte à coup sûr.

7. D'autres, fort célèbres, vivaient uniquement des rentes de leurs femmes, c'était connu; d'autres, des rentes de leurs maîtresses, on l'affirmait.

8. Tous avaient l'air hautain, la lèvre fière, l'œil insolent, ceux à favoris, et ceux à moustaches (Maupassant. Pp. 139–140).

Первый абзац, включающий три предложения, является вводным к изображению картины Булонского леса через восприятие персонажа — Жоржа Дюруа. Первое предложение абзаца включает *il*, субъект действия, и локальный предикат, переданный глаголами *passer* и *s'engager* в 3 лице единственного числа в passé simple, выражающем законченность действия, и членами предложения, указывающими на locus *(l'arc de triomphe de l'Étoile* и *dans la grande avenue)*. Косвенное дополнение *aux cavaliers* репрезентирует опору вертикального контекста. Второе и третье предложения абзаца выражают реляционный признак субъекта, переданный глаголами *regarder* и *connaître* в имперфекте. Между тем второе предложение вне развертывающего фрагмента вводит признак к опоре, проходящей через второе и третье предложения анафорой *les*. Это происходит путем использования обстоятельственного определения, характеризующего объект в момент совершения им действия [16] *(Il les regardait, trottant ou galopant)*. Здесь же объект получает классифицирующий признак, указывающий на его отношение к классу предметов *(hommes et femmes, les riches du monde)*. Общий квалификативный признак заключен в трехчленном обособленном определении к анафоре *les* во втором предложении *(Il les regardait, trottant ou galopant, hommes et femmes, les riches du monde)*. Третье предложение выражает отношение между объектом-обладателем и обладаемым, репрезентированное как на уровне семантики предиката, так и значением притяжательного прилагательного *leur (Il les connaissait presque tous de nom, savait le chiffre de leur fortune et l'histoire secrète de leur vie)*.

---

[15] См.: Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд., стер. М. : Editorial URSS, 2001. С. 128 ; Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2000. С. 684.

[16] См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. С. 396.

Второй абзац представляет развертывающий фрагмент к первой составляющей опоры — *les amazones*. В нем только одно предложение — акциональное, формируемое подлежащим и сказуемым *(Les amazones passaient)*, а также обособленное определение *(minces et moulées dans le drap sombre de leur taille)*, передающее внешнюю характеристику субъекта-подлежащего, и обстоятельство образа действия, которое, несмотря на семантическую и синтаксическую привязку к сказуемому (*passaient avec ce quelque chose de hautain et d'inabordable)*, вносит добавление к характеристике субъекта-подлежащего. Оба члена — и обособленное определение, и обстоятельство, даже сопровождаемое относительным придаточным предложением, — не изменяют структуры предложения *S — V — C*, характерной для французского языка: подлежащее, глагольное сказуемое, третий член (либо дополнение, либо обстоятельство, либо атрибутив).

Пятое и шестое предложения выполняют функцию ввода второй составляющей опоры — les cavaliers *(Il chercha de l'œil les cavaliers sur qui couraient les plus grosses histoires. Il en vit beaucoup soupçonnés de tricher au jeu, pour qui les cercles, en tout cas, étaient la grande ressource, la seule ressource, ressource suspecte à coup sûr).*

Предложения содержат субъект наблюдения, выраженный личным местоимением *il*, и предикат, выраженный глаголами восприятия в passé simple (*il chercha de l'œil les cavaliers* и *Il en vit beaucoup).* Употребление passé simple выражает начальный этап действия, открывающий перспективу для фазы продолжения [17]. В пятом предложении опора вводится с сужением значения: анафора-повтор *les cavaliers* выступает прямым дополнением в придаточном относительном предложении *(les cavaliers sur qui couraient les plus grosses histoires)*. В шестом и седьмом предложениях опора вторично расщепляется на составляющие: первая репрезентирована анафорой, выраженной местоимением *en*, заменяющим косвенное дополнение с *de* [18] *(Il en vit beaucoup*; буквальный перевод: он увидел многих из них); вторая репрезентирована анафорой, выраженной подлежащим *D'autres*. В шестом предложении, продолжающем ввод, начатый в пятом, к реляционной семантике предиката добавляется значение, привносимое причастным оборотом. Причастие, непредикативная форма глагола, представляет действие как атрибутивный признак субстанции [19] во вторичном способе выражения классифицирующего признака: *soupçonnés de tricher au jeu (qui étaient des joueurs)*. Седьмое предложение развертывает реляционный признак к опоре в составе сложного бессоюзного предложения *(D'autres, fort célèbres, vivaient uniquement des rentes de leurs femmes, c'était connu; d'autres, des rentes de leurs maîtresses, on l'affirmait*. Второй субъект не только находит выражение в синтаксисе, но и имплицировано в оценочных предложениях: *c'était connu* (это было известно); *on l'affirmait* (это утверждали).

Восьмое предложение начинается с анафоры *Tous* — субъекта, характеризующего предложения и реализующего составляющую опоры *(…les cavaliers sur qui couraient les plus grosses histoires. Tous avaient l'air hautain, la lèvre fière, l'œil insolent, ceux à favoris, et ceux à moustaches).* Характеризующий предикат выражен глаголом *avoir* в 3 лице единственного числа в имперфекте и предикативом *l'air hautain, la lèvre fière, l'œil insolent*. Предикатив представляет трехчленную градацию: вначале дан общий признак — *l'air hautain*, далее более точный — *la lèvre fière,* а потом признак, раскрывающий натуру человека, —*l'œil insolent* (взгляд).

Рассмотрим перевод.

1. Миновав Триумфальную арку, он пошел по широкой аллее, вдоль дороги, предназначенной для верховой езды. 2. Он смотрел на богатых светских людей, мужчин и женщин, ехавших кто галопом, кто рысью, и если и завидовал им сейчас, то чуть-чуть. 3. Профессия репортера сделала из него что-то вроде адрес-календаря знаменитостей и энциклопедии парижских скандалов, и он знал почти всех этих господ по фамилии, знал, в какую сумму исчисляется их состояние, знал закулисную сторону их жизни.

4. Мимо него проезжали стройные амазонки в темных суконных костюмах, обтягивавших фигуру, и было в них что-то высокомерное, неприступное, свойственное многим женщинам, когда они сидят на лошади.

---

[17] См.: Рянская Э. М. Способы действия в когнитивном аспекте : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2002. С. 23.

[18] См.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. С. 255.

[19] См. там же. С. 395.

5. Он принялся искать глазами тех, о ком ходили самые темные слухи.

6. Среди всадников оказалось немало таких, о ком поговаривали, что они ловко передергивают карту, — как бы то ни было, игорные дома являлись для них неистощимым, единственным и, вне всякого сомнения, подозрительным источником дохода.

7. Иные, пользовавшиеся широкой известностью, жили исключительно на средства жен, и это знали все; иные — на средства любовниц, как уверяли люди осведомленные.

8. Высокомерный вид, надменно сжатые губы, а также нахальное выражение лица являлись отличительными особенностями всех этих господ: и тех, кто носил бакенбарды, и тех, кто носил только усы (Мопассан. С. 116–117).

Опора фрагмента *cavaliers* передана метонимически как *верховая езда,* что нарушает целостность текста: ведь речь пойдет о всадниках в Булонском лесу. Кроме того, во французском языке глаголы *regarder* и *connaître* (*смотреть* и *знать*) являются переходными и организуют одним образом структуру предложения *S — V — C* (подлежащее — глагольное сказуемое — дополнение (третий член)). В русском варианте этого параллелизма нет: *Он смотрел на богатых светских людей. Он знал почти всех этих господ.* Изменен порядок слов. Во французском тексте признак *les riches du monde* стоит после того, как наездники характеризуются по их манере гарцевать и половой принадлежности и уже потом указывается их единственный общий признак — богатство *(Il les regardait, trottant ou galopant, hommes et femmes, les riches du monde).* То, что они — сильные мира сего, отражено в коммуникативной прогрессии темой *thème retardé* в конце предложения. Подчеркивая тему, усиливают значение того, что содержит рема [20]. В переводе русский эквивалент стоит в начале перечисления, и эта позиция передает смысл оригинального текста *(Он смотрел на богатых светских людей, мужчин и женщин, ехавших кто галопом, кто рысью, и если и завидовал им сейчас, то чуть-чуть).*

Структурная четкость предложений во французском языке обусловлена, как было указано выше, их трехчастным составом. В переводе на русский язык структура становится усложненной в силу того, что причастный оборот заменен простым предложением, вынесенным в начало сложноподчиненного. Кроме того, вместо прямого дополнения, выраженного метонимией, «важным способом конкретизации средств выражения во французском языке» [21], вводится дополнительное придаточное предложение, что разрушает стройное трехчастное предложение (Il les connaissait presque tous de nom, savait *le chiffre de leur fortune* et l'histoire secrète de leur vie, *ses fonctions ayant fait de lui une sorte d'almanach des célébrités et des scandales parisiens. — Профессия репортера сделала из него что-то вроде адрес-календаря знаменитостей и энциклопедии парижских скандалов*, и он знал почти всех этих господ по фамилии, знал, *в какую сумму исчисляется их состояние*, знал закулисную сторону их жизни).

В переводе второго абзаца на русский язык не может быть принято во внимание то, что показательно во французском языке для двухсубъектного вертикального контекста, а именно: при выраженной отнесенности к опоре — третьему члену первого предложения в развертывающем фрагменте — предложение начинается с подлежащего *Les amazones passaient.* Это один из дифференциальных признаков вертикального контекста, указывающих на присутствие второго, воспринимающего, субъекта. Перевод начинается со слов *Мимо него проезжали стройные амазонки.* Словосочетание *Мимо него* заменяет синтаксический способ выражения наблюдателя. Порядок слов организован по правилам русского языка и находится в соответствии с коммуникативным членением: сказуемое стоит в препозиции по отношению к подлежащему, формирующему рему [22]. Третий член предложения, включающий обособленное определение и обстоятельство образа действия *minces et moulées dans le drap sombre de leur taille, avec ce quelque chose de hautain et d'inabordable*, заменен распространенным определением и предложением *(…стройные амазонки в темных суконных костюмах, обтягивавших фигуру, и было в них что-то высокомерное, неприступное…)*; придаточное относительное предложение *qu'ont beaucoup de femmes à cheval* заменяется распространенным определением, включающим антецедент, за которым

[20] См.: Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Синтаксис простого и сложного предложений (на фр. языке). 2-е изд. М. : Просвещение, 1983. С. 87.

[21] Гак В. Г. Беседы о французском слове. 5-е изд. М. : КомКнига, 2010. С. 120.

[22] См. там же. С. 277.

следует придаточное предложение времени *(…свойственное многим женщинам, когда они сидят на лошади)*. Обратим внимание на то, что придаточное предложение дает перевод словосочетания *à cheval*.

Пятое и шестое предложения в оригинале также являются вводными. В пятом предложении репрезентирована вторая составляющая опоры *(les cavaliers sur qui couraient les plus grosses histoires)*. Шестое и седьмое предложение продолжают развертывание данной опоры. В шестом предложении анафора выражена обстоятельством *Среди всадников,* составляющая опоры *таких* репрезентирована указательным местоимением, после которого употребляется придаточное относительное *(о ком поговаривали)*, а потом идет еще одно придаточное — дополнительное *(что они ловко передергивают карту)*. В этом придаточном дополнительном предложении уже заключен классифицирующий признак во вторичном способе выражения. Оригинал представляет мошенничество как таковое *(soupçonnés de tricher au jeu)*, а в переводе на русский язык оно раскрывается как механизм мошенничества. В этом же предложении репрезентирован и реляционный признак *(pour qui les cercles, en tout cas, étaient la grande ressource, la seule ressource, ressource suspecte à coup sûr. — ...игорные дома являлись для них неистощимым, единственным и, вне всякого сомнения, подозрительным источником дохода)*.

Хотя текст подается автором через восприятие персонажа, социальная направленность подавляет личностную речевую манеру Жоржа Дюруа. Текст приобретает обличающий характер и отрицательную оценочность. Лексическая единица *ressource* представляет собой узуальную метафору, не обладающую стилистическим значением, но троекратный повтор выдвигает ее в фокус внимания, а определения создают экспрессивность — значимость карточной игры для представителей сильных мира сего, показанную по возрастающей в двух случаях *(la grande ressource, la seule ressource)*, а также безнравственность и незаконность ее использования в третьем случае *(ressource suspecte)*. Заметим, что в первых двух случаях определение находится в препозиции по отношению к определяемому слову *ressource*, а в третьем — в постпозиции. Подчеркивание аморальности наездников этой категории происходит также фонетически: определения *grande* и *seule* составляют один слог, *suspecte* — два слога. Можно было бы утверждать, что перед нами прекрасно структурированный памфлет, но Мопассан оставляет за собой право заявить о присутствии персонажа путем введения субъективной модальности *en tout cas* и *à coup sûr*.

Переводчик убирает политическую заостренность, создаваемую автором, используя разноуровневые языковые средства. Перевод утрачивает пафосность, и больше внимания уделяется акценту на точке зрения персонажа.

Следующее предложение, репрезентирующее развертывание реляционного признака к составляющей опоры *D'autres*, содержит в большей степени указание на присутствие второго субъекта, чем предыдущие. Во-первых, такое именование в целом характерно для разговорной речи, а во втором предложении при повторе местоимения к этому добавляется опущение сказуемого. Эллиптическое предложение, как известно, является признаком ситуативности, характеризующей разговорность *(d'autres, des rentes de leurs maîtresses)*. Во-вторых, в первом из двух предложений дано обособленное определение в постпозиции к подлежащему, а между сказуемым и косвенным дополнением встает обстоятельство образа действия, передающее субъективную модальность *(D'autres, fort célèbres, vivaient uniquement des rentes de leurs femmes)*.

Перевод воспроизводит текст оригинала с большой долей точности: *Иные, пользовавшиеся широкой известностью, жили исключительно на средства жен, и это знали все; иные — на средства любовниц, как уверяли люди осведомленные.* Отметим лишь, что французский краткий способ характеризации передан на русский язык развернутой причастной структурой. Кроме того, точно указанный в словосочетании источник существования, специфичный для французской культуры, — *vivre des rentes* — передан словом, имеющим общий смысл *жить на средства,* что происходит в результате того, что переводчик учитывает культурный опыт русского читателя-адресата.

Последнее предложение подводит итог сказанному и в то же время перекликается с первым предложением, репрезентируя опору *cavaliers* анафорой *Tous*, выполняющей функцию подлежащего в соответствии с универсальной моделью вертикального контекста *(Tous avaient l'air hautain, la lèvre fière, l'œil insolent, ceux à favoris, et ceux à moustaches)*. Перевод не воспроизводит

структуры предложения, поскольку русский глагол *иметь* не участвует в выражении квалификативного признака, как во французском языке. Здесь, наоборот, те языковые единицы, которые формировали именную часть сказуемого, становятся в позицию однородных членов подлежащего *(Высокомерный вид, надменно сжатые губы, а также нахальное выражение лица являлись отличительными особенностями всех этих господ: и тех, кто носил бакенбарды, и тех, кто носил только усы).* Тенденцией французского языка к метонимии объясняется предпочтение имен существительных в единственном числе там, где в русском языке указывается множественное *(надменно сжатые губы, нахальное выражение лица).* Обратим внимание также на уточнение признака, что приводит к распространению подлежащего.

Сопоставление двухсубъектного вертикального контекста и его перевода на русский язык позволяет сделать следующее заключение. Выделение критериев вертикального контекста как дискурса, рассматриваемого в процессе его порождения, обусловило создание объективной основы для анализа и оценки качества перевода. Перевод на русский язык воспроизводит концептуальную схему третьего типа, а именно вертикального контекста с расщеплением опоры на составляющие и последовательным развертыванием признака к каждой из них. Главную трудность в переводе составляет перестройка мышления, «перекраивание» собственной, привычной, родной картины мира [23].

Универсальная модель, выражающая особенности национальной ментальности, сложившейся во Франции в XVII веке в результате регулирующей деятельности реформаторов, не может давать точного перевода, ибо «русская логика исключает навязанность схем-структур» [24].

Инвариант, включающий предложения, построенные по трехчленной модели S — V — S, в процессе актуализации в речеязыковой деятельности становится осложненным и приобретает коннотации, образующие вместе со значениями инварианта смысл. Вместе с тем при осложнении синтаксической структуры предложения сохраняется трехчленный характер предикативной структуры. Каждый из ее элементов сохраняет свою идентичность: субъект наблюдения — подлежащее, распространенное обособленным определением в постпозиции; объект — дополнение в препозиции к сказуемому, распространенному обстоятельственным определением в постпозиции; предикат — сказуемое, определяемое обстоятельством образа действия в постпозиции.

Четкая структурированность двухсубъектного вертикального контекста во французском языке проявляет себя на всех уровнях: концептуальном, семантическом, синтаксическом, коммуникативном, текстовом и демонстрирует соответствия между их единицами.

Если французский язык использует законченные схемы, а русский язык избегает строгих форм, то трудности перевода двухсубъектного вертикального контекста на русский язык объясняются именно различиями в системной организации языков и, прежде всего, фиксированным порядком слов во французском языке и свободным — в русском.

Проведенное исследование позволило выявить некоторые расхождения между вертикальным контекстом, формируемым на почве французского языка и французской культуры, и его переводом на русский язык в русскую культуру:

- способы осложнения вертикального контекста передаются в тексте перевода придаточными предложениями, которые, в силу их предикативности, подчеркивают имеющиеся значения и создают новые, чем значительно обогащают смысл;
- различия в способах выражения коммуникативного членения изменяют порядок слов и переставляют акценты;
- вместо указания на субъект наблюдения замечены безличные конструкции;
- метонимия, выражающая тенденцию французского языка к конкретизации средств выражения, заменена придаточными предложениями, сохраняющими синтаксические функции метонимии;
- установление корреляций между свойствами универсальной модели оригинала и языковыми средствами перевода позволяет утверждать, что смысл текста передан адекватно.

---

[23] См.: Тер-Минасова С. Г. Мысль изреченная есть ложь? // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы : Вторые Ярославские лингвистические чтения : сб. науч. тр. Междунар. конф., 16–18 июня 2009 г. Ярославль, 2009. С. 14.

[24] Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. С. 582.

Список использованной литературы

1. Бахтин, М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук [Текст]. — СПб. : Азбука, 2000. — 336 с.
2. Болдырев, Н. Н. Роль языка в структурировании сознания [Текст] // Когнитивные исследования языка. — М. ; Тамбов ; СПб., 2015. — Вып. 22. — С. 34–39.
3. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст]. — М. : Добросвет, 2000. — 832 с.
4. Гак, В. Г. Беседы о французском слове [Текст]. — 5-е изд. — М. : КомКнига, 2010. — 336 с.
5. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст]. — 2-е изд., испр. — М. : Editorial URSS, 2004. — 224 с.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст]. — 2-е изд., стер. — М. : Editorial URSS, 2001. — 368 с.
7. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст]. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с.
8. Колкер, Я. М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]. — М. : Гуманитарий, 2014. — 496 с.
9. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке [Текст]. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
10. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка [Текст] // Когнитивные исследования языка. — 2009. — Вып. 4. — С. 11–24.
11. Кузнецова, Т. Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект) [Текст] : моногр. / Арханг. гос. техн. ун-т. — Архангельск, 2007. — 248 с.
12. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст]. — М. : Искусство, 1970. — 384 с.
13. Поликарпов, А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 6–17.
14. Реферовская, Е. А. Теоретическая грамматика современного французского языка. Синтаксис простого и сложного предложений (на фр. языке) [Текст] / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. — 2-е изд. — М. : Просвещение, 1983. — 334 с.
15. Рянская, Э. М. Способы действия в когнитивном аспекте [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук. — СПб., 2002. — 34 с.
16. Скрелина, Л. М. О концептуальной схеме предложения [Текст] // Проблемы синтаксиса простого предложения. — Л. : Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. — С. 61–71.
17. Скрелина, Л. М. Грамматическая синонимия [Текст]. — Л. : Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987. — 84 с.
18. Скрелина, Л. М. Школа Гийома: психосистематика [Текст]. — М. : Высшая школа, 2009. — 367 с.
19. Тер-Минасова, С. Г. Мысль изреченная есть ложь? [Текст] // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы : Вторые Ярославские лингвистические чтения : сб. науч. тр. Междунар. конф., 16–18 июня 2009 г. — Ярославль, 2009. — С. 10–18.
20. Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1995. — 355 с.
21. Parret, H. Sémantique structurale et sémantique générative [Text] // Sémantique et logique. — 1976. — Pp. 85–108.
22. Maupassant, G. de. Bel-Ami [Text]. — P. : Librairie Générale français, 1983. — 346 p.

References

1. Bahtin M. M. *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* [Author and Hero. On the Philosophical Basis of the Humanities]. SPb. : Azbuka, 2000. 336 p. (in Russian)
2. Boldyrev N.N. Rol' yazyka v strukturirovanii soznaniya [The Role of the Language in Structuring Consciousness]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. M. ; Tambov ; SPb., 2015. Vol. 22. Pp. 34–39. (in Russian)
3. Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the French Language]. M. : Dobrosvet, 2000. 832 p. (in Russian)
4. Gak V. G. *Besedy o frantsuzskom slove* [On the French Word]. 5th ed. M. : KomKniga, 2010. 336 p. (in Russian)
5. Gijom G. *Principy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of TheoreticalLinguistics]. 2nd ed., rev. M. : Editorial URSS, 2004. 224 p. (in Russian)

6. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [The Communicative Aspects of Russian Syntax]. 2nd ed., repr. M. : Editorial URSS, 2001. 368 p. (in Russian)

7. Kolesov V. V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in Language and Speech]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 p. (in Russian)

8. Kolker Ya. M. *Poeziya i proza khudozhestvennogo perevoda* [The Poetry and Prose of Belles-Lettres Translation]. M. : Gumanitariy, 2014. 496 p. (in Russian)

9. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke* [Language and Knowledge: on the Way to Gaining Knowledge about Language]. M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 p. (in Russian)

10. Kubryakova E. S. V poiskah sushchnosti yazyka [In Search of the Essence of the Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies]. 2009. Iss. 4. Pp. 11–24. (in Russian)

11. Kuznetsova T. Ya. *Vertikal'nyj kontekst kak vid sverhfrazovogo edinstva vo frantsuzskom yazyke* (kognitivny aspekt) [Vertical Context as a Kind of Super-Phrasal Entity in French] : Monogr. Arkhang. gos. tekhn. un-t. Arkhangel'sk, 2007. 248 p. (in Russian)

12. Lotman Yu. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The Structure of a Belles-Lettres Text]. M. : Iskusstvo, 1970. 384 p. (in Russian)

13. Polikarpov A. M. Integrativnoe perevodovedenie: predposylki vozniknoveniya i osnovnye idei [Integrative Translation Studies: Pre-requisites of Development and the Basic Ideas]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2. Linguistics]. 2017. Vol. 16, no 3. Pp. 6–17. (in Russian)

14. Referovskaya E. A., Vasil'eva A. K. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo frantsuzskogo yazyka. Sintaksis prostogo i slozhnogo predlozheniya* (na frants. Yazyke) [Theoretical Grammar of Modern French. Syntax of the Simple and Complex Sentence]. 2nd ed. M. : Prosveshchenie, 1983. 334 p. (in French)

15. Ryanskaya E. M. *Sposoby deystviya v kognitivnom aspekte* [Ways of Acting : The Cognitive Aspect] : avtoref. diss. … d-ra filol. nauk. SPb., 2002. 34 p. (in Russian)

16. Skrelina L. M. O konceptual'noy skheme predlozheniya [On the Cognitive Scheme of the Sentence]. *Problemy sintaksisa prostogo predlozheniya* [Problems of the Syntax of the Simple Sentence]. L. : Izd-vo LGPI im. A. I. Gercena, 1980. Pp. 61–71. (in Russian)

17. Skrelina L. M. *Grammaticheskaya sinonimiya*. L. : Izd-vo LGPI im. A. I. Gertsena, 1987. 84 p. (in Russian)

18. Skrelina L. M. *Shkola Gijoma: psihosistematika* [Guillome's School of Psychosystematics]. M. : Vyssh. Shkola, 2009. 367 p. (in Russian)

19. Skrelina L. M, Stanovaya L.A. *Istoriya francuzskogo yazyka* [History of the French Language]. M. : Vyssh. shkola, 2001. 463 p. (in Russian)

20. Ter-Minasova S. G. Mysl' izrechennaya est' lozh'? [A Thought, Once Uttered, Is Untrue?]. *Yazyk i mysl': tradicii i novye paradigm : Vtorye Yaroslavskie lingvisticheskie chteniya* [Language and Thought : Traditions and New Paradigms] : Collection of papers of the international conference, June 16–18 2009. Yaroslavl', 2009. Pp. 10–18. (in Russian)

21. Hairullin V. I. *Lingvokul'turologicheskie i kognitivnye aspekty perevoda* [Linguo-Cultural and Cognitive Aspects of Translation] : diss. ... d-ra filol. nauk. M., 1995. 355 p. (in Russian)

22. Parret H. Sémantique structurale et sémantique générative. *Sémantique et logique*. 1976. Pp. 85–108.

Сведения об авторе

Кузнецова Татьяна Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» (г. Архангельск). Почтовый адрес: 163002, Россия, Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7. Тел.: +79115504428. E-mail: t.kuznetsova–arch@yandex.ru

Kuznetsova, Tatiana — Ph. D. (Doctor of Philology, habil.), Professor, Merited Educator of the Russian Federation, Dpt. of Translation and Applied Linguistics, Northen (Arctic) Federal University, Arkhangelsk. Postal address: 7, Smolny Buyan, Arkhangelsk, 163002, Russia. Tel.: +79115504428. E-mail: t.kuznetsova–arch@yandex.ru

УДК 81’42+81’255.4+378

Е. Л. Марьяновская

Еще раз о фрагментарном романе

В статье предпринята попытка обобщить результаты многолетней работы над сборником рассказов Ш. Андерсона «Уайнсбург, Огайо», представляющем собой фрагментарный роман. Исследование доказывает, что сборник Ш. Андерсона — именно тот материал, который позволяет раскрыть художественный образ как средоточие связей, обеспечивающих не только когезию, но и когерентность всего произведения, которое рассматривается автором статьи как последовательность эпизодов-фрагментов, объединенных не только тематически и риторически, но и коммуникативно. Единство авторского стиля, а также голографичность используемых писателем деталей и образов, позволяют в отдельном рассказе-фрагменте передать замысел всего единства. При этом тематическим и композиционным ключом к интерпретации фрагментарного романа «Уайнсбург, Огайо» является первый рассказ-проспекция «Странная книга о странных людях». Это своего рода магистрал, который определяет концептуальность в развитии единого сюжета и замысла, соположенность героев и их взаимоотношения, тон и настроение последующих рассказов-глав и позицию автора, чьи комментарии будут служить основным средством связи, цементирующим все произведение.

Ш. Андерсон; фрагментарный роман «Уайнсбург, Огайо»; когезия и когерентность; магистрал; проспекция; ретроспекция; последовательность

Maryanovskaya, Elena

Sh. Anderson’s Fragmentary Novel “Wainsburg, Ohio”: Summing-Up

The author of the article sums up the results of the long-term research devoted to Sherwood Anderson’s collection “Winesburg, Ohio”, which is approached as a fragmentary novel. The results of the research reveal the intrinsic links that build up the imagery of the fragmentary novel and ensure both cohesion and coherence among the stories. The stories as chapters of a novel are treated as a sequence of fragments connected thematically, rhetorically and communicatively. The unity of style and the holographic nature of the artistic details and images used by the writer are responsible for rendering the conception of the collection in eachstory. “The Book of the Grotesque” that opens “Winesburg, Ohio” may be viwed as a flash-forward or even as a magistral that functions as a thematic and compositional key to the fragmentary novel. It determines the conception of the collection, the gallery of characters and their relationship, the overall tone and mood, and the author’s role as a commentator, who is omniscient and knows it all, and whose commentary plays the main part in establishing the cohesive links among the fragments of the novel.

Sh. Anderson; “Winesburg, Ohio”; fragmentary novel; cohesion and coherence; magistral (the pivotal story); flash-forward; flash-back; sequence

The stories belonged together, I felt that, taken together,
they made something like a novel, a complete story [which gave]…
the feeling of the life of a boy growing into young manhood in a town.
Sh. Anderson. Memoirs [1]

На протяжении нескольких лет творчество Ш. Андерсона, а именно сборник его рассказов «Уайнсбург, Огайо», являлось объектом нашего исследования.

В том, что эти рассказы представляют собой единство, не было и нет сомнений: в сборнике отдельные эпизоды в жизни героев сливаются в панораму, рождающую многоголосие,

[1] Цит. по: Phillips W. L. How Sherwood Anderson Wrote Winesburg, Ohio // American Literature. 1951. Vol. 23, no. 1, Mar. Pp. 7–30. URL : https://www.jstor.org/stable/2921429 (accessed: 25.07.2018).

© Марьяновская Е. Л., 2018

свойственное окружающей нас действительности. Именно поэтому к произведению Ш. Андерсона в полной мере применим термин «фрагментарный роман», который впервые использовал Д. Г. Лоуренс по отношению к сборнику Э. Хэмингуэя “In Our Time” [2]. Однако Лоуренс не дал детального определения этому сложному по организации и идеологии жанру, ограничившись лишь коротким комментарием: «…несмотря на то, что “In Our Time” и называется сборником рассказов, это не совсем так. Это серия последовательных зарисовок из жизни человека, представляющая собой фрагментарный роман» [3].

Тем не менее в этом лаконичном утверждении содержится ключевое слово «последовательный», являющееся, на наш взгляд, определяющим в попытке передать основные характеристики этого жанра, который иногда ошибочно отождествляют с так называемой фрагментарной прозой.

Мы полагаем, что фрагментарная проза — способ изложения, позволяющий создавать эффект одновременного присутствия в пространстве и времени соположенных по теме героев. С этой позиции, например, роман Т. Уайлдера “The Bridge of San Luis Rey” — скорее фрагментарная проза, позволяющая посмотреть на один и тот же эпизод бытия с различных точек зрения. При этом использование «многослойной» ретроспекции (flash-back), наряду с религиозным посылом, позволяет автору приблизиться к своей цели — объединить несколько разрозненных судеб за счет единственного обстоятельства — крушения моста, и единственной движущей силы, которая привела их на этот мост, — силы любви, которая у каждого из героев-типажей была своя. Важно отметить, что отдельно взятые сюжетные линии, представляющие истории жертв крушения моста, хотя и являются относительно законченными, все же не могут функционировать как самостоятельные произведения, так как являются всего лишь элементами одного «пазла», «сложить» который пытается главный персонаж романа. И эти элементы не обладают всеми характеристиками целого.

В свою очередь, фрагментарный роман — последовательность, где в какой-то момент выпускается отдельная часть, что увеличивает степень вовлеченности читателя в сложные события сюжетной линии, и процесс сотворчества с автором таким образом становится наиболее активным. При этом целостная структура «распадается на ряд художественно объединенных единиц» (Б. Шкловский) [4] и каждый фрагмент этой структуры сосуществует в ней в двух смысловых слоях — «внутреннем и внешнем, имеет собственное содержание и одновременно вплетен в парадигму отношений с другими элементами» [5]. Получается, что фрагментарный роман можно рассматривать как внутренний вертикальный контекст, если объектом исследования является все единство как совокупность компонентов. Но это же единство можно воспринимать как внешний филологический контекст, если предметом исследования является отдельный рассказ. Именно такой подход важен для исследователя-переводчика, намеревающегося переводить как отдельный фрагмент, так и все единство. Мы разделяем предположение профессора Я.М. Колкера, сформулированное в монографии «Поэзия и проза художественного перевода»: сборник рассказов и отдельный рассказ-глава фрагментарного романа обладают одними и теми же характеристиками, предопределяющими их целостность [6]. И хотя Я.М. Колкер говорит о поэтических единствах, на наш взгляд, это верно и для прозаического сборника. В связи с этим и подходы к исследованию поэтического единства, предлагаемые ученым (тематический, метаконцептуальный, голографический, коммуникативно-риторический, глобальный и гипертекстовый [7]), в полной мере применимы и к фрагментарному роману. Использование этих подходов в процессе предпереводческого анализа позволяет выявить средства когезии (внешней, формальной спаянности) и когерентности (внутренней, содержательной спаянности), которые, будучи неотъемлемыми категориями любого текста, присущи как отдельным фрагментам, так и всему единству «Уайнсбург, Огайо». Умение увидеть, но что еще важнее, восстановить формальные и содержательные связи, цементирующие такой художественный дискурс, необходимо для читателя, будущего переводчика.

---

[2] Q. v.: Lawrence D. H. In Our Time: A Review // Hemingway: A Collection / ed. by R. P. Weeks. Englewood Cliffs (N. J.) : Prentice Hall, 1962.

[3] Ibid. Здесь и далее по тексту перевод наш. — *Е.М.*

[4] Цит по: Ромаданов М.С. «Фрагментарная целостность» романа Малколма Брэдбери «В Эрмитаж!». URL : https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentarnaya-tselostnost-romana-malkolma-bredberi-v-ermitazh (accessed: 20.07.2018).

[5] Там же.

[6] См.: Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. М. : Гуманитарий, 2014. С. 17.

[7] См. там же. С. 99.

Итак, сборник Ш. Андерсона представляет собой фрагментарный роман по формальным характеристикам: действие рассказов происходит в одном и том же маленьком городке в штате Огайо и практически во всех рассказах появляется «сквозной персонаж» — Джордж Уиллард, молодой репортер, который становится историографом этого городка. Однако главная характеристика, делающая этот сборник фрагментарным романом, — общий тон автора и единый замысел, которые суммируются в первом рассказе сборника “The Book of the Grotesque”. В этом своеобразном прологе Ш. Андерсон представляет галерею персонажей-гротесков, у каждого из которых есть то или иное доведенное до гротеска качество, и есть своя, возведенная в ранг непреложной истины, правда. Писатель формулирует свое философское видение, которое объединяет все рассказы в единое целое: с одной стороны, каждому из нас присуща гротесковость, только мы не всегда способны ее увидеть, а в связи с этим нетерпимо относимся к ее проявлению у окружающих; с другой стороны, любая правда, доведенная до крайности, становится абсурдом, гротеском, и люди это должны понимать. Наконец, в каждом рассказе, начиная с “The Book of the Grotesque”, автор показывает, что в большей степени его интересует именно внутренний мир человека, а не внешние характеристики, потому что за уродливой, гротескной оболочкой может скрываться прекрасная, но так и не понятая другими душа.

Если же рассматривать внутреннюю спаянность, которая в нашей статье выходит на первый план, то можно утверждать, что сборник «Уайнсбург, Огайо» представляет собой тот самый материал, который позволяет раскрыть потенциал художественного образа как средоточия связей, обеспечивающих когерентность всего произведения. И здесь снова тематическим и композиционным ключом будет первый рассказ-пролог “The Book of the Grotesque” («Странная книга о странных людях»), который, продолжая аналогию с поэтическим единством, например с венком сонетов, можно назвать магистралом, цементирующим весь фрагментарный роман. Это своего рода рассказ-проспекция (flash-forward), так как в нем Ш. Андерсон суммирует всю необходимую для последующего повествования эксплицитную и имплицитную информацию, своего рода нить Ариадны, скрученную в клубок, который умелый читатель будет постепенно «разматывать» по мере прочтения сборника.

Главный герой, старый писатель, вынашивающий галерею персонажей-гротесков, с самого начала знаменует два противоположных посыла:

– заканчивающейся жизни, когда ничего больше не остается, кроме как наблюдать за окружающей действительностью:

The writer, an old man with a white mustache, had some difficulty in getting into bed. The windows of the house in which he lived were high and he wanted to look at the trees when he awoke in the morning.	Писателю, старику с седыми усами, было тяжело забираться на кровать. В его доме окна располагались высоко, а он хотел смотреть на деревья, когда просыпался по утрам.

– зарождающейся жизни, который призван воплотить в дальнейших рассказах-главах Джордж Уиллард:

Perfectly still he lay and his body was old and not of much use any more, but something inside him was altogether young. He was like a pregnant woman, only that the thing inside him was not a baby but a youth. No, it wasn’t a youth, it was a woman, young, and wearing a coat of mail like a knight. It is absurd, you see, to try to tell what was inside the old writer as he lay on his high bed and listened to the fluttering of his heart. The thing to get at is what the writer, or the young thing within the writer, was thinking about.	Он лежал в кровати очень тихо, и тело его было старым и никчемным, но что-то внутри него оставалось совсем юным. Он был словно беременная женщина, только в нем жил не ребенок, а молодость. Или нет, это была не молодость, а молодая женщина в доспехах рыцаря. Видите, как глупо было объяснять, что творилось внутри старика, когда он лежал на своей высокой кровати и прислушивался к неровному биению своего сердца. В чем действительно стоит разобраться, так это в том, о чем думал старик, а точнее то молодое начало, которое жило в нем.

Этот парадокс, который олицетворяет пожилой писатель, очень важен для всего фрагментарного романа «Уайнсбург, Огайо». Подобно писателю и плотнику, практически все герои последующих глав-фрагментов — люди пожившие и успевшие разочароваться в жизни. Многие из них хотя и старались что-то изменить, но в одних случаях это у них получалось плохо, а в других случаях судьба распоряжалась так, что перемены были невозможны.

Тем не менее мы не согласны с некоторыми критиками, которые утверждают, что все герои «Уайнсбурга» — «сломленные, искалеченные жизнью люди, вызывающие сострадание, неспособные на противоборство враждебной им действительности» [8]. Если бы дело обстояло именно так, рассказ «Странная книга о странных людях» не закончился бы фразой, проецирующей отношение старого писателя на своих персонажей:

Concerning the old carpenter who fixed the bed for the writer, I only mentioned him because he, like many of what are called very common people, became the nearest thing to what is understandable and lovable of all the grotesques in the writer's book.	А что касается плотника, который занимался установкой кровати писателя, то я упомянул о нем только потому, что он, как и все те, кого называют самыми обычными людьми, стал одним из самых понятных и любимых героев в книге писателя.

Образ старого плотника — лакмусовая бумажка жизненного опыта писателя, поскольку именно этот образ определял его как творца, и не только в первом рассказе сборника. Смысловая значимость образа плотника, вроде бы упомянутого вскользь, будет разворачиваться в каждом рассказе, доказывая, что в основе действий всех персонажей-гротесков — искренние человеческие эмоции, что все они страдают от отсутствия дружеского общения, возможности самовыражения (рассказы "Paper Pills" («Вкус перезрелых яблок»), "Mother" («Любовь матери»), "Hands" («Руки»), "Respectability" («Порядочность») и др.) и в основе своей нуждаются в любви и обретении внутренней цельности. Именно об этом пишет Ральф Чьянчио в статье «Вкус перезрелых яблок»: единство видения в сборнике "Уайнсбург, Огайо"»: «Вот эти эмоции лежат в основе тех мечтаний, к которым они стремятся… Да, все они гротески, но это возвышает их над толпой. Их вина в том, что они наивны и невинны, а их социальное поражение — это на самом деле их личный, духовный триумф» [9].

В свою очередь, Джордж Уиллард, который присутствует или упоминается почти во всех рассказах сборника, олицетворяет то молодое начало, которое жило в старом писателе и спасло его от того, чтобы самому не превратиться в гротеск. Ш. Андерсон осторожно, но убедительно вводит молодого репортера в канву повествования и противопоставляет его судьбу судьбам других обитателей Уайнсбурга, которые, еще не понимая этого, чувствуют, что он может стать выразителем их устремлений и мечтаний, и поэтому доверяют ему то, что скрывали от других (например, в рассказе «Порядочность» показательна в этом отношении история Уоша Уильямса). Неслучайно поэтому символичен последний рассказ сборника "Departure": Джордж Уиллард, покидая Уайнсбург и еще не представляя, что ждет его впереди, избавляется от крепких оков обыденного и обывательского отношения к жизни, воплотив таким образом мечту своей матери Элизабет Уиллард, которую она словно молитву произносит в рассказе «Любовь матери» ("Mother"):

I ask God now to give me that privilege. I demand it. I will pay for it. God may beat me with his fists. I will take any blow that may befall if but this my boy be allowed to express something for us both.	Господи, я прошу об этом, я требую. Я заплачу за это сполна. Пусть Господь потом накажет меня. Я приму любую кару, если только моему мальчику будет дозволено воплотить в этой жизни то, что не смогла я и прожить жизнь за нас обоих.

[8] Андерсон Ш. Сборник коротких рассказов (на англ. языке) / предисл. М. Кореневой. М. : Прогресс, 1981. С. 11.

[9] Ciancio R. "The Sweetness of the Twisted Apples": Unity of Vision "Winesburg, Ohio" // PMLA. 1972. Vol. 87, no. 5. Pp. 994–1006. URL : https:// www.jstor.org/stable/461177 (accessed: 20.07.2018).

Даже в тех рассказах, в которых Джордж Уиллард отсутствует, читатель чувствует его имплицитное присутствие. Так, например, рассказ “Paper Pills” начинается с местоимения *he*, и весь первый абзац изобилует личными местоимениями. Такое «начало с середины» (“He was an old man, with a white beard and huge nose and hands”), с одной стороны, создает импликацию предшествования (термин В.А. Кухаренко), а с другой — осуществляет связь с рассказом-магистралом “The Book of the Grotesque”, поскольку отсылает нас к образу старого писателя (“The writer, an old man with a white mustache…”).

Присутствие Джорджа Уилларда то в роли стороннего наблюдателя, то в роли непосредственного участника событий, происходящих в Уайнсбурге, рождает еще одну ключевую характеристику содержательных (смысловых) связей фрагментарного романа Ш. Андерсона. Вместо общепринятой в этом жанре формы выражения мыслей — повествования, рассчитанной на смену событий, писатель прибегает к комментированию именно тогда, когда главным признаком представляется не действие, а состояние. При этом Ш. Андерсон начинает использовать данный прием с первого рассказа «Странная книга о странных людях», готовя читателей к тому, что комментирование будет основным средством связи, цементирующим фрагментарный роман. Смена формы выражения мыслей представляет особую сложность для переводчика, так как в переводе должен сохраниться эффект неспешного, практически устного повествования, людской молвы: это авторские комментарии, в которых “he” зачастую превращается в “I”, но не в то, которое свойственно прозе от первого лица; это “I” от стороннего наблюдателя, который все знает:

It is absurd, you see, to try to tell what was inside the old writer as he lay on his high bed and listened to the fluttering of his heart. The thing to get at is what the writer, or the young thing within the writer, was thinking about. (“The Book of the Grotesque”)	Видите, как глупо было объяснять, что творилось внутри старика, когда он лежал на своей высокой кровати и прислушивался к неровному биению своего сердца. В чем действительно стоит разобраться, так это в том, о чем думал старик, а точнее то молодое начало, которое жило в нем. («Странная книга о странных людях»)
You can see for yourself how the old man, who had spent all of his life writing and was filled with words, would write hundreds of pages concerning this matter. The subject would become so big in his mind that he himself would be in danger of becoming a grotesque. He didn’t, I suppose, for the same reason that he never published the book. It was the young thing inside him that saved the old man. (“The Book of the Grotesque”)	Вы сами теперь можете представить себе, как старик, который всю свою жизнь писал этот труд и был переполнен словами и мыслями, создал сотни страниц, развивая свою теорию. И это его настолько захватило, что он рисковал сам превратиться в смешное и странное существо. Но его миновала эта участь, я думаю, потому, что книга никогда не была опубликована. Старика спасло то молодое начало, что жило в нем. («Странная книга о странных людях»)
The story of Wing Biddlebaum’s hands is worth a book in itself. Sympathetically set forth it would tap many strange, beautiful qualities in obscure men. It is a job for a poet... <…> Let us look briefly into the story of the hands. Perhaps our talking of them will arouse the poet who will tell the hidden wonder story of the influence for which the hands were but fluttering pennants of promise. (“Hands”)	История о руках Винга Биддлбаума заслуживает целой книги. И если написать ее с чувством, то она расскажет многое о странных прекрасных качествах в неприметных людях. Но сделать это может только поэт…<…> Давайте ненадолго заглянем в прошлое, чтобы разобраться в истории рук Винга Биддлбаума. Возможно, наш разговор о них вдохновит поэта, для которого эти руки зазвучат как дрожащее обещание будущей жизни. («Руки»)
HE was an old man with a white beard and huge nose and hands. Long before the time during which we will know him, he was a doctor and drove a jaded white horse from house to house through the streets of Winesburg… <…> Winesburg had forgotten the old man, but in Doctor Reefy there were the seeds of something very fine. (“Paper Pills”)	У него была седая борода, огромный нос и большие руки. Задолго до того, как мы решили рассказать о нем, он уже был врачом и ездил на белой кляче от дома к дому по улицам Уайнсбурга…<…> Ну а в Уайнсбурге все забыли о старике. Но мы хотим рассказать о докторе Рифи, потому что в нем чувствовалось что-то необычное и прекрасное. («Вкус перезрелых яблок»)

Had you been in the earlier years of your life a citizen of the village of Winesburg, Ohio, there would have been for you no mystery in regard to the beast in his cage. “It is like Wash Williams,” you would have said. <…> I go too fast. Not everything about Wash was unclean. (“Respectablity”)	А если бы вы жили в городке Уайнсбург, в Огайо, много лет, то у вас не оставалось бы сомнений, на кого похоже это животное в клетке. «Это же вылитый Уош Уильямс», — сказали бы вы. <…> Однако стоп. Я слишком увлекся. Все-таки не все у Уоша было грязным и неряшливым. («Порядочность»)

Ш. Андерсон использует очень мягкий ненавязчивый тон. Как опытный рассказчик, он понимает, что слишком откровенное управление вниманием читателя может обидеть последнего. Отметим, что неслучайно в первом издании сборника «Уайнсбург, Огайо» (1919) был подзаголовок, который с самого начала регламентировал коммуникативное намерение автора: “A Group of Tales of Ohio Small Town Life”. Употребление слова “tale” вместо слова “story” должно было с самого начала создать эффект рассказанной устно истории, случая из жизни, что и предопределило использование стратегии комментирования, деликатного вмешательства в повествование, которое у других авторов могло бы прозвучать «явно и объективно, а у Андерсона получилось лирично и эмоционально. И единообразие нарративной формы достигается именно за счет единообразия лирической и ассоциативной техники, а также за счет единства тона и создаваемого настроения» [10].

Есть и еще одна характеристика когерентных связей фрагментарного романа «Уайнсбург, Огайо», которая также с самого начала обозначается в первом рассказе-магистрале: с одной стороны, это особенность коммуникативного намерения автора, о которой мы говорили выше (высветление, причем часто в прямом и переносном смысле, внутреннего мира персонажа на фоне порой уродливых внешних характеристик), с другой стороны, это реализация практически в каждом рассказе дихотомии «прекрасное/безобразное», которая формулируется в рассказе «Странная книга о странных людях»:

They were all grotesques. All of the men and women the writer had ever known had become grotesques. The grotesques were not all horrible. Some were amusing, some almost beautiful… (“The Book of the Grotesque”)	Все они были очень необычными, ни на что не похожими. Ни на что не похожие мужчины и женщины — это были те, которых когда-то знал писатель. В них не было ничего ужасного. Некоторые были забавными, некоторых можно было назвать почти прекрасными… («Странная книга о странных людях»)

Метаконцептуальный подход позволяет выявить реализацию проспекции дихотомии «прекрасное/безобразное» на весь фрагментарный роман. Метафорическое обобщение и осмысление действительности в рамках метаконцептуального подхода помогает увидеть взаимосвязь всех фрагментов целого в сборнике Ш. Андерсона. Дихотомия «прекрасное/безобразное» порождает ключевую метафору фрагментарного романа «Уайнсбург, Огайо», которая эксплицитно формулируется в рассказе “Paper Pills”, а имплицитно развертывается практически в каждом рассказе сборника. Мы имеем в виду метафору “the sweetness of the twisted apples” — «вкус перезрелых яблок». Отметим также, что именно поэтому нами использован образ яблок в переводе заглавия рассказа “Paper Pills”, поскольку все, связанное с профессиональной деятельностью доктора Рифи, не может прозвучать, если буквально перевести заглавие, не отражая при этом глубокой философии автора рассказа. «Вкус перезрелых яблок», на наш взгляд, передает одновременно и глубокую философию, и необходимый эстетический контраст. Кроме того, этот образ, являющийся текстообразующей деталью, вместе с рядом других (прежде всего, это образ рук), становится еще одним средством смысловой связи между рассказами-фрагментами

[10] Mellard J. M. Narrative Forms in ‘Winesburg, Ohio” // PMLA. 1968. Vol. 83, no. 5. Pp. 1304–1312. URL : www.jstor.org/stable/1261303. (accessed: 25.07.2018).

сборника, так как за счет своей многомерности и голографичности играет роль «линзы», обеспечивающей крупный план и фокусирующей в душе читателя те лучи, благодаря которым образ «выжигается в памяти», то есть остается там навсегда, как, например, финал рассказа «Руки»:

The kneeling figure looked like a priest engaged in some service of his church. The nervous expressive fingers, flashing in and out of the light, might well have been mistaken for the fingers of the devotee going swiftly through decade after decade of his rosary.	В густом пучке света под столом, стоявшая на коленях фигура напоминала священника, произносившего молитву во время церковной службы. Нервные выразительные пальцы, мелькавшие на свету, можно было принять за пальцы молящегося, быстро, десяток за десятком, перебирающего бусины своих четок.

Неслучайно в начале статьи, давая предварительное определение фрагментарного романа, мы упоминали степень вовлеченности читателя в сотворчество, особенно если этот читатель — переводчик. Все определяющие фрагментарный роман характеристики так или иначе закладываются Ш. Андерсоном в рассказ-магистрал «Странная книга о странных людях». Именно поэтому мы определяем его как рассказ-проспекцию, в котором отражаются все характеристики, свойственные каждому последующему рассказу и всему сборнику в целом, в чем и заключается голографичность каждого из фрагментов романа, начиная с первого. Рассказ «Странная книга о странных людях» — это и рассказ, предвосхищающий ретроспекцию (flash-forward), так как все, о чем будет упоминаться в следующих фрагментах, не что иное, как воспоминания старого писателя, и это обстоятельство также является основополагающим для всего сборника.

Рамки статьи не позволяют далее иллюстрировать проявление всех перечисленных выше смысловых связей в каждом рассказе сборника, поэтому обобщим в уточненном определении фрагментарного романа как жанра, которое удалось сформулировать, исследуя концептуальность в развитии сюжета, соположенности героев и их взаимоотношений в сборнике Ш. Андерсона «Уайнсбург, Огайо», который можно классифицировать как фрагментарный роман-комментарий.

Итак, под фрагментарным романом мы понимаем последовательность эпизодов (фрагментов), которые ассоциативно и/или логически/хронологически объединены не только посредством общей темы и содержания, но и четко выраженным развитием сюжета, вовлекающим одного и того же героя или собирательный, представленный в нескольких персонажах образ. Каждый рассказ во фрагментарном романе должен быть связан с остальными на уровне внешних формальных и внутренних содержательных связей и вносить свой вклад в развитие общего сюжета. При этом каждый отдельный рассказ может функционировать самостоятельно и в то же время выступать как самостоятельный подсюжет, сохраняя все характеристики, эксплицитно или имплицитно сформулированные в магистральном рассказе, который является тематическим и смысловым ключом всего произведения, суммирующим обобщенное коммуникативное намерение, нарративную форму, «философское послание читателю» [11]. Наконец, необходимой характеристикой фрагментарного романа является единый образный строй и стержнеобразующие художественные детали, обеспечивающие функционирование произведения как гипертекста, состоящего из отсылок и сцеплений, цементирующих дискурс на разных уровнях.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Андерсон, Ш. Сборник коротких рассказов (на англ. языке) [Текст] / предисл. М. Кореневой. — М. : Прогресс, 1981. — 352 с. — С. 6–22.

2. Колкер, Я. М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]. — М. : Гуманитарий, 2014. — 497 с.

3. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста [Текст]. — М. : Просвещение, 1988. — 192 с.

4. Ромаданов, М. С. «Фрагментарная целостность» романа Малколма Брэдбери «В Эрмитаж!» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentarnaya-tselostnost-romana-malkolma-bredberi-v-ermitazh (дата обращения: 20.07.2018).

[11] Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. С. 131.

5. Ciancio, R. “The Sweetness of the Twisted Apples”: Unity of Vision in Winesburg, Ohio [Electronic resource] // PMLA. — 1972. — Vol. 87, no. 5. — Pp. 994–1006. — Mode of access : https:// www.jstor.org/ stable/461177 (accessed: 20.07.2018).

6. Lawrence, D. H. In Our Time: A Review [Text] // Hemingway: A Collection / ed. by P. Weeks. — Englewood Cliffs (N. J.) : Prentice Hall, 1962. — 180 p.

7. Mellard, J. M. Narrative Forms in “Winesburg, Ohio” [Electronic resource] // PMLA. — 1968. — Vol. 83, no. 5. — Pp. 1304–1312. — Mode of access : www.jstor.org/stable/1261303 (accessed: 25.07.2018).

8. Phillips, W. L. How Sherwood Anderson Wrote Winesburg, Ohio [Electronic resource] // American Literature. — 1951. — Vol. 23, no. 1, Mar. — Pp. 7–30. — Mode of access : https://www.jstor.org/stable/2921429 (accessed: 25.07.2018).

References

1. Anderson Sh. *Selected Short Storied* : forew. by M. Koreneva. Moscow : Progress, 1981. Pp. 6–22. (in Russian)

2. Kolker Ya. M. *Poeziya i Prosa Khudozhestvennogo Perevoda* [Poetry and Prose of Translating Fiction]. M. : Humanist, 2014. 497 Pp. (in Russian)

3. Kukharenko V. A. *Interpretatsiya Teksta* [Text Interpretation]. M. : Prosveshcheniye, 1988. 192 Pp. (in Russian)

4. Romadanov M. S. “*Fragmentarnaya Tselostnost” romana M. Bradbury “V Hermitage!*”. Mode of access : https://cyberleninka.ru/article/n/fragmentarnaya-tselostnost-romana-malkolma-bredberi-v-ermitazh (accessed: 20.07.2018). (in Russian)

5. Ciancio R. “The Sweetness of the Twisted Apples”: Unity of Vision in “Winesburg, Ohio”. *PMLA*. 1972. Vol. 87, no. 5. Pp. 994–1006. Mode of access : https://www.jstor.org/stable/461177 (accessed: 20.07.2018).

6. Lawrence D. H. In Our Time: A Review. *Hemingway: A Collection*. Ed. by P. Weeks. Englewood Cliffs (N. J.) : Prentice Hall, 1962. 180 Pp.

7. Mellard J. M. Narrative Forms in “Winesburg, Ohio”. *PMLA*. 1968. Vol. 83, no. 5. Pp. 1304–1312. Mode of access : www.jstor.org/stable/1261303 (accessed: 25.07.2018).

8. Phillips W. L. How Sherwood Anderson Wrote Winesburg, Ohio. *American Literature*. 1951. Vol. 23, no. 1, Mar. Pp. 7–30. Mode of access : https://www.jstor.org/stable/2921429 (accessed: 25.07.2018).

Сведения об авторе

Марьяновская Елена Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор Института иностранных языков, директор НОП «Институт Конфуция» РГУ имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. E-mail: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Maryanovskaya, Elena — Ph. D. (Language Teaching Methodology), Director of the Institute of Foreign Languages, Associate Professor and Head of the Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Director of Confucius Institute at Ryazan State University named for S. Yesenin. Postal address: 46, Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Office tel.: (4912) 21-57-23. E-mail: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

УДК 821.111

А. В. Титова

Противоречивость творчества Джона Рочестера

Джон Уилмот, второй граф Рочестер — видная фигура в Британии эпохи Реставрации. Он был поэтом, драматургом, покровителем писателей и актеров, переводчиком и придворным короля Карла II. Рочестер играл заметную роль в общественной жизни своего времени. Именно поэтому вызывает интерес анализ его творчества.

Поэт-либертин экспериментировал с образами и структурой стихотворений. Он нарушал устоявшиеся каноны жанров и эпатировал публику своей фривольной манерой изложения.

Однако за всем этим стояло стремление высветить проблемы общества: нравы двора английского короля, физические и моральные болезни знати. Важное место в творчестве поэта занимает тема политического и религиозного кризиса в стране. Кроме того, Рочестер как видный писатель своего времени не мог обойти стороной процессы, происходившие в литературной жизни второй половины XVII века, поэтому особое место в его творчестве занимают сатиры на популярных поэтов и драматургов того времени.

Этот контраст между фривольностью языка и серьезностью поднимаемых тем и составляет особый стиль поэта-либертина.

английские либертины; Джон Уилмот, второй граф Рочестер; пастораль; сатира; драма

Titova, Anna

Controversy of John Rochester's Works

John Wilmot, the second earl Rochester, was a prominent figure of the Restoration epoch in Britain. He was a poet, a dramatist, a patron of authors and actors, a translator and a courtier at the royal household of Charles II. Rochester played a prominent role in public life of his time. That's why the analysis of his creativity sparks such an interest.

The libertine poet experimented with the images and the structure of his works. He broke the canons of the genres and shocked the public by his frivolous style.

But for all these things he had a desire to reveal the problems of contemporary society. These were the morals of the English king's court and both physical and moral sufferings of the elite. The theme of the country's economic and political crisis also held a prominent place. Moreover, Rochester, as one of the central writers of his time, couldn't leave out the processes that were taking place in the English literary life of the second half of the XVII century. That's why satires on the contemporary and popular poets and dramatists have a special place in his creative heritage.

This contrast between the frivolous form and the seriousness of the subjects implied characterizes the libertine's special style of poetry.

British libertines; John Wilmot, 2nd Earl of Rochester; pastoral poems; satire; drama

Р. М. Самарин, характеризуя литературу эпохи Реставрации, замечает: «Культурный процесс в годы Реставрации отражал сложности и противоречия в общественной ситуации. Карл II, человек, искушенный в политической борьбе и с большим пониманием изучавший борьбу французского абсолютизма за полновластный контроль над обществом, стремился сделать свой двор средоточием искусств, поощряемых к сотрудничеству с реставрированным режимом» [1]. После Реставрации монархии в Англии при дворе короля Карла II образовался широкий круг поэтов и драматургов, многие из которых вернулись из Франции вместе с королем и сохранили влияние французской культуры.

Что касается собственно английского либертинизма, довольно часто упоминают имя *Джона Уилмота, второго графа Рочестера*. И действительно, он является одним из лучших

[1] Самарин Р.М. Литература периода Реставрации. Драйден // История всемирной литературы : в 8 т. М. : Наука, 1983–1994. Т. 4. 1987. С. 196.

© Титова А. В., 2018

выразителей идеалов представителей данного направления, распространившегося при дворе короля Карла II в 60–70-е годы XVII века. Рочестер относится к кругу придворных поэтов и драматургов, прозванному “Merry Gang”. Он был видным литературным покровителем, поэтом, сатириком, переводчиком и даже, возможно, драматургом. Стихи Рочестера и оставшиеся после него письма свидетельствуют о его противоречивых жизненных стремлениях. Следует отметить, что такая противоречивость является типичной чертой не только данного поэта-либертина, но и всех выдающихся представителей этого направления в британской литературе того времени, сформировавшейся отчасти под влиянием идей Томаса Гоббса, которые изложены в его знаменитом труде «Левиафан».

Постараемся показать на примерах, как Джон Уилмот, второй граф Рочестер, разрушал устоявшие каноны жанра, критиковал государственную власть и видных литературных деятелей, провоцировал публику, говоря на понятном для нее языке.

Поэты эпохи Реставрации часто использовали в своих произведениях противопоставление деревни и города. Рочестер не был исключением. У него есть целый ряд любовных стихотворений. Рассмотрим для примера «Диалог между Стрефоном и Дафной»:

Silly swain, I’le have you know	Знай же, пастушок тупой,
T’was my practice Long ago.	То давно обычай мой:
Whilst you vainly thought me true,	Думал, я верна, любя,
I was false in scorn of you.	Нет, презрела я тебя!
By my tears my hearts disguise,	Наши слезы лишь обман,
I thy love and thee despise.	Ты с Эротом – подлый клан,
Woman kind more joy discover’s	Рады женщины создать
Making, fools, then keeping lovers.	Дураков влюбленных рать [2].

В. Н. Ганин в работе «Поэтика пасторали. Эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков», анализируя стихотворение Рочестера, подчеркивает, что в целом стихотворение написано в рамках жанра пасторали, но его концовка идет вразрез с каноном. Он приходит к следующему выводу: «Герои пасторали могли обвинять своих возлюбленных в жестокосердии и коварстве, но самоличное признание героини в лицемерии было явным нарушением принятых в пасторали правил игры. Сама идея лицемерия была чужда и враждебна миру пасторали, так как оно считалось порождением противостоящих ей города и цивилизации» [3]. Однако природа у Рочестера играла хотя символичную, но второстепенную роль: она служила лишь фоном, подчеркивающим пороки главных героев стихотворений.

Более поздняя сатира «Прогулка по Сент-Джеймсскому парку», как и лирическое произведение «Несовершенное удовольствие», является комическим стихотворением о противоречии между сексуальным желанием и вознаграждением. Автор вовлечен в ситуацию как непосредственный участник, но в то же время, как поэт, он должен быть беспристрастен и смотреть на проблему как бы извне. Поэтому, попав в нелепую ситуацию (и одурачен, и пытается быть советчиком), он намеренно выставляет себя на посмешище, доводя повествование до бурлеска.

В «Прогулке по Сент-Джеймсскому парку» Рочестер показывает, каким образом можно использовать бестактность. Деликатность здесь применима, по его мнению, только к манере (и скорее, ее можно назвать точностью), а не к воздействию на читателя [4]. Рассказчик начинает стихотворение с того, что, подобно Адаму, прогуливается по Сент-Джеймсскому парку — декоративному саду, улучшенному Карлом II и открытому в городе около 1661 года [5]. С самого начала стихотворения поэт-либертин позволяет себе скабрезности, задавая тон всему произведению:

---

[2] Рочестер Дж. У., граф. Стихотворения, письма / пер. с англ. А.В. Лукьянова. М. : СПСЛ : Русская панорама, 2014. 704 с. С. 36–37.

[3] Ганин В.Н. Поэтика пасторали. Эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.05. М., 1997. 32 с. С. 12.

[4] Q. v.: Sitter J.E. Rochester’s Reader and the Problem of Satiric Audience // Critical Essays / ed. by D. M. Vieth. 1988. Pp. 149–161. P. 32.

[5] Pasch Th. K. Concentricity, Christian Myth, and the Self-incriminating Narrati in Rochester’s “A Ramble in St. James’s Park” // Ibid. P. 151.

Much wine had passed, with grave discourse	Шел разговор у выпивох:
Of who fucks who, and who does worse	Кто драл кого, а кто был плох [6].

Далее Рочестер оправдывает сплетни, а флирт представляет как неотъемлемую часть модной в обществе игры. Рассказчик, выражая мнение автора, несмотря на свое собственное невоздержание, отмечает, что не неверность его любовницы как таковая вызывает его гнев, а социальное и сексуальное лицемерие, которое символизирует парк, а также участие женщины в «учтивой беседе» с тремя щеголями:

One, in a strain ‘twixt tune and nonsense,	Вот кто-то выкрикнул: «Молю!
Cries, “Madam, I have loved you long since.	Мадам, я Вас давно люблю.
Permit me your fair hand to kiss”;	О, можно ль чмокнуть ручку?» —
When at her mouth her cunt cries, “Yes!”	«Да!» — устами молвила п… [7].

После длинной бранной речи рассказчик заканчивает свое повествование эгоистическим общим выводом, не имеющим отношения конкретно к происшествию с возлюбленной рассказчика, Коринной:

And may no woman better thrive	Никто не смеет осквернять
That dares prophane the cunt I swive!	П… , что мне пришлось е… ! [8]

Читатель поставлен в неловкое положение не только обилием бранных слов, но и позицией наблюдателя за Коринной и рассказчиком. Он и сторонний наблюдатель, который замечает, что и Коринна с ее «cunt cries “Yes!”», и рассказчик, который отвергает свои чувства, находятся по одну сторону баррикад, так как оба оказываются “a whore in understanding”. Читатель также своего рода участник событий, поскольку автор предлагает ему занять активную позицию и не быть “a passive pot for fools to spend in” [9].

Помимо критики нравов и социального строя, Рочестер занимал активную позицию в литературном процессе страны. Он не только сам являлся сочинителем, но и был покровителем и критиком. Ряд его сатир можно условно отнести к литературному циклу.

В «Весьма высокопарном послании к Эфелии» (“A Very Heroical Epistle in Answer to Ephelia”) Рочестер использует несоответствие. В этом произведении оно происходит от столкновения формальной внешней благопристойности и неблагопристойности желаний комического героя:

You may as justly at the Sun repine,	Роптать на Солнце право Вам дано,
Because alike it does not always shine.	Ведь не всегда сияет нам оно.
No glorious Thing was ever made to stay;	Все яркое не вечно в свой черед —
My Blazing-Star but visits, and away:	Моя звезда возникнет и уйдет:
As fatal too it shines, as those i’th’ Skies;	Фатальная, как та, на небесах,
’Tis never seen, but some great Lady dies:	Она у дам кончающих в глазах.
The boasted Favour you so precious hold,	Гордились Вы любезностью ко мне,
To me’s no more than changing of my Gold,	Лишь золото платил я Вам втройне;
Whate’er you gave, I paid you back in Bliss	Что Вы давали, я вернул Вам в счастье,
Then where's the Obligation pray of this?	Где Ваша благодарность и участье? [10]

Данное стихотворение можно условно отнести к литературным сатирам поэта-либертина. Одним из объектов его критики является Джон Шеффилд, лорд Малгрейв, поэт и покровитель молодых литераторов того времени. Отношения двух коллег по цеху испортились, когда Джон Драйден поменял покровителя и ушел от графа к лорду. Героем процитированной выше сатиры «Весьма высокопарное послание к Эфелии» является именно Малгрейв. Некоторые критики,

[6] Рочестер Дж. У., граф. Стихотворения, письма. С. 114–115.
[7] Там же. С. 118–119.
[8] Там же. С. 122–123.
[9] Sitter J.E. Rochester’s Reader and the Problem of Satiric Audience. P. 34.
[10] Рочестер Дж. У., граф. Стихотворения, письма. С. 158–159.

в частности Дэвид Фарли-Хиллз, анализируя данное произведение, приходят к выводу, что представления главного героя непоследовательны и в результате это приводит к «неоправданным изменениям уровня комического» [11].

Анализ сатир Рочестера, условно относящихся к литературному циклу, помогает лучше понять его взаимоотношения с коллегами по цеху и его предпочтения. В этих сатирах лучше очерчен круг профессионального общения поэта-либертина, его друзей, коллег и людей, близких ему по духу. Сатиры также помогают еще раз выявить традиционные средства, которые Рочестер использовал при критике оппонентов: иронию, остроумие, скабрезную лексику, абсурдность и противоречивость образов. Достаточно часто он прибегал к аллюзиям на других авторов, как предшественников, так и современников. Литературные споры того времени, нашедшие отражение в рассмотренных произведениях, не только представляют собой художественную ценность, но и помогают лучше понять вспыльчивый, ранимый, эгоистичный и ревнивый характер автора.

Наиболее известна приписываемая Рочестеру, авторство которого не доказано, драматическая работа «Содом, или Квинтэссенция разврата». Посмертная публикация подняла волну судебных исков за ее неприличность и была уничтожена. Пьеса состоит из пяти актов, написанных рифмованными двустишиями. Имеются два пролога, два эпилога и короткая заключительная речь. Пьеса открывается словами Боллоксиниона, короля Содома, разрешающего гомосексуализм как дозволенную в царстве сексуальную практику. Данная политика, как сообщает генерал Баггерантос, приветствуется среди военных, которые в результате станут меньше тратить средств на проституток. Однако с учетом мнения врачей подобная практика объявляется неоправданной. Короля же не убеждает ее неправомерность, и при появлении демонов, огня и серы он объявляет о своем намерении уйти жить в пещеру и умереть, занимаясь содомией со своим фаворитом, принцем Покенелло.

«Содом, или Квинтэссенция разврата» является скрытой сатирой на решения, принимаемые британским монархом. В пьесе создан образ правителя, настойчиво продвигающего свои сексуальные предпочтения. В английском же обществе того времени шли споры по поводу реальных мотивов короля Карла II, активно продвигавшего религиозную терпимость.

Вольтер дает высокую оценку английской литературы эпохи Реставрации: «Графы де Дорсет и де Роскоммон, оба герцога Букингемские, милорд Галифакс и многие другие не считали для себя унизительным стать великими поэтами и знаменитыми писателями. Труды их делают им больше чести, чем их имя. Они культивировали литературу так, как если бы ожидали, что это принесет им богатство; более того, они сделали искусство почетным в глазах народа, который вообще-то нуждается в водительстве знати, а между тем в Англии меньше подчиняется ее руководству, чем где бы то ни было в мире» [12]. В этих словах французского философа заключена не только высокая оценка поэтического мастерства писателей того времени, но и социальная значимость их творений, а также роль в обществе в целом.

Список использованной литературы

1. Вольтер. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» [Текст] / пер. С. Шейнман-Топштейн. — М. : Пушкинская библиотека : АСТ, 2005. — 748 с.
2. Ганин, В. Н. Поэтика пасторали. Эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.01.05. — М., 1997. — 32 с.
3. Рочестер, Дж. У., граф. Стихотворения, письма [Текст] / пер. с англ. А.В. Лукьянова. — М. : СПСЛ : Русская панорама, 2014. — 704 с.
4. Самарин, Р. М. Литература периода Реставрации. Драйден [Текст] // История всемирной литературы : в 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Наука, 1983–1994. — Т. 4. — 1987. — С. 196–202.
5. Farley-Hills, D. The Benevolence of Laughter: Comic Poetry of the Commonwealth and Restoration [Text]. — L. : Macmillan, 1974. — 212 p.

[11] Farley-Hills D. The Benevolence of Laughter: Comic Poetry of the Commonwealth and Restoration. L. : Macmillan, 1974. P. 154. Перевод текста наш. – *А.Т.*

[12] Вольтер. Письмо двадцать первое. О графе Рочестере и г-не Уоллере // Вольтер. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» / пер. С. Шейнман-Топштейн. М. : Пушкинская библиотека : АСТ, 2005. 748 с. С. 534.

6. Pasch, T. K. Concentricity, Christian Myth, and the Self-incriminating Narration in Rochester's "A Ramble in St. James's Park" [Text] // Critical Essays / ed. by D. M. Vieth. — 1988. — Pp. 149–161.

7. Paulson, R. Rochester: The Body Politic and the Body Private [Text] // The Author and His Work. — 1978. — Pp. 103–121.

8. Sitter, J. E. Rochester's Reader and the Problem of Satiric Audience [Text] // Critical Essays / ed. by D. M. Vieth. — 1988. — Pp. 27–44.

9. Weinbrot, H. D. Eighteenth-Century Satire: Essays on Text and Context from Dryden to Peter Pindar [Text]. — Cambridge : Cambridge UP, 1988. — 276 p.

References

1. Vol'ter. *Filosofskie povesti. Filosofskie pis'ma. Stat'i iz "Filosofskogo slovarya"* [Philosophical Novellettes. Philosophical Letters. Articles from "Philosophical Dictionary"]. M. : Pushkinskaya biblioteka : AST, 2005. 748 p. (in Russian)

2. Ganin V. N. *Poehtika pastorali. Evolyuciya anglijskoj pastoral'noj poehzii XVI–XVII vekov* [Poetics of the Pastoral Poems. Evolution of the Pastoral Poetry in XVI–XVII centuries]. M., 1997. 32 p. (in Russian)

3. Rochester D. U., graf. *Stikhotvoreniya, pis'ma* [Rochester, J. W., earl of. Poems, letters]. M. : SPSL : Russian Panorama, 2014. 704 p. (in Russian)

4. Samarin R. M. *Literatura perioda Restavratsii. Drayden* [Luterature of the Restoration Period. Dryden]. M. : Nauka, 1983–1994. Vol. 4. 1987. Pp. 196–202. (in Russian)

5. Farley-Hills D. *The Benevolence of Laughter: Comic Poetry of the Commonwealth and Restoration*. L. : Macmillan, 1974. 212 p.

6. Pasch T. K. Concentricity, Christian Myth, and the Self-incriminating Narration in Rochester's "A Ramble in St. James's Park". *Critical Essays*. Ed. by D. M. Vieth. 1988. Pp. 149–161.

7. Paulson R. Rochester: The Body Politic and the Body Private. The Author and His Work. 1978. Pp. 103–121.

8. Sitter J. E. Rochester's Reader and the Problem of Satiric Audience. *Critical Essays*. Ed. by D. M. Vieth. 1988. Pp. 27–44.

9. Weinbrot H. D. *Eighteenth-Century Satire: Essays on Text and Context from Dryden to Peter Pindar*. Cambridge : Cambridge UP, 1988. 276 p.

Сведения об авторе

Титова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». Почтовый адрес: 390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел.: 8(412) 97-15-32 (доб. 1031). E-mail: ttvanna 13@gmail.com

Titova, Anna — Ph. D. (Philology), Associate Professor of Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Ryazan State University named for S. Yesenin. Postal address: 46, Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8 (4912) 97-15-32 (ext. 1031). E-mail: ttvanna13@gmail.com

УДК 81’25

Е. С. Устинова

О плотности смысла поэтического текста в переводческом аспекте

Рассматривая плотность художественного и, в первую очередь, поэтического текста как единство емкости и лаконичности, автор трактует лаконичность не столько как краткость и компрессию, сколько как отсутствие необязательных элементов. Соответственно лаконичность противопоставляется «размыванию» смыслового потенциала стихотворения, что демонстрируется на примере. Автор не считает повторы врагом лаконичности, но настаивает на том, что повторы и детализация способствуют плотности текста, если они не воспроизводят уже сказанное, а создают дополнительные текстуальные смыслы. И, напротив, образность, без которой поэзия немыслима, может также «размывать» ткань стиха при условии неоправданного нагромождения метафор. При этом судить о смысловой функции «избыточной» (на первый взгляд) информации можно только в рамках целого текста.

Предлагаемая трактовка плотности поэтического текста апробируется на предпереводческом анализе стихотворения А.А.Тарковского «Посредине мира», результатом которого является авторский перевод стихотворения на английский язык.

плотность; емкость; лаконичность; избыточность; «размывание смысла»; повтор; детализация; Арсений Тарковский; «Посредине мира»

Ustinova, Elena

Semantic Compactness of a Poem: a Translator’s Perspective

The notion of compactness, in reference to a poetic text, is treated as a unity of compression and information capacity (including factual, conceptual, emotive and aesthetic information). Compression is viewed as absence of irrelevant information rather than mere brevity. Therefore, compactness of a poetic text is opposed to its “dilution”. The author does not wage war on the use of repetition or specific small details, but insists on making a distinction between *seemingly* “superfluous” information, which, in fact, creates an under-current of implicit meaning, and information, which is being stubbornly expounded to the readers long after its essence was presented through a summarizing image. The “dilution” of a poetic text can sometimes be blamed on excessive use of metaphorical language employed for a purely formal effect. The difference between verbosity and relevant “redundancy” can only be judged within the framework of the text as a conceptual entity.

The author’s vision of “compactness” is tested in the article through a pre-translation analysis of Arseny Tarkovsky’s poem “In the Middle of the World”, followed by the author’s translation of the verse from Russian into English.

compactness; compression; brevity; redundancy; verbosity; “dilution”; repetition; detail; Arseny Tarkovsky; “In the Middle of the World”

«Плотность» как термин, применимый к тексту и его смыслу

Термин «плотность» по отношению к художественному тексту используется в статье как сугубо рабочий, обозначая единство емкости и лаконичности текста. При этом поэтическое слово предлагается понимать и буквально как конкретную лексическую единицу, и обобщенно как вербализацию поэтического видения.

Термин «плотность» нечасто используется в гуманитарной сфере, но опирающиеся на него исследователи определяют его очень сходно, хотя и не совсем идентично. Смысловые расхождения в трактовке понятий «плотность текста» и «плотность смысла» во многом зависят от исследуемого дискурсивного жанра.

© Устинова Е. С., 2018

Е.В. Малыгина определяет плотность текста как «структурную краткость при максимальной семантической наполненности» [1], что по сути близко нашему пониманию термина. Однако, поскольку Е.В. Малыгина исследует жанр телевизионного анонса, то краткость в данном случае становится исходной и необходимой характеристикой, а наполненность определяется «наложением, переплетением риторических фигур» [2]. С. Кузнецова, рассматривая плотность как самый главный признак качественного текста, в основном имеет в виду жанр научной статьи. Она полагает, что, «с одной стороны, плотность — это информационная насыщенность, с другой — плотность мысли автора и кристальная ясность в изложении… с третьей — выбор точных слов и т. д.» [3]. Здесь одна «плотность» определяется через другую, но мысль автора ясна, и именно в этом ключе имеет смысл говорить о плотности поэтического текста как о сочетании емкости и лаконичности, а также о важности смысловой плотности текста в любом дискурсе — от лозунга рекламы до научной диссертации и от хайку до многотомного романа.

Что касается плотности поэтического текста, мы ассоциируем ее не столько с объемом текста (законченный поэтический текст может быть поэмой, романом в стихах и даже двустишием), сколько *с отсутствием необязательных элементов*, не способствующих раскрытию эмоционального переживания поэта.

Известно, что плотность художественного текста, особенно поэтического, в значительной мере обусловливается его образностью. Однако подчеркнем, что образность не сводится к обильному использованию тропов и выразительных фигур речи. Несмотря на то что роль метафорического отражения мира в поэзии неоспорима, не меньший потенциал выразительности и емкости имеют художественные детали, поскольку одна-единственная деталь способна репрезентировать множество необязательных подробностей. В противовес метафоричности приемов, основанных на уподоблении, использование емких художественных деталей можно условно считать *текстуальной метонимией* (а точнее, *текстуальной синекдохой*). Именно на художественной детали в основном зиждется, например, лаконичная образность классической японской и китайской поэзии.

Интересный подход к плотности художественного текста предлагает Е.В. Ермакова, которая вводит понятие «*интерпретационная* плотность» художественного текста, трактуя его как «возможность разных прочтений» [4]. В этом смысле интерпретационная плотность связана с образностью во всех ее проявлениях, включая использование фактических деталей, которые нередко становятся стержнем образной структуры стиха.

О.Ю. Авдевнина в автореферате диссертации, посвященной плотности текста, подчеркивает его неоднородность: «Смысловая плотность выражается в неоднородности текстовой информации, разной концентрации актуализированных элементов в тексте, их смысловой усложненности, обусловленной тесным взаимодействием единиц разных планов: содержания и семантики текста» [5]. Подтверждением тезиса о «разной концентрации актуализированных элементов в тексте» служат «антипримеры» стихотворений, авторы которых нагромождают метафоры, что отнюдь не способствует целостному восприятию стиха, потому что он «не дышит». Эту тенденцию высмеивал еще В. Соловьёв, написавший в 1895 году язвительную пародию «На небесах горят паникадила» [6]. Хочется думать, что это был выпад не против символизма как литературного течения, а против стремления неумелых поэтов поразить воображение читателя.

---

[1] Малыгина Л. Е. Высокая «плотность текста» // Культура речи. 2015. № 6. С. 52–57. С. 52.

[2] Там же. С. 53.

[3] Кузнецова С. Что такое плотность текста и почему она важна. URL : https://texterra.ru/blog/chto-takoe-plotnost-teksta-i-pochemu-ona-vazhna.html (дата обращения: 20.06.2018)

[4] Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / под ред. М. Б. Борисовой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 200 с. С. 173.

[5] Авдевнина О. Ю. Смысловая плотность художественного текста (на материале русскоязычной прозы В. В. Набокова) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1997. URL : http://cheloveknauka.com/smyslovaya-plotnost-hudozhestvennogo-teksta#ixzz5L9jzbJ6T (дата обращения: 21.07.2018).

[6] URL : http://www.klassika.ru/ (дата обращения: 24.07.2018).

«Плотность» художественного текста в противовес его «размытости»

Если плотность текста соотносить с его информативностью, то следует учитывать асимметричность языкового знака: по емкому выражению Н.С. Валгиной, «слов меньше, чем выражаемых смыслов. Это закон “нормального” речетекстообразования» [7]. Противопоставляя избыточности семантическую экономию, при которой «какие-то элементы смысла могут быть представлены имплицитно», «в глубинной структуре», Н.С. Валгина усматривает в этой избыточности то, что «в поверхностной структуре имеется несколько элементов, представляющих один и тот же элемент глубинной структуры» [8]. В данном случае речь идет об избыточности как смысловом повторе. Для жанров, не связанных с эмоциональным и эстетическим переживанием, повтор противоречит емкости и поэтому нежелателен. Так, применительно к научной статье С. Кузнецова дает категорический совет: «Никаких повторов — ни смысловых, ни стилистических» [9]. Разумеется, данный совет неприменим к художественному тексту, где повторы сами по себе могут быть носителями смысла за пределами значения повторяемых языковых или речевых единиц. Именно поэтому, вероятно, следует проводить различие не только между *буквальным* повтором (от морфемы до предложения или сверхфразового единства) и *семантическим* повтором-парафразом, но и — что гораздо важнее для плотности поэтического текста — между любым повтором (дословным или перефразированным), при котором *накопленная информация переплавляется в новый смысл,* и повтором (дословным или перефразированным), который *воспроизводит уже выраженный смысл*.

Плотность смысла в поэзии определяется не малым контекстом, то есть не предложением и не строфой, а контекстом всего произведения в той мере, в которой строфа (строка, слово) встает на предназначенное место. И то, что в одном контексте ощущается как размытость, в другом может увеличивать смысловую плотность. Хрестоматийный пример — контактный и дистантный повтор слова “boots” в одноименном стихотворении Р. Киплинга.

Даже у таких выдающихся поэтов, как Ф.И. Тютчев, встречаются произведения, в которых плотный стих, вовремя не законченный, размывается, теряет плотность.

Она сидела на полу
И груду писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело…

В этих восьми строках нет ни одного лишнего слова, образ лаконичен и выразителен. Они составляют законченное стихотворение. Но поэт продолжает:

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени [10].

---

[7] Валгина Н. С. Теория текста. URL : http://evartist.narod.ru/text14/28.htm (дата обращения: 23.07.2018).
[8] Валгина Н. С. Теория текста.
[9] Кузнецова С. Что такое плотность текста и почему она важна.
[10] Тютчев Ф. Стихотворения. М. : Правда, 1978. 320 с. С. 233.

Перечисление пережитых мгновений здесь избыточно, поскольку, во-первых, всеобщность человеческого опыта подразумевает, что наше прошлое состоит и из счастливых, и из горестных мгновений и, во-вторых, поэт переходит от сдержанно-лаконичного тона (и именно поэтому выразительного) к сентиментальному. Кроме того, завершающая строка не стоит в сильной позиции: сравнение с тенью по сути повторяет сравнение с душой, только что покинувшей свое тело. Таким образом, строфы 3 и 4 выражают то, что уже эксплицитно и имплицитно выражено в первых восьми строках.

Подход к предпереводческому анализу поэтического произведения с позиций структуры и смысловой плотности стиха

Рассмотрим стихотворение А. Тарковского «Посредине мира» на предмет смысловой плотности, обусловленной структурой стихотворения, с тем чтобы выявить, что нельзя утратить в переводе, а чем можно пожертвовать.

Я человек, я посредине мира,
За мною — мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое кляну, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И — Боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток [11].

Первая строфа создает пространственную перспективу. С помощью метафорической гиперболы, антитезы и параллельных конструкций, подчеркивающих и родство, и контраст микро- и макромира, человек предстает как творение природы, способное познавать бесконечно малое и невообразимо огромное. Поскольку понятие «инфузория» может трактоваться обобщенно — не как название конкретного вида, а как наименование любых примитивных крошечных существ, различимых лишь под микроскопом, точно переводить этот термин необязательно. Повтор слова «мириады» важен в оригинале как выражение неисчислимого множества и микроорганизмов, и звезд. Передать в переводе нужно и противопоставление двух миров, и объединяющее их начало, а именно бесчисленность. Сохранить ли исходное средство интенсификации («мириады») или компенсировать его чем-то — проблема перевода, но смысл «сближающего противопоставления» должен быть передан, так как микро- и макромир в стихотворении соединяются мостом — человеком, который их познает. И если бы в переводе прозвучало не просто "*two worlds/shores/cosmoses*", а добавление "two *kindred* worlds" (два родственных мира), это не показалось бы переводческим измышлением, ибо в строфе 1 тема близости миров репрезентирована в двух последних строках.

Трудность в переводе может создать самая обычная фраза «*Я человек*». Буквальный перевод "*I am a man*" подчеркивает маскулинность персонажа, поэтому возможен перевод "*I am a human being"* или какой-то иной способ причислить себя к виду Homo Sapiens.

Вторая строфа семантически связана с первой отношениями «пересечения», то есть взаимообусловленного равноправия. В первой строфе познание устройства Вселенной трактуется в пространственной перспективе, а во второй строфе — во временной. Исследуя прошлое и будущее, человечество проецирует себя в будущее и как бы отрекается от своего несовершенного прошлого, с его ошибками и упущенными возможностями.

[11] Тарковский А. От юности до старости. М. : Советский писатель, 1987. 112 с. С. 83.

Два случая антономасии — «Нестор» и «Иеремия» — требуют разного подхода в переводе. Имя русского летописца известно далеко не всем зарубежным читателям, и его целесообразнее опустить, так как слово «летописец» в тексте приведено. Имя же пророка Иеремии известно всему христианскому миру и в переводе на английский язык должно быть оставлено, хотя, если того потребует форма стиха, может быть заменено обобщающим “prophet”.

Часы и календарь как два атрибута летописца или пророка символизируют отсчет времени различной протяженности. Можно вспомнить введенный известным ученым Карлом Саганом образ «космического календаря», в котором все время существования Вселенной уподобляется «космическому году»: наша планета образуется в начале сентября, первобытная жизнь в океане зарождается в середине сентября, а история человеческой цивилизации укладывается в несколько последних минут 31 декабря. Если же переводчик вынужден ограничиться лишь одной «регалией» Времени, то можно выбрать любую из них. Однако если это часы, то не тикающие наручные, а песочные — те, что существовали издревле и будут вечны, как песок, те, что с неумолимостью буквализируют языковую метафору течения и *ис*течения Времени.

Третья строфа объединяет первые две как диалектически сопряженные и в то же время опровергает их, тем самым раскрывая новый смысловой пласт — иронический, который не отрицает уже выраженное философское содержание, а обогащает многомерный смысл стихотворения. Примитивное насекомое, «*какой-то* мотылек», как пренебрежительно оценивает его лирический герой стихотворения, смеется над человеком, неспособным полностью познать механизм невообразимо сложного устройства «простейших» живых существ. Можно анатомировать бабочку, можно наблюдать схему ее превращений, но сама тайна творения живого остается за семью печатями. По выражению С. А. Голубкова, «Тарковский фактически создавал формулу человека вообще и перебрасывал мостик к известному державинскому поэтическому тексту, где человек амбивалентен: он то возвышается до самого Бога, то уподобляется презренному червю» [12].

«Смеется» здесь не значит «насмехается» (*mocks, sneers*), а, скорее, «поддразнивает» (*teases, challenges*): так ли всемогущ твой разум, так ли глубоки твои познания? И тогда само заглавие стихотворения («Посредине мира») становится амбивалентным: обретает ироническое звучание относительно величия человека, но сохраняет серьезность смысла в той мере, в какой человек «обречен на познание» (по выражению одного из героев фильма Андрея Тарковского «Солярис»). Поэтому стихотворение предельно емко, в нем нет ничего лишнего — пожалуй, за исключением фразы «*как Россия*». Поэт любил свою страну, верил в ее будущее, но в космическом, философском контексте стихотворения лирический герой А. Тарковского — не россиянин, а землянин. Если антропонимы «Нестор» и «Иеремия» имеют обобщающий смысл, то топоним «Россия» в контексте строфы звучит несколько натянуто, *вне концептуальной сферы стихотворения*, и в переводе опущен. Он *голословен*, в отличие от ряда других произведений поэта, где слово «Россия» также появляется однократно, но пронизывает всю стихотворную ткань, как система кровеносных сосудов:

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

А. Тарковский. Словарь [13]

Русь моя, Россия, дом, земля и матерь!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,

Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель…

А. Тарковский. Русь моя, Россия, дом, земля и матерь!.. [14]

---

[12] Голубков С.А. Тоска по многомерному человеку, или Перечитывая Арсения Тарковского // Культура. Свежая газета. 2016. № 2 (90). URL : samcult.ru (дата обращения: 23.07.2018).

[13] Тарковский А. Вестник. М. : Советский писатель. 1969. 292 с. С.57.

Перевод как результат анализа стихотворения с позиции смысловой плотности

Итак, на суд читателя выносится перевод стихотворения «Посредине мира», выполненный автором статьи.

Структура строф оригинала (первая, шестистрочная строфа на одну строку длиннее остальных) и система рифм полностью сохранены. Для читателей, не владеющим английским языком, приводится подстрочник перевода, дающий представление о степени его адекватности оригиналу. Некоторые переводческие решения обусловлены не столько концептосферой стихотворения, сколько его звучанием. Так, заключительная строка «*золотого шелка лоскуток*» в буквальном переводе требует существительного “*shred*” (лоскуток), но у этого слова глухое и тяжелое звучание, а нужно фонетическое впечатление легкости полета мотылька, которое в оригинале передано накоплением звука «л» («*как золотого шелка лоскуток*»), поэтому было выбрано фонетически «легкое», хотя и «глухое», слово “speck”.

Подстрочник перевода	Arseny Tarkovsky In the Middle of the World
Я в самом центре мира. Позади — микробы (существовавшие) с незапамятных времен, впереди — неизмеримые глубины космического пространства. Заурядный представитель человечества, я протягиваюсь между крошечным и громадным, два космоса осмеливаюсь объять. Я — летописец времен мезозоя, Иеремия грядущих событий. С песочными часами в руке, я вижу далеко. Будущее втягивает меня — и я уступаю (поддаюсь), и кляну прошлое, как обнищавший царь. Я знаю гораздо больше о смерти, чем покинувшие этот мир. Нет существа более живого, чем я. И вот — ирония судьбы! — крошечный мотылек поддразнивает меня в безотчетном ликовании — светящееся пятнышко шелковистой золотистой ткани.	I am the very center of the world — Behind me, germs of immemorial past, Ahead, unfathomable depths of space. A humble item of the human race, I stretch between the tiny and the vast, — Two cosmoses I dare to embrace. I am a chronicler of Mesozoic times, A Jeremiah of the events to come. A sand-glass in my hand, I reach out far. The future draws me in — and I succumb, And curse my past like an impoverished czar. I know far more of death than the departed. There is no creature more alive than me. And — irony of fate! — a tiny moth Is teasing me, with an unconscious glee, — A gleaming speck of silky golden cloth. *Перевод Е. С. Устиновой*

Сопоставление оригинала и перевода с его преднамеренными и вынужденными опущениями и заменами позволяет объективно судить о степени воссоздания концептуальной сферы оригинала.

[14] Его же. Стихи разных лет. М. : Современник, 1983. URL : http://rupoem.ru/tarkovskij/all.aspx (дата обращения: 21.07.2018).

Общие выводы

1. Плотность смысла стихотворного произведения может рассматриваться как единство емкости и лаконичности. Лаконичность — это не столько количественная характеристика, сколько качественная, то есть она обусловлена, в первую очередь, не степенью сжатости текста, а отсутствием в тексте необязательных элементов, снижающих остроту эмоционального и эстетического сопереживания.

2. Повтор, как буквальный, так и семантический (повтор-парафраз), — не антагонист лаконичности и емкости. Напротив, он может ей способствовать, если аккумуляция информации создает новый пласт смысла или сама форма претворяется в содержание. То, что вне контекста может выглядеть беспомощным и неуклюжим, в контексте произведения может оказаться эффективной стратегией. Иными словами, плотность смысла в художественной прозе и в поэзии определяется не малым контекстом — предложением, строфой, абзацем, а контекстом всего произведения.

3. Антагонистом плотности является размытость — либо повторы, либо излишняя детализация, навязывающие читателю то, что он видит и чувствует и без их участия. Размытость может усугубляться и искусственным нагромождением метафор, используемых ради эффектности (а не эффективности).

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Авдевнина, О. Ю. Смысловая плотность художественного текста (на материале русскоязычной прозы В.В. Набокова) [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Саратов, 1997. — Режим доступа : http://cheloveknauka.com/smyslovaya-plotnost-hudozhestvennogo-teksta#ixzz5L9jzbJ6T (дата обращения: 21.07.2018).
2. Валгина, Н. С. Теория текста [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://evartist.narod.ru/text14/28.htm (дата обращения: 23.07.2018).
3. Голубков, С. А. Тоска по многомерному человеку, или Перечитывая Арсения Тарковского [Электронный ресурс] // Культура. Свежая газета. — 2016. — № 2 (90). — Режим доступа : samcult.ru (дата обращения: 23.07.2018).
4. Ермакова, Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) [Текст] / под ред. М. Б. Борисовой. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. — 200 с.
5. Кузнецова, С. Что такое плотность текста и почему она важна [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://texterra.ru/blog/chto-takoe-plotnost-teksta-i-pochemu-ona-vazhna.html (дата обращения: 20.06.2018).
6. Малыгина, Л. Е. Высокая «плотность текста» [Текст] // Культура речи. — 2015. — № 6. — С. 52–57.

Источники поэтических текстов

1. Тарковский, А. От юности до старости [Текст]. — М. : Советский писатель. 1987. — 112 с.
2. Тарковский, А. Вестник [Текст]. — М. : Советский писатель. — 1969. — 292 с.
3. Тарковский, А. Стихи разных лет [Электронный ресурс]. — М. : Современник, 1983. — Режим доступа : http://rupoem.ru/tarkovskij/all.aspx (дата обращения: 21.07.2018).
4. Тютчев, Ф.И. Стихотворения [Текст]. — М. : Правда, 1978. — 320 с.

References

1. Avdevnina O. Yu. *Smyslovaya plotnost' khudozhestvennogo teksta (na materiale russkoyazychnoi prozy V.V. Nabokova)* [Compression of Meaning in a Belles-Lettres Text (based on Russian Prose of V. V. Nabokov)] : Abstracts of Dissertation candidate of Philology. Saratov, 1997. Mode of access : http://cheloveknauka.com/smyslovaya-plotnost-hudozhestvennogo-teksta#ixzz5L9jzbJ6T (accessed: 21.07.2018).
2. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Theory of the Text]. Mode of access : http://evartist.narod.ru/text14/28.htm (accessed: 23.07.2018).

3. Golubkov S. A. Toska po mnogomernomu cheloveku: perechityvaya Arseniya Tarkovskogo [Nostlalgia for a Multi-Dimensional Person: Re-reading Arseny Tarkovsky]. *Kultura. Svezhaya gazeta*. 2016. № 2 (90). Mode of access : samcult.ru (accessed: 23.07.2018).

4. Yermakova E.V. *Implitsitnost v khudozhestvennom tekste (na materiale russkoyazychnoi i angloyazychnoi prosy psykhologicheskogo i fantasticheskogo realisma* [Implicitness in Prose Fiction (based on Russian and English prose of psychological and fantasy realism)]. Ed. by M. B. Borisova. Saratov : Saratov University, 2010. 200 p.

5. Kuznetsova S. *Chto takoe plotnost teksta i pochemu ona vazhna* [What is Compactness of a Text and Why It Matters]. Mode of access : https://texterra.ru/blog/chto-takoe-plotnost-teksta-i-pochemu-ona-vazhna. html (accessed: 20.06.2018).

6. Malygina L. E. Vysokaya Plotnost Teksta [High Textual Density]. *Kultura rechi*. 2015. № 6. Pp. 52–57.

Сведения об авторе

Устинова Елена Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, руководитель центра глобального образования Института иностранных языков (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Почтовый адрес: 390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. E-mail: e.ustinova@rsu.edu.ru

Ustinova, Elena — Ph. D. (Language Teaching Methodology), Associate Professor, Linguistics and Intercultural Communication Dpt., Head of Global Education Centre, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. Yesenin, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: (4912) 21-57-23. E-mail: e.ustinova@rsu.edu.ru

РАЗДЕЛ II

СЛОВО В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

УДК 811.111

Ю. В. Балакина, М. Ю. Товкес

Способы конструирования феминной идентичности на материале современного английского языка и речи

В представленной работе исследуются маркеры феминной идентичности, отражающие актуальные тенденции гендерной идеологии и языковой политики современного англоязычного социума. Особенность подхода состоит в сравнительном анализе наиболее частотных маркеров феминности в лексикографических источниках XXI века и естественных коммуникативных контекстах британских СМИ с целью выявления гендерно корректных вариантов лексических единиц и их употребления в речи. В качестве данных маркеров рассматриваются дефиниции словарей *Cambridge English Dictionary, English Oxford Living Dictionaries, Longman Exams Dictionary, Macmillan English Dictionary Online;* словообразовательные модели; семантические сферы; коммуникативные контексты британской газеты *The Independent*, конструирующие образ современной женщины и ее социально-ролевое поведение. Результаты исследования свидетельствуют о некотором сдвиге гендерной асимметрии в сторону лингвистического равноправия, но в то же время о сохранении андроцентризма в современном английском языке и речи.

гендер; гендерная лингвистика; феминная идентичность; коммуникативный контекст; семантическая сфера

Balakina Yulia; Tovkes Maria

The Means of Constructing Feminine Identity in the Modern English Language and Speech

The present study analyses the markers of feminine identity that reflect the current tendencies of gender ideology and language policy of the modern English-speaking society. The peculiarity of the approach employed in the study is the comparative analysis of the most frequent markers of femininity in lexicographical resources of the XXI century along with communicative contexts of the British media that are used to identify gender-correct variants of lexical units and their use in speech. Definitions of Cambridge English Dictionary, English Oxford Living Dictionaries, Longman Exams Dictionary, Macmillan English Dictionary Online; word-formation models; semantic spheres; communicative contexts of the British newspaper “The Independent” are considered to be the markers, which construct the image of the modern woman and her social roles. The results of the study indicate a shift in gender asymmetry towards linguistic equality, but at the same time, the results reveal the preservation of androcentrism in the modern English language and speech.

gender, gender linguistics, feminine identity, communicative context, semantic sphere

Понятие «гендер» (*gender*) было введено в аппарат науки на рубеже 60–70-х годов XX века [1]. Являясь английским синонимом грамматической категории рода (*genus*), оно, однако, выходит за границы лингвистической компетенции, приобретает общенаучный статус и, возвращаясь в лингвистику, обогащает ее новыми смыслами.

Введение в лингвистику понятия «гендер» должно было подчеркнуть «общественно конструируемый характер пола, его конвенциональность, институциональность и ритуализованность» [2]. Гендер в лингвистике отражает динамику представлений о женственности (феминности)

[1] Q. v.: West C., Zimmerman D. Doing gender // Gender and Society. 1987. No. 1. Pp. 125–151.

[2] Кирилина А. В., Томская, М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. URL : http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya (дата обращения: 21.10.2017).

© Балакина Ю. В., Товкес М. Ю., 2018

и мужественности (маскулинности), репрезентируемых в языке и участвующих в конструировании социокультурных ролей в актах речевых коммуникаций.

Объектом особого внимания зарубежных и отечественных гендерных исследований становятся трансформации образа женщины в языке и речи, что оказывает непосредственное влияние на гендерную политику. Таким образом, актуальность представленной нами статьи обусловлена необходимостью выявления современных тенденций гендерной политики посредством обнаружения гендерно корректных вариантов лексических единиц и их употребления в речи. Поставленные нами задачи заключаются в установлении частотности употребления лексем, маркированных женским родом, определении наиболее распространенных семантических сфер, репрезентирующих образ современной женщины в англоязычном социуме, анализе словообразовательных моделей, соотносящихся с лицами женского пола, а также в выявлении контекстов, в которых феминно маркированные лексемы реализуются в прямом и переносном значениях.

Новизна данного исследования заключается в особом подходе к анализу наиболее частотных маркеров феминной идентичности, целью которого является сравнение способов конструирования феминной идентичности в лексикографических источниках XXI века и в сформированной для исследования коллекции текстов, опубликованных на сайте британской газеты *The Independent*.

Исследования в области феминистской лингвистики на ранних этапах (70–80-е годы XX века) характеризуются критикой подчиненного положения женщины в его лингвистической интерпретации (андроцентризм) [3], абсолютизацией гендерных различий, признанием их имманентного присутствия в социальных ролях и коммуникативных контекстах. Эти черты концептуально оформляются в парадигмальных установках зарубежных гендерных исследований женского языка и речи:

– парадигма дефицитности (*deficit*): признание мужского языка как нормы, а женского — как отклонения от нее (О. Есперсен, Р. Лакофф и др.) [4];

– парадигма доминирования (*dominance*): проявление патриархальной гендерной асимметрии в коммуникации (Ч. Крамери, Д. Спенсер, П. Фишман и др.) [5];

– парадигма различия (*difference*): рассмотрение коммуникации мужчин и женщин с позиций двух культур (Д. Молц, Р. Боркер, М. Гудвин, Д. Таннен и др.) [6].

Однако классическая феминистская лингвистика оказалась не в состоянии снять дихотомию мужское/женское, а лишь по-новому расставила акценты, добившись признания женского языка и женского речевого поведения.

На новом этапе исследований (с 90-х годов XX века) данные установки проблематизируются. Исследователи пытаются ответить на вопрос, присутствует ли гендерная идентичность имманентно в коммуникации или проявляет себя дискретно в зависимости от социокультурного статуса коммуникантов и контекста коммуникативной ситуации (*doing gender*). В неклассической феминистской лингвистике признается вариативность гендерных ролей в языке и речи, семантическая многозначность мужской и женской гендерной идентификации, конструктивистский характер языковых гендерных стереотипов с учетом конкретных коммуникативных ситуаций и ролей. Перспективным оказался подход социального конструктивизма (К. Уэст, Д. Зиммерман, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман и др.) [7], учитывающий высокую значимость социальных

---

[3] См.: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой ; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М. : Информация XXI век, 2002. 256 с. С. 4.

[4] Q. v.: Jespersen O. The Woman // The Feminist Critique of Language: A Reader. L. ; N. Y. : Routledge, 1998. Pp. 225–241 ; Lakoff R. Language and Woman's Place. N. Y. : Harper and Row, 1975. 328 p.

[5] Q. v.: Kramarae C. Women and Men Speaking: Fundamentals for Analysis. Rowley (Mass.) : Newbury House, 1981. 194 p. ; Spender D. Man Made Language. 2nd ed. L. : Pandora, 1980. 250 p. ; Fishman P. Interaction: The work women do // Social Problems. 1978. No. 24. Pp. 397–406.

[6] Q. v.: Maltz D., Borker R. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication // Language and Social Identity. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. Pp. 195–216 ; Goodwin M. He-said, she-said: formal cultural procedures for the construction of a gossip dispute activity // American Ethnologist. 1982. No. 7 (4). Pp. 674–675 ; Таннен Д. «Ты меня не понимаешь!» Почему женщины и мужчины не понимают друг друга : пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 131–151.

[7] Q. v.: West C., Zimmerman D. Doing gender. ; Goffman E. Gender Display // Studies in Anthropology of Visual Communication. 1976. No. 3. Pp. 69–77 ; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.

структур, обеспечивающих институционализацию гендера, поддержание гендерной иерархии, в частности мужского доминирования.

Вопросы методологии лингвистического исследования гендера занимают центральное место в отечественной науке [8]. В феминистской лингвистике на современном этапе формируются два основных подхода, отражающих разные аспекты взаимодействия гендера и языка:

– вариационистская парадигма, с точки зрения которой гендер в его языковой репрезентации рассматривается как параметр социальной роли, индексирующий гендерную идентичность [9];

– конструктивистская парадигма, которая трактует гендер как продукт дискурса, конструируемый коммуникативным контекстом [10].

Различия в понимании отношений между гендером и языком в данных парадигмах выражают аспекты их взаимодействия. Первый подход изучает уже сложившиеся гендерные стереотипы и их влияние на коммуникативный процесс, а второй стремится уловить формирование гендерных стереотипов в речевых ситуациях.

Настоящее исследование опирается на теорию и методологию гендерного конструктивизма, которые акцентируют внимание на конструировании гендера в процессе социальной интеракции.

Для решения поставленных задач были отобраны 4157 единиц с компонентом-антропонимом (из них 8,5 % маркированы женским родом) [11] и 5871 статья, опубликованная в период с 1 по 30 апреля 2017 года на сайте газеты *The Independent* [12]. Эмпирический материал был обработан и проанализирован с помощью корпус-менеджера *AntConc* [13].

В исследовании нами были использованы метод сплошной выборки, благодаря которому производился эмпирический отбор материала, метод анализа словарной дефиниции, лексико-семантический и стилистический анализ, позволяющий осуществить семантическую и словообразовательную классификации феминно маркированных лексических единиц, методы корпусной лингвистики (анализ частотности, анализ конкордансов), а также программное обеспечение *AntConc*.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1. Выборка феминно маркированных лексических единиц из лексикографических источников начала XXI века и их последующая классификация. Основаниями для классификации являются частотность употребления, способ выражения гендерного признака (эксплицитный или имплицитный), принадлежность к определенным семантическим сферам.

2. Создание коллекции публицистических текстов и классификация контекстов по вышеуказанным основаниям.

3. Сравнение полученных данных и формулировка выводов.

В ходе исследования были выявлены следующие тенденции.

1. В лексикографических источниках наиболее частотными компонентами в составе лексических единиц являются *woman* (13 %), *mother* (11,8 %), *girl* (6,5 %). Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени значимости эксплицитно выраженной номинации лиц женского пола. В ходе анализа коллекции публицистических текстов было выявлено 1822 контекста,

---

[8] См. : Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / Ин-т социологии Рос. акад. наук : моногр. М., 1999. 155 с. ; Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании. URL : http://www.owl.ru/library/043t.htm (дата обращения: 15.03.2017) ; Гриценко Е. С., Сергеева М. В., Лалетина А. О., Бодрова А. А., Дуняшева Л. Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах : моногр. / под общ. ред. Е. С. Гриценко. М. : Флинта : Наука, 2011. 224 с.

[9] См. : Гриценко Е. С., Сергеева М. В., Лалетина А. О., Бодрова А. А., Дуняшева Л. Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах. С. 30.

[10] См. там же.

[11] Q. v.: Cambridge English Dictionary. URL : http://dictionary.cambridge.org (accessed: 27. 01. 2017) ; English Oxford Living Dictionaries. URL : https://en.oxforddictionaries.com/ (accessed: 17.02.2017) ; English Oxford Living Dictionaries. URL : https://en.oxforddictionaries.com/ (accessed: 17.02.2017) ; Longman Exams Dictionary, Eight Impression. Pearson Ed. Ltd, 2009. 1833 p. ; Macmillian English Dictionary Online. URL : http://www.macmillandictionaries.com/dictionary-online/ (accessed: 05.02.2017).

[12] Q. v.: The Independent. URL : http://www.independent.co.uk/ (accessed: 04.05.2017).

[13] Q. v.: AntConc Tutorial (Ver. 3.4.0.). URL : https://www.youtube.com/playlist?list=PLiRIDpYmiC0Ta0-Hdvc1D7hG6dmiS_TZj (accessed: 07.05.2017).

маркированных вышеперечисленными лексемами: *woman* (280 статей, 1112 контекстов), *girl* (153 статьи, 388 контекстов), *mother* (153 статьи, 322 контекста). Таким образом, частотность употребления выделенных лексических единиц в лексикографических источниках и коллекции публицистических текстов представлены в сравнительно равных пропорциях. Следует отметить, что вышеуказанные лексические единицы обладают преимущественно нейтральной коннотацией.

2. Как в лексикографических источниках, так и в коллекции текстов, актуальными остаются лексемы, номинирующие внешность и характер женщины преимущественно с эстетической оценкой их коллективным субъектом (лексикография: 7,6 % — положительная оценка *(belle, enchantress)*; 3,6 % — отрицательная *(witch, frump)*; коллекция текстов, преимущественно положительная оценка — *woman* (3,4 %), *girl* (2,1 %), *mother* (0,0 %): *pretty woman, beautiful women, and I'm a pretty girl and she's a pretty girl; women are more delicate)*. Маркеры признака «внешность» отражают традиционные представления позитивного образа женщины в социуме: привлекательность, хрупкость, нежность и т. п.

3. Следует отметить, что маркеры интеллектуальных способностей женщины в лексикографических источниках сопровождаются негативной коннотацией *(blue stocking)*. Женский ум проявляется в хитрости, умении манипулировать мужчиной *(femme fatale, gold digger)*. В коллекции текстов данные маркеры не выявлены. Можно предположить, что такая характеристика не является значимой для конструирования образа современной женщины. Остается актуальной дискриминация женщины по интеллектуальному признаку.

4. В словарных дефинициях лексикографических источников национально-этническая, расовая принадлежность женщины представлена 2,5 % лексических единиц. В коллекции публицистических текстов данный маркер является самым частотным (*woman* — 7,2 %, *mother* — 4 %, *girl* — 3,3 %) и характерен для рубрики «новости», что представляет образ современной женщины в международном контексте и отражает процесс глобализации *(Abdus-Salaam, 65, was the first African-American woman to serve on New York's Court of Appeals; Manipuri girls went for a study tour to Loktak Lake; a Muslim mother could sit and nurse her baby)*.

5. Семантическую сферу «возраст» в качестве самостоятельного маркера феминной идентичности выявить в лексикографическом источнике не представляется возможным, так как он является частью денотативного компонента большинства лексических единиц, маркированных женским родом. Значительное число контекстов коллекции публицистических текстов включает в себя числовую номинацию возраста и оценку его коллективным субъектом (*woman* — 6,7 %, *girl* — 23,4 %, *mother* — 2,8 %), что можно объяснить характером исследуемых текстов, отдающих предпочтение фактическим характеристикам образа женщины, а также тем, что маркеры возраста косвенно указывают на социальный статус и роли женщины *(robbery of a woman in her forties; a 14-year-old girl, who spent two months in hospital after being shot in the head; a woman aged 20, was released without charge)*.

6. В лексикографическом источнике сохраняются негативные коннотации в отношении гендерной идентичности, противоречащей общественным нормам (19,3 %). Маркерами поведения становятся распущенность, гневливость, неопрятность *(Jezebel, working girl, dragon 2, fishwife)*. В коллекции публицистических текстов частотность употребления данных маркеров составляет 0,8 % для лексемы *woman* и 0,9 % для лексемы *mother (the woman behind the Supreme Court case; a criminal mother, trying to be better than her past)*. Таким образом, позитивный образ женщины в большей степени представлен в СМИ, чем в лексикографических источниках.

7. Необходимо выделить семантические сферы, репрезентирующие социальные роли женщины. В лексикографических источниках наблюдается доминирование социально-профессиональных ролей над семейными. Профессионально-деловая сфера представлена женскими профессиями в области медицины, образования, сферы услуг, искусства (27 %) (традиционные профессии *head mistress, Sister, district nurse, salesgirl, prima ballerina, actress, mezzo-soprano*; новые профессии *go-go dancer, stunt woman, supermodel)*, а также тематическими областями, традиционно считающимися мужскими (12 %) — власть, религия, военная сфера, бизнес *(assemblywoman, first lady, church woman, priestess, nun, servicewoman, career woman, manageress)*. В коллекции публицистических текстов данная семантическая сфера отражена в значительном числе контекстов: 12,3 % — маркированных лексемой *woman*; 4,3 % — маркированных лексемой *mother*; 3,1 % — маркированных лексемой *girl*. Высокую значимость имеют семантические сферы «карьера»

и «права женщины», репрезентирующие позитивный социальный образ лиц женского пола, маркированных лексемой *woman*. Самыми частотными словосочетаниями являются *woman's career, status of women, a professional woman, women can achieve*. Таким образом, в лексикографических источниках и коллекции текстов конструируется образ женщины как социально активной, занятой в разных сферах деятельности, успешно сочетающей карьеру и семью.

8. Феминная идентичность репрезентируется и в словообразовательных моделях. В лексикографических источниках наиболее продуктивными и частотно употребляемыми являются аффиксальная модель образования существительных женского рода от имен мужского рода с помощью компонента *-ess* (13,2 %) и модель образования сложных существительных с компонентом *-woman* (13 %). Данные словообразовательные модели являются одним из основных способов гендерной дифференциации на словообразовательном уровне языка, а также показателем большей сбалансированности гендерных асимметрий. Некоторые лексемы, образованные с помощью компонента *-woman*, имеют корреляты с компонентом *-man (horseman — horsewoman, kingsman — kingswoman, Renaissance man — Renaissance woman)*. Можно выделить и гендерно корректные варианты номинаций лиц мужского и женского пола *(policeman — police woman — police officer, steward — stewardess — flight attendant)*. В коллекции публицистических текстов были выявлены лексемы, образованные с помощью компонента *-woman* (0,5 %) и конструирующие образ женщины, активно участвующей в политике *(spokeswoman Katherine Cichy said Morrison has been banned from the site; "James Brown haircut" of congresswoman Maxine Waters; I have devoted my life to breaking the chains of generational poverty — as an urban planner, the District 2 Councilwoman, and now Mayor)*.

9. Контексты коллекции публицистических текстов позволяют выявить устойчивые словосочетания *(Mother Nature, mother tongue)* и неологизмы, не зафиксированные в лексикографических источниках. Частотность употребления неологизма *mother of all bombs* можно объяснить публикацией новостей, связанных с деятельностью США в Сирии. В частности, неологизм *mother of all problems* применяется по отношению к запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. Необходимо отметить также и неологизм *Mowgli girl* (1 %), использованный при описания девочки, найденной в лесу, и устойчивое словосочетание *girl power*, активно употребляющееся в период третьей волны феминистского движения и передающее идею независимости женщин от мужчин.

В ходе исследования были выявлены традиционные маркеры феминной идентичности:

- использование в лексикографических источниках и коллекции текстов наиболее частотных, стилистически нейтральных лексем *woman, mother, girl,* маркирующих лиц женского пола;
- сохранение существующих гендерных стереотипов относительно женской привлекательности, характера, возраста;
- выделение традиционных социальных ролей женщины — семейных и профессиональных (образование, медицина, сфера услуг, искусство);
- негативная коннотация в отношении феминной идентичности, противоречащей общественным нормам, а также игнорирование интеллектуальных способностей женщины.

Вместе с тем возможно выделение и иных способов конструирования феминной идентичности:

- конструирование образа социально успешной женщины, реализующей себя как в семейной, так и в профессиональной сфере общественной жизни;
- освоение женщиной традиционно мужских профессий;
- увеличение количества гендерных пар с компонентами *-man* и *-woman*;
- появление гендерно корректных вариантов номинации лиц мужского и женского пола;
- наличие значительного числа контекстов, связанных с личностной реализацией женщины.

Таким образом, данные результаты свидетельствуют о некотором сдвиге гендерной асимметрии в сторону лингвистического равноправия, нейтрализации гендерных различий в языковой репрезентации, снижении уровня андроцентричности современного английского языка, что является характерными чертами эгалитарной гендерной политики. Однако считать решенной проблему дискриминации женщины в языке, устранения личностной, социально-ролевой и вербальной десинхронии существования женщины в современном англоязычном обществе на данном этапе не представляется возможным.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Бергер, П. Лукман, Т. Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е.Д. Руткевич. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
2. Горошко, Е. И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.owl.ru/library/043t.htm (дата обращения: 15.03.2017).
3. Гриценко, Е. С. Гендер в британской и американской лингвокультурах [Текст] / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, А. А. Бодрова, Л. Г. Дуняшева : моногр. / под общ. ред. Е. С. Гриценко. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 224 с.
4. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] : моногр. / Ин-т социологии Рос. акад. наук. — М., 1999. — 155 с.
5. Кирилина, А. В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина, М. В. Томская // Отечественные записки. — 2005. — Режим доступа : http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya (дата обращения: 21.10.2017).
6. Словарь гендерных терминов [Текст] / под ред. А. А. Денисовой ; Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». — М. : Информация XXI век, 2002. — 256 с.
7. Таннен, Д. «Ты меня не понимаешь!» Почему женщины и мужчины не понимают друг друга [Текст] / пер. с англ. — М. : Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 131–151.
8. AntConc Tutorial (Ver. 3.4.0.) [Electronic recource]. — Mode of access : https://www.youtube.com/playlist?list=PLiRIDpYmiC0Ta0-Hdvc1D7hG6dmiS_TZj (accessed: 07.05.2017).
9. Cambridge English Dictionary [Electronic recource]. — Mode of access : http://dictionary.cambridge.org (accessed: 27.01.2017).
10. English Oxford Living Dictionaries [Electronic recource]. — Mode of access : https://en.oxforddictionaries.com/ (accessed: 17.02.2017).
11. Fishman, P. Interaction: The work women do [Text] // Social Problems. — 1978. — No. 24. — Pp. 397–406.
12. Goffman, E. Gender Display [Text] // Studies in Anthropology of Visual Communication. — 1976. — No. 3. — Pp. 69–77.
13. Goodwin, M. He-said, she-said: formal cultural procedures for the construction of a gossip dispute activity [Text] // American Ethnologist. — 1982. — No. 7 (4). — Pp. 674–675.
14. Jespersen, O. The Woman [Text] // The Feminist Critique of Language: A Reader. — L. ; N. Y. : Routledge, 1998. — Pp. 225–241.
15. Kramarae, C. Women and Men Speaking: Fundamentals for Analysis [Text]. — Rowley (MA.) : Newbury House, 1981. — 194 p.
16. Lakoff, R. Language and Woman’s Place [Text]. — N. Y. : Harper and Row, 1975. — 328 p.
17. Longman Exams Dictionary, Eight Impression [Text]. — Pearson Education Limited, 2009. — 1833 p.
18. Macmillan English Dictionary Online [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.macmillandictionaries.com/dictionary-online/ (accessed: 05.02.2017).
19. Maltz, D. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication [Text] / D. Maltz, R. Borker // Language and Social Identity. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — Pp. 195–216.
20. Spender, D. Man Made Language [Text]. — 2nd ed. — L. : Pandora, 1980. — 250 p.
21. The Independent [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.independent.co.uk/ (accessed: 04.05.2017).
22. West, C. Doing gender [Text] / C. West, D. Zimmerman // Gender and Society. — 1987. — No. 1. — Pp. 125–151.

References

1. Berger P., Lukman T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti* [Social construction of reality]. Trans. from English. E. D. Rutkevich. M. : Medium, 1995. 323 p (in Russian).
2. Goroshko E. I. *Gendernaya problematika v yazikoznanii* [Gender issues in linguistics]. Mode of access: http://www.owl.ru/library/043t.htm (accessed: 15.03.2017) (in Russian).
3. Gritsenko E. S., Sergeeva M. V., Laletina A. A., Bodrov A. A., Dunaeva L. G. *Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokulturah* [Gender in British and American linguistic cultures] : monograph. Ed. by E. S. Gritsenko. M. : Flinta : Nauka, 2011. 224 p. (in Russian).
4. Kirilina A. V. *Gender: lingvisticheskie aspekti* [Gender: linguistic aspects] : monograph. M., 1999. 155 p. (in Russian).

5. Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Lingvisticheskie gendernie issledovaniya [Linguistic gender studies]. *Otechestvennie zapiski* [Russian notes]. 2005. Mode of access: http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya (accessed: 21.10.2017) (in Russian).

6. *Slovar gendernih terminov* [Dictionary of gender terms]. Ed. by A. A. Denisova ; Regionalnaya obschestvennaya organizaciya "Vostok-Zapad: Jenskie Innovacionnie Proekti". M. : Informaciya XXI vek, 2002. 256 p. (in Russian).

7. Tannen D. *"Ti menya ne ponimaesh" Pochemu jenschini i mujchini ne ponimayut drug druga* ["You don't understand me!" Why women and men do not understand each other]. Trans. from English. M. : Progress, 1986. No. 17. Pp. 131–151 (in Russian).

8. *AntConc Tutorial (Ver. 3.4.0.).* Mode of access : https://www.youtube.com/playlist?list=PLiRIDpYmiC0Ta0-Hdvc1D7hG6dmiS_TZj (date of access: 07.05.2017).

9. *Cambridge English Dictionary*. Mode of access : http://dictionary.cambridge.org (accessed: 27.01.2017).

10. *English Oxford Living Dictionaries*. Mode of access : https://en.oxforddictionaries.com/ (accessed: 17.02.2017).

11. Fishman P. Interaction: The work women do. *Social Problems*. 1978. No. 24. Pp. 397–406.

12. Goffman E. Gender Display. *Studies in Anthropology of Visual Communication*. 1976. No. 3. Pp. 69–77.

13. Goodwin M. He-said, she-said: formal cultural procedures for the construction of a gossip dispute activity. *American Ethnologist*. 1982. No. 7 (4). Pp. 674–675.

14. Jespersen, O. The Woman. *The Feminist Critique of Language: A Reader*. L. ; N. Y. : Routledge, 1998. Pp. 225–241.

15. Kramarae C. *Women and Men Speaking: Fundamentals for Analysis*. Rowley (MA.) : Newbury House, 1981. 194 p.

16. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. N. Y. : Harper and Row, 1975. 328 p.

17. *Longman Exams Dictionary, Eight Impression*. Pearson Education Limited, 2009. 1833 p.

18. *Macmillian English Dictionary Online*. Mode of access: http://www.macmillandictionaries.com/dictionary-online/ (accessed: 05.02.2017).

19. Maltz D., Borker R. A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication. *Language and Social Identity*. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. Pp. 195–216.

20. Spender D. *Man Made Language*. 2nd ed. L. : Pandora, 1980. 250 p.

21. *The Independent*. Mode of access : http://www.independent.co.uk/ (accessed: 04.05.2017).

22. West C., Zimmerman D. Doing gender. *Gender and Society*.1987. No. 1. Pp. 125–151.

Сведения об авторах

Балакина Юлия Владимировна — Ph. D., доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"». Почтовый адрес (раб.): 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12. E-mail: julianaumova@gmail.com

Balakina, Yulia — Ph. D., Associate Professor, Dept. of Literature and Cross-cultural Communication, National Research University Higher School of Economics. Official address: 25/12, Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia. E-mail: julianaumova@gmail.com

Товкес Мария Юрьевна — магистрант Нижегородского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"» по направлению «Политическая лингвистика». Почтовый адрес (раб.): 603155, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. E-mail: tovkes.m@yandex.ru

Tovkes, Maria — Masters' Degree Student of the Chair "Political Linguistics". Postal address: 25/12, Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603155, Russia. E-mail: tovkes.m@yandex.ru

УДК 81`1 : 811.133.1

Н. В. Боровикова

Бренд как культурный феномен

В статье рассматривается феномен бренда с лингвистической точки зрения. Делается попытка изучить данное явление с позиций когнитивной лингвистики и теории знака. Вопреки сложившейся традиции, интерес автора сосредоточен на бренде не в период его создания и выбора имени, а на последующих этапах его существования и отражения в когнитивном пространстве говорящих/потребителей. Проводится анализ определений понятия «бренд» и выделяются основные оппозиции критериев, учитываемых исследователями при его раскрытии. Автор предлагает оценить бренд как культурный феномен, воспринимая его, прежде всего, как знак, обладающий некоторым значением, и как культурный концепт в совокупности его ценностных, пространственных и временных характеристик. Делается предположение, что восприятие бренда не является одинаковым для говорящих, проживающих на разных территориях и в разные промежутки времени. Анализ проводится на материале имен брендов французского и псевдофранцузского происхождения, представленных в г. Архангельске. Предлагается классифицировать изученные имена брендов по семантическому, формальному и прагматическому признакам и оценить их влияние на ценностную составляющую восприятия Франции и ее культуры в целом.

бренд; имя бренда; культурный феномен; когнитивная лингвистика; культурный концепт; знак; значение слова

Borovikova, Natalia

Brand as a Cultural Phenomenon

The article deals with the phenomenon of the brand from a linguistic point of view. An attempt is made to study this phenomenon through cognitive linguistics and the theory of sign. Contrary to the established tradition, the author's interest is not concentrated on the brand in the period of its creation and choice of name, but in the subsequent stages of its existence and reflection in the cognitive space of speakers/consumers. The paper analyses definitions of the term "brand" and elucidates the main oppositions of the criteria applied by researchers considering this concept. The author suggests estimating a brand as a cultural phenomenon, perceiving it, first of all, as a sign possessing some meaning, and as a cultural concept with respect to its value, spatial and temporal characteristics. It is assumed that the perception of the brand is not the same for speakers living in different lands and at different time intervals. The analysis is based on the names of brands of French and pseudo-French origin found in Arkhangelsk. It is proposed that the brand names under analysis should be classified according to their semantic, formal and pragmatic features so as to assess the impact of the studied brands on the value component of the perception of France and its culture as a whole.

brand; brand name; cultural phenomenon; cognitive linguistics; cultural concept; sign; meaning of the word

Реальность нашей сегодняшней жизни такова, что в активный словарный запас вошли термины из разных сфер жизнедеятельности человека. Одним из таких является слово «бренд», которое рассматривается, как правило, в маркетинге и смежных с ним направлениях: теории коммуникации, экономике, юриспруденции, социологии, психологии и др. С недавнего времени феномен бренда вошел в сферу интересов лингвистов.

Лингвистические знания при изучении данного феномена востребованы в основном при разработке имени бренда (название торговой марки, маркировочное наименование, бренд-нейм и т. п.). Это обусловлено осознанием важной роли имени в идентификации какого-либо бренда, поскольку с ним сталкивается в первую очередь потребитель. С ним же ассоциируется и бренд в совокупности. Исследователями, например В. Ю. Кожановой [1], разработаны правила, которым

[1] См.: Кожанова В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2007. 20 с.

© Боровикова Н. В., 2018

должно соответствовать имя, критерии оценки и лингвистического анализа имени бренда. Уделяется внимание и когнитивной составляющей рассматриваемого феномена, но также с целью создания правильного имени бренда.

В связи с тем что бренд в полной мере изучен на этапе разработки, мы обращаем свой исследовательский интерес к следующему после его создания периоду. После выхода на рынок товаров и услуг он начинает функционировать отдельно от команды разработчиков и проникает в когнитивное пространство пользователей, становится частью их картины мира. Возникают некоторые ассоциации, выделяются определенные признаки, которые, как правило, соотносятся с именем бренда. Поэтому мы считаем возможным изучать феномен бренда через его имя, рассматривать это имя как знак и предполагаем, что достижению поставленной цели способствует изучение интересующего нас феномена с позиций когнитивной лингвистики и теории знака. В настоящей статье мы ставим перед собой следующие задачи:

- выяснить, что понимает научное сообщество под термином «бренд»;
- рассмотреть феномен бренда как знак и как концепт, прежде всего культурный;
- показать, каким образом основные стороны культурного концепта проявляются в бренде;
- выявить, существуют ли отличия в восприятии одного и того же бренда в пространстве и во времени;
- классифицировать изученные бренды по прагматическому, формальному и семантическому признакам.

Раскрытию любого изучаемого феномена служит его определение. Феномен бренда в этом плане является в некоторой степени проблематичным, поскольку в научном сообществе до сих пор нет единого мнения по этому поводу.

Мы не ставили перед собой задачи сделать обзор определений, поскольку такая работа проведена в достаточном объеме другими авторами [2]. Было необходимо раскрыть основные черты рассматриваемого феномена и выделить те из них, которые позволяют сформулировать определение, соотносящееся с нашей целью.

Как показали исследования, восприятие феномена «бренд» зависит, в первую очередь, от области человеческого знания. И. В. Грошев и А.А. Краснослободцев выделяют следующие основные области: экономика, психология, социология, политология, право, филология и культура. Ученые отмечают, что экономике свойственно восприятие бренда как экономического инструментария, способствующего дифференциации товара, управлению товарными потоками, созданию конкурентного преимущества и генерированию прибыли. С точки зрения психологии бренд понимается как ментально-психологическое образование (образ, знаковая структура): комплекс впечатлений, суждений и мнений, ассоциативные ряды, ментальные карты. Сюда же входит ожидание прибыли и определенного качества. Социологический аспект выдвигает на первый план ценностную ориентацию личности, при этом бренд становится маркером социальной значимости и идентификатором социальной принадлежности. С позиций политологии он является культом поклонения, инструментом управления массами, атрибутом власти и экономического давления. Для правоведения бренд выступает в качестве правового регулятора взаимоотношений между заинтересованными сторонами по поводу владения, использования и распоряжения торговыми наименованиями. В области филологии и культурологии он определен как культурное образование (миф, символ, продукт бытия) [3].

Указанные выше авторы приводят целый ряд наиболее популярных определений [4], которые мы предлагаем разделить по оппозициям «широкое/узкое», «материальное/нематериальное».

---

[2] См., напр.: Грошев И.В., Краснослободцев А. А. Аналитика современных дефиниций и подходов к пониманию сущности бренда // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Экономика». 2013. № 4. С. 94–104 ; Кожанова В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов … ; Фролова Н. Н. Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов): лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты (на материале русского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. Краснодар, 2011. 24 с.

[3] См.: Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Аналитика современных дефиниций и подходов к пониманию сущности бренда. С. 96–97.

[4] См. там же. С. 98.

Таким образом, получено пять основных точек зрения на изучаемый феномен: 1) широкое + материальное (название, термин, знак, символ или дизайн); 2) широкое + нематериальное (комбинация функциональных и эмоциональных характеристик товаров, услуг, существующих в уме потребителя; набор утилитарных и символических ценностей, предназначенных для удовлетворения различных нужд потребителя, а также все, что происходит в голове потребителя, когда он видит логотип или слышит название; аура, окружающая товар или услугу); 3) широкое + материальное + нематериальное (сумма свойств продукта — имени, упаковки, цены, истории, репутации, способа рекламирования; сущность, развивающаяся во времени, — название, фирменный знак, слоган, стиль, совокупность функциональных и эмоциональных компонентов, воспринятых покупателем); 4) узкое + материальное (идентифицируемый продукт, сервис, личность или место; особый лейбл); 5) узкое + нематериальное (цельный, уникальный и привлекательный образ торговой марки).

В работе мы ориентируемся на определения, которые позволяют изучить бренд как знак и как концепт. В этой связи близкими оказываются определения, сочетающие в себе материальное, то есть сам продукт и его материальные признаки (товар, услуга, организация, личность в совокупности с именем, фирменным знаком, слоганом), и нематериальное (отражение свойств продукта в сознании потребителей и впечатление, полученное в результате «встречи» с продуктом). Исходя из этого, мы разделяем точку зрения И. И. Муромкиной и Е. В. Евтушенко, которые считают, что «бренд есть сущность, развивающаяся во времени, — от марки как концепции, состоящей из известных элементов (фирменного названия, фирменного знака, стиля, слогана), до четко воспринятой покупателями совокупности функциональных и эмоциональных элементов, единых с самим товаром и способом его представления. В этом состоит принципиальное отличие бренда от товарного знака, который представляет собой обозначения, способные отличать соответственно товары и услуги одних юридических и физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц» [5]. Такое понимание не противоречит современному восприятию феномена бренда и дает возможность изучать его с учетом новых задач и целей.

Как отмечалось нами выше, бренд входит в зону интересов культурологии и воспринимается при этом как миф, символ или продукт бытия. Бренд — это слова, символы и образы, имеющие целостное культурное значение [6].

Нас привлекает, в первую очередь, символическая природа изучаемого феномена. Поскольку символ — это знак, можно утверждать, что бренд — это тоже знак, ибо он обладает всеми необходимыми характеристиками: есть некий объект или совокупность объектов (референт), обозначаемых определенным и закрепившимся именем (экспонентом) и отраженных в сознании говорящих (создателей и потребителей бренда); есть психический образ имени бренда (десигнатор) и его характеристик (значение) [7]. Бренд является знаком особой природы, так как создается искусственным и в крайней степени осознанным путем. Он имеет первоначально для всех потребителей одинаковые характеристики, предложенные разработчиком/производителем. Как знак, бренд занимает промежуточное положение между именем нарицательным и именем собственным: с одной стороны, мы имеем дело с совокупностью одинаковых товаров одной торговой марки и можем сравнить его с именем нарицательным; с другой стороны, если речь идет об организации, политическом деятеле или популярном артисте, следует рассматривать бренд только как имя собственное.

При изучении бренда с позиций теории знака необходимо определить, какие компоненты следует учитывать в составе его значения. Н. Н. Фролова считает, что значение бренда, имеющего и лексическое, и прагматическое значение, многомерно. Лексическое значение заключается в понятийной (предметной) отнесенности; прагматическое включает разного рода коннотации: оценочные, эмоциональные, экспрессивные, социальные, психологические, культурологические и исторические. Автор также подчеркивает, что «формальное выражение эти элементы смысловой структуры маркировочного наименования (бренда) находят за пределами словарной единицы — на уровне высказывания или текста (дискурса)» [8].

---

[5] Муромкина И. И., Евтушенко Е. В. Особенности использования брендинга на российском потребительском рынке // Createbrand. URL : http://www.createbrand.ru/biblio/branding/rusbrand.html (дата обращения: 10.06.2018).

[6] См.: Медведева А. А. Фреймовое пространство английских брендовых номинаций и его лексикографическое представление : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2012. 22 с. С. 4.

[7] См.: Боровикова Н. В. Особенности референции имени собственного — антропонима в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. СПб., 2012. 187 с. С. 65–67.

[8] Фролова Н. Н. Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов) … С. 5–6.

Многомерность значения бренда проявляется и в том, что в нем объединены характеристики двух планов: 1) заложенные разработчиками и входящие в первоначальную концепцию; 2) реально отраженные в сознании потребителя в результате «встречи» с брендом и закрепленные в виде компонентов значения. Обе группы признаков составляют образ бренда в картине мира говорящих, а следовательно должны быть учтены, однако смешивать их не совсем правильно.

Значение бренда, таким образом, вызывает много вопросов и представляет собой особую научную проблему, требующую глубокого осмысления, которое невозможно представить в рамках одной статьи.

Многомерность значения бренда и неоднозначность его восприятия разными группами говорящих может быть изучена через призму базового для когнитивной лингвистики понятия «концепт». Академик Д. С. Лихачев говорил по этому поводу следующее: «…охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.)» [9]. По мнению ученого, концепт, выполняя заместительную функцию, позволяет преодолевать различия в понимании слов, отвлекаться от «мелочей». Потенции концепта как «представителя» значения зависят от культурного опыта человека [10]. В результате выявляется двойная связь понятий «бренд» и «культура»: во-первых, бренд является элементом культуры как социального явления (символ, миф); во-вторых, через концепт он входит в картину мира отдельного человека как результат его культурного опыта.

Таким образом, феномены культуры, в том числе и бренды, имеющие наименования в языке, существуют в нашем сознании как его единицы, концепты. Поскольку бренды, как правило, являются достоянием общности говорящих, их можно рассматривать как культурные концепты [11], которые считаются составляющими культуры. Например, Ю. С. Степанов пишет: «Культура — это совокупность концептов и отношений между ними» [12]. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, исследующие лингвокультурные концепты, видят в концепте ментальную проекцию элементов культуры [13]. Раскрытие культурного концепта осуществляется через его ценностную, образную и понятийную (фактуальную) стороны [14].

При анализе какого-либо бренда как культурного концепта его ценностный компонент выходит на первый план. При этом все исследователи феномена бренда отмечают, что положительная оценка должна быть доминирующей и является целью производителя/разработчика.

Образная составляющая культурного концепта коррелирует с перцептивной и когнитивной сторонами концепта как психолингвистического феномена, а понятийная составляющая представляет собой выход на языковое воплощение рассматриваемого явления [15].

Рассматриваемый в качестве концепта, бренд предполагает наличие говорящего и оценивающего субъектов. Познающий человек противостоит внешнему миру как объекту познания. Координата «Я» как основа для анализа понятия субъекта является ориентиром для эгоцентрических слов: я, здесь, сейчас. Поэтому мы исследуем бренд в трех, соотносящихся с ними, измерениях: единица сознания, пространство, время.

Анализ какого-либо бренда с указанных позиций выявляет существенные различия в его восприятии говорящими/потребителями. Рассмотрим данное утверждение на примере распространенных в г. Архангельске брендов французского и псевдофранцузского происхождения.

В результате проведенного нами исследования выявлено, что в г. Архангельске, кроме всемирно известных и общепризнанных брендов, существует довольно большое количество торговых точек и учреждений сферы услуг, которые имеют французские названия, трансли-

---

[9] Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Scicenter.online. URL : http://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/lihachev-kontseptosfera-russkogo-126120.html (дата обращения: 15.05.2018).

[10] См. там же.

[11] См.: Суржанская Ю .В. Индивидуальные и культурные концепты: общее и различное // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 87–93. С. 90–91.

[12] Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2001. 990 с. С. 40.

[13] См.: Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 75–79.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. – С. 91

[14] См.: Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с. С. 91.

[15] См. там же. С. 98.

терированные, смешанные или имитирующие французский язык. Мы считаем возможным изучить все подобные названия как бренды, поскольку традиционное определение бренда не включает ограничения относительно известности и масштабности их распространения.

Нами разработана следующая классификация выявленных наименований на основании наиболее четко выраженных признаков, которые позволяют проанализировать эти наименования с представленных выше позиций.

Понятийная составляющая бренда как концепта, репрезентированная семантическими и прагматическими значениями:

– косметика (Yves Rocher, L'OCCITANE en Provence, Fleur de Sante, LAMBRE, Cherie ma Cherie, Рив Гош, Л'Этуаль, Вуаля, Иль де Ботэ);

– салоны красоты (Vanille, Belle, Paris);

– свадебные салоны (La Reine, Mariage, Complicite, Larange);

– белье (Belle femme, Vis-à-vis, Charmante, Malena Lingerie, DejaVu, SERGE, Мулен Руж, Дефи*ле);

– обувь и одежда (ELLE, Elegante, Gallant, Le Bon, Vivienne, Savage, Sabo, LiseTTe);

– кафе и рестораны (Le Petit, Буфет royal, Полина café, Randevu);

– товары для дома и ткани (Je le prends, Же Ля Пран (искаженный произносительный вариант бренда Je le prends), Коллаж, Меланж, Марсель).

Анализ материала показывает, что при выборе бренда важную роль играет когнитивная сфера. В сознании заинтересованного потребителя, помимо понятийной составляющей, на первый план также выходят ассоциации с культурой Франции. Бренды или могут демонстрировать непосредственное отношение к Франции (связь со сферой деятельности предприятия либо с владельцем торговой марки во Франции: L'OCCITANE en Provence, Yves Rocher, LAMBRE), или создавать иллюзию присутствия французской культуры (Вуаля, DejaVu, Le Petit).

Выявлено, что пространственное измерение бренда является показателем распространения торговой марки. Определены следующие масштабы распространения бренда:

– всемирное (L'OCCITANE en Provence, Fleur de Santé, Yves Rocher, LAMBRE);
– всероссийское (Рив Гош, Л'Этуаль, Иль де Ботэ, Vis-à-vis, Savage);
– региональное (все прочие).

Время — вторая составляющая бренда как культурного концепта — репрезентировано его отнесенностью к расширенному настоящему. Отметим также, что некоторые бренды с учетом их возникновения могут быть проанализированы и с позиций прошедшего времени. Например, марка Yves Rocher имеет различные временные характеристики для французов и различных регионов России, поскольку во Франции она существует с 1959 года. В Россию эта марка пришла только в 1991 году, а в Архангельск — в конце 1990-х годов. Соответственно, в картине мира архангелогородцев содержится гораздо меньше информации. Например, нам совершенно не знакомы линейки продуктов, снятые с производства до 1990-х годов. Кроме этого, мы можем провести анализ с ценностно-временной точки зрения: во Франции со времени возникновения данной торговой марки появилось много других продуктов в области косметологии, более действенных и привлекательных для потребителя, поэтому мы допускаем, что со временем произошло некоторое обесценивание этого бренда в сознании французского потребителя. В нашей стране также происходит его обесценивание, но по несколько иным причинам. Фирма *Ив Роше* открыла несколько заводов на территории России, соответственно утрачивается очень важный компонент в концепте «Ив Роше» — "fabriqué en France" (сделано во Франции), имеющий высокую ценностную составляющую для российского потребителя.

С точки зрения культурной ценности могут быть рассмотрены и другие наименования. Большинство из них не имеют реального пространственного отношения к стране используемого языка, а следовательно имеют малую культурную ценность.

Поскольку при разработке бренда принято включать в число основных требований графический облик его имени, мы также считаем необходимым изучить представленные бренды с точки зрения орфографии.

Особенности графического оформления:

- с полным соблюдением правил орфографии или с минимальными отклонениями:
  - белье (Belle femme, Vis-à-vis, Charmante, Malena Lingerie, DejaVu, SERGE);
  - косметика (Cherie ma Cherie, Yves Rocher, L'OCCITANE en Provence, Fleur de Sante, L'ambre, но встречаются также варианты LAMBRE и Амбер);
  - рестораны и кафе (Le Petit);
  - салоны красоты (Vanille, Belle, Paris);
  - свадебные салоны (La Reine, Mariage, Complicite);
  - обувь (ELLE, LiseTTe, Elegante, Gallant, Le Bon, Vivienne);
  - одежда (Savage);
  - предметы интерьера (Je le prends, а также малограмотный вариант Же Ля Пран).
- С орфографическими неточностями:
  - салоны красоты (Labelle — нет пробела, Nadin — нет *e*, Sofi — нет *e*);
  - кафе и рестораны (Randevu — фонетическое звучание передано латиницей, полностью ошибочная орфография; правильно — Rendez-vous);
  - обувь (Sabo — ошибочная орфография; правильно — sabot);
  - свадебные салоны (Larange — нет пробела).
- Транслитерация:
  - белье (Мулен Руж);
  - обувь (Элегант);
  - ткани, посуда и прочие товары для дома (Коллаж, Меланж, Марсель);
  - косметика (Рив Гош, Л'Этуаль, Вуаля, Иль де Ботэ);
  - салоны красоты (Этуаль, Бурлеск, Марсель).
- Не выявлено происхождение (псевдофранцузские наименования):
  - косметика (КОСМЕДЭЛЬ);
  - салоны красоты (Шантэль, La Lubie).
- Смешанное использование русского и французского языков:
  - кафе (Буфет royal, Полина café);
  - косметика (ПАРФЮМ-ЮНОСТЬ, Парфюм-Архангельск, Дефи*ле).

Основные сферы применения рассматриваемых наименований, согласно проведенному исследованию, относятся к области красоты, удовольствия, чего-то приятного и прекрасного. Это объясняется традиционными романтическими ассоциациями и представлениями жителей России о культуре Франции, которые навеяны, в первую очередь, французскими романами, фильмами и песнями, представленными в большом количестве в советский период существования нашей страны. Ранее французские бренды являлись для нас проводником не только специального знания, но и культуры, образа жизни, мышления, ценностей, стиля поведения. В настоящее время мы наблюдаем, как романтические представления населения активно эксплуатируются в коммерческих целях, что, к сожалению, обезличивает и обесценивает французскую культуру в целом.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Боровикова, Н. В. Особенности референции имени собственного — антропонима в современном французском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2012. — 187 с.
2. Грошев, И. В. Аналитика современных дефиниций и подходов к пониманию сущности бренда [Текст] / И. В. Грошев, А. А. Краснослободцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Экономика». — 2013. — № 4. — С. 94–104.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
4. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 75–79.
5. Кожанова, В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русского языков) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Краснодар, 2007. — 20 с.
6. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс] // Scicenter.online. — Режим доступа : http://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/lihachev-kontseptosfera-russkogo-126120.html (дата обращения: 15.05.2018)

7. Медведева, А. А. Фреймовое пространство английских брендовых номинаций и его лексикографическое представление [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Ростов н/Д., 2012. — 22 с.

8. Муромкина, И. И. Особенности использования брендинга на российском потребительском рынке [Электронный ресурс] / И. И. Муромкина, Е. В. Евтушенко // Createbrand. — Режим доступа : http://www.createbrand.ru/biblio/branding/rusbrand.html (дата обращения: 10.06.2018)

9. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст]. — М. : Академический проект, 2001. — 990 с.

10. Суржанская, Ю. В. Индивидуальные и культурные концепты: общее и различное [Текст] // Язык и культура. — 2011. — № 3 (15). — С. 87–93.

11. Фролова, Н. Н. Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов): лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты (на материале русского языка) [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. — Краснодар, 2011. — 24 с.

References

1. Borovikova N. V. *Osobennosti referentsii imeni sobstvennogo-antroponima v sovremennom frantsuzscom yasyke* [Features of the reference of proper noun (anthroponym) in modern French] : Diss. ... Cand. of Philology. St. Petersburg, 2012. 187 p. (in Russian)

2. Groshev I. V., Krasnoslobodtsev, A. A. Analytics of modern definitions and approaches to understanding the essence of the brand. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of Russian University of Peoples' Friendship]. Ser. "Economics". 2013. No. 4. Pp. 94–104. (in Russian)

3. Karasik V. I. *Yasykovoi krug: litchnost, contsepty, discurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena, 2002. 477 p. (in Russian)

4. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Linguocultural concept as a research unit. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoi lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001. Pp. 75–79. (in Russian)

5. Kozhanova V. Yu. *Lingvistitcheskiie osnovy naimenovaniy brendov (na primere angliyskogo i russkogo yasykov* [Linguistic foundations of the brand name (with examples from the English and Russian languages)] : Abstract of Diss. ... Cand. of Philology. Krasnodar, 2007. 20 p. (in Russian)

6. Likhachev D. S. The Conceptual Sphere of the Russian language. *Skicenter.online.* Mode of access : http://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter / lihachev-kontseptosfera-russkogo-126120.html (accessed: 15.05.2018). (in Russian)

7. Medvedeva A. A. *Freimovoie prostranstvo angliyskikh brendovykh nominatsii i yego lexikograficheskoye predstavleniye* [Frame space of the English brand nominations and its lexicographical representation] : Abstract of Diss. ... Cand. of Philology. Rostov-on-Don, 2012. 22 p. (in Russian)

8. Muromkina I. I., Evtushenko E. V. Features of the use of branding in the Russian consumer market. *Createbrand*. Mode of access : http://www.createbrand.ru/biblio/ branding/rusbrand.html (accessed: 15.05.2018). (in Russian)

9. Stepanov Yu. S. *Konstanti: slovar russkoi kulturi* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow : Academical project, 2001. 990 p. (in Russian)

10. Surzhanskaya Yu. V. Individual and cultural concepts: the common and the different. *Yasyk i kultura* [Language and culture]. 2011. No. 3 (15). Pp. 87–93. (in Russian)

11. Frolova N. N. *Discursivnye funktsii markirovotchnykh naimenovaniy (brendov): lingvokulturologitcheskiye i lingvopragmatitcheskiye aspekty (na materiale russkogo yasyka)* [The discursive functions of trade names (brands): linguocultural and linguopragmatic aspects (wih examples drawn from the Russian language)] : Abstract of Diss. ... Cand. of Philology. Krasnodar, 2011. 24 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Боровикова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». Почтовый адрес (раб.): 163002, Россия, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17. E-mail*:* n.borovikova@narfu.ru

Borovikova, Natalia — Ph. D. (Philology), Associate Professor, Chair of translation and applied linguistics of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov". Postal address: 17, embankment of the Northern Dvina, Arkhangelsk, 163002, Russia. E-mail: n.borovikova@narfu.ru

УДК: 81'27

Г. Н. Гумовская, А. И. Третьякова

Коммуникативные стратегии и тактики достижения согласия и проблемы их типологизации

Несмотря на то что коммуникация в целом и коммуникативные стратегии в частности в настоящее время являются объектом многих исследований, единая типология коммуникативных стратегий и тактик, охватывающая весь набор внутренних характеристик общения, не разработана. В данной работе классификация коммуникативных стратегий достижения согласия строится при помощи выделения способа получения согласия (согласие подразумевает утвердительный ответ и может быть основано как на единомыслии, так и на манипуляции). Новизну представляет сфера исследования — социолингвистика — и материал, использованный для создания типологии — цикл книг Дэна Брауна о Роберте Лэнгдоне. Данные книги, известные во всем мире, описывают современное общество. Последняя книга автора «Происхождение» вышла в конце 2017 года, представив наиболее актуальный материал для исследования. Исходя из специфики материала типология включает только вербальные коммуникативные стратегии достижения согласия, однако возможность включения в типологию невербальных, паравербальных и экстралингвистических элементов не исключается и рассматривается как способ дальнейшего развития исследования.

коммуникация; стратегия; коммуникативная стратегия; согласие; типология

Gumovskaya, Galina; Tretyakova, Anastasia

Communicative Strategies of Achieving Agreement and the Problem of Their Typology

The research focuses on the communicative strategies of agreement and is aimed at creating a typology of those strategies. Despite the fact that communication and its strategies are the key concepts of numerous scholarly works, communicative strategies, on the whole, and communicative strategies of agreement, in particular, are not thoroughly structured and there is no frame, containing the whole set of inner communicative characteristics. The article focuses on ‘agreement’ as the nuclear concept underlying the classification created on the basis of Dan Brown’s books about Robert Langdon. ‘Agreement’ presupposes either consensus or an affirmative response based on any type of manipulation. The plot of the books develops in modern society, and the main characters of the books belong to various countries and cultures, including representatives of the United States of America, Spain, Italy, Japan and France, which makes the classification universal. Moreover, the latest book under study was published in 2017, which adds novelty to the research. Taking into account the specificity of the research material, the typology is applicable primarily to verbal strategies and tactics of agreement, but non-verbal, para-verbal and extralinguistic elements of the typology are not excluded and can be examined in subsequent studies.

communication; strategy; communicative strategy; agreement; typology

Коммуникация в современном мире является неотъемлемой частью всех сфер жизни людей, а происходящий в последнее время сдвиг парадигмы в сторону коммуникативного подхода делает изучение коммуникативных стратегий и тактик особенно актуальным.

Коммуникация — форма взаимодействия, предполагающая как прием и передачу информации, так и создание определенной степени взаимопонимания между коммуникантами при наличии обратной связи [1].

Стиль коммуникативных отношений между людьми определяется принимаемыми формами взаимодействия сторон для разрешения проблем. Достижение гармонии во взаимодействии между людьми приводит к согласию, к единственному, по мнению древних греков, разумному способу существования в неразрывном единстве с природой и разумом *(gomologoumenos)*.

[1] См.: Якупов П. В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры // Вестник университета. 2016. № 10. С. 261. URL : https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 27.06.2018).

© Гумовская Г. Н., Третьякова А. И., 2018

В словаре Д.Н. Ушакова согласие определяется следующим образом:

«1. Утвердительный ответ на что-нибудь — на просьбу что-нибудь сделать или на просьбу разрешить что-нибудь. 2. Взаимное одобрение. 3. Единомыслие, общность точки зрения, солидарность. 4. Мирные, дружественные отношения, единодушие. 5. Соразмерность, гармония (устар.). 6. У старообрядцев — секта, течение» [2].

Словарь С. И. Ожегова дает такое определение:

«1. Одно из течений внутри старообрядческого толка. 2. Разрешение, утвердительный ответ на просьбу. 3. Единомыслие, общность точек зрения. 4. Дружественные отношения, единодушие. 5. Соразмерность, стройность, гармония» [3].

В англоязычных словарях также встречаются различные трактовки данного понятия.

Словарь *Macmillan Dictionary*:

"Agreement. 1. An arrangement or decision about what to do, made by two or more people, groups, or organizations. 2. The situation when people have the same opinion or have made the same decision about something" [4].

Словарь *Oxford Dictionary*:

"Agreement. 1. An arrangement, a promise or a contract made with somebody. 2. The state of sharing the same opinion or feeling. 3. The fact of somebody approving of something and allowing it to happen" [5].

В рамках коммуникативных стратегий согласие, прежде всего, означает каким-либо образом выраженный утвердительный ответ адресата на просьбу, предположение или предложение адресанта. В некоторых словарях выделяется также значение «единомыслие, единодушие, общность точек зрения». Тем не менее, рассматривая коммуникативные стратегии и тактики достижения согласия, мы отталкиваемся не от удачности/неудачности стратегии, а от интенции адресанта сообщения — направленности на получение утвердительного ответа, или основанного на единомыслии (преимущественно в конвенциональных стратегиях и тактиках), или полученного под воздействием определенных внешних факторов (преимущественно в манипулятивных стратегиях и тактиках).

Источники информации по коммуникативным стратегиям находятся в стадии постоянного формирования и изменения: данные по этой теме недостаточно систематизированы. Существующие классификации часто применимы к какой-либо одной области. Кроме того, работ, посвященных непосредственно коммуникативным стратегиям достижения согласия, достаточно мало, что позволяет говорить о новизне исследования, актуальность которого связана с ростом интереса в России и в других странах к коммуникации в целом и коммуникативным стратегиям в частности, а также с развитием международного сотрудничества, в результате которого возросла необходимость в изучении процессов и принципов коммуникации.

По определению В.В. Кашкина, коммуникативная стратегия — часть коммуникации, в которой определенный набор вербальных и невербальных языковых средств используется для достижения коммуникативной цели. Стратегия здесь понимается как общая модель поведения и может предполагать отдельные отступления от цели для более успешного достижения ее в дальнейшем [6].

Некоторые исследователи также выделяют понятие коммуникативной тактики (более узкое, чем коммуникативная стратегия), но уже как совокупность конкретных практических шагов в процессе общения. Коммуникативная стратегия, хотя и является более общим понятием по отношению к коммуникативной тактике, образует с ней неразрывную связь. То, что в одном контексте является стратегией, в другом может являться тактикой, и наоборот.

Например, Е. В. Жданова предлагает следующую схему: невербальное поведение в речи <–> речевые стратегии <–> речевые тактики <–> коммуникативный стиль [7].

---

[2] Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.

[3] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Аз, 1996. 994 с.

[4] Macmillan English Dictionary. L., 2003. P. 32

[5] The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford, 2007. P. 12.

[6] См.: Кашкин В. В. Введение в теорию коммуникации. М. : Флинта : Наука, 2014. 224 с. С. 153.

[7] См.: Жданова Е.В. Личность и коммуникация : практикум по речевому взаимодействию. М. : Флинта : Наука, 2010. 174 с. С. 42.

В настоящее время единая типология коммуникативных стратегий и тактик, охватывающая весь набор внутренних характеристик общения, не разработана. Типология как научный метод классификации объектов предполагает выявление того или иного базового критерия как основы для выделения определенных типов анализируемых объектов. В нашем случае критерием выделения является согласие как специфическая форма взаимодействий между людьми, «отражающая сознательное соединение противоположностей, их соотнесение друг с другом / достижение гармонии, симметрии и пропорциональности частей целого» [8].

В научной литературе существует множество классификаций коммуникативных стратегий и тактик, основанных на различных параметрах.

1. Этапы коммуникации: установление контакта, поддержание контакта, размыкание контакта [9].

2. Позиция коммуниканта: стратегия отстранения, стратегия близости, стратегия предоставления выбора [10].

3. Цель коммуникации: компенсационные стратегии (исправление неудач в коммуникации), организационные стратегии (оформление речи) и риторические стратегии (оказание воздействия) [11].

4. Отношения между участниками диалога: кооперативные стратегии и некооперативные стратегии [12].

5. Тип дискурсивного мышления коммуникантов (репрезентативно-символическая стратегия — используются только языковые средства, нарративная стратегия — более абстрактный уровень, внутри которого выделяются объектно-аналитическая — констатация фактов, и субъектно-аналитическая — личный комментарий) [13].

6. Функции и характер содержания стратегий: основные (семантические: уговаривание, дискредитация) и вспомогательные (прагматические: диалоговые и риторические) [14].

7. Социальные процессы, порождающие действия коммуникантов: презентационные стратегии, конвенциональные стратегии и манипуляционные стратегии [15]. Именно эта классификация положена в основу разрабатываемой типологии в нашей статье.

Разницу между типами стратегий можно определить по следующим параметрам: уровню открытости, симметрии и способу производимой коммуникации, а также по основным средствам коммуникации. В соответствии с этими параметрами, правомерно утверждать: презентационный тип является пассивной коммуникацией, представляющей собой послание; конвенциональный тип основан на диалоге, предполагает достижение консенсуса как результата коммуникации и поэтому является открытой интерактивной коммуникацией с установкой на сотрудничество; манипуляционный тип, главная цель которого — управление ситуацией через управление поведением людей, является активной коммуникацией и основан на сообщении [16].

8. Доминирование, манипуляция, соперничество [17].

9. Конфронтационные, нейтральные и кооперативные стратегии [18].

10. Сближение и дистанцирование [19].

---

[8] Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2010. Т. 3 : Н – С. С. 589.

[9] См.: Зернецкий П. В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 89–95.

[10] См.: Михальская А. К. Основы риторики. М. : Просвещение, 1996. 416 с.

[11] См.: Астафурова Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения: лингвистический и дидактический аспекты : дис. … д-ра пед. наук. М., 1997. 324 с.

[12] См.: Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. М. : Инфра-М, 2009. 560 с. С. 73–74.

[13] См.: Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов : Колледж, 1999. 180 с.

[14] См.: Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.

[15] См.: Баландина Н. А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации : дис. … канд. филос. наук. Волгоград, 2004. 192 с.

[16] См.: Дацюк С. Коммуникативные стратегии. URL : http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751 (дата обращения: 27.05.2018).

[17] См.: Василик М. А. Основы теории коммуникации. М. : Гардарики, 2003. 615 с.

[18] См.: Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 152 с.

[19] См.: Красноперова Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2005. 201 с.

Исследований по коммуникативным стратегиям достижения согласия недостаточно. Единственный найденный источник — работа И. В. Терентьевой, где коммуникативные стратегии достижения согласия подразделяются на семантические, прагматические, фатические и диалоговые [20].

В данной статье представлена разработанная нами типология вербальных коммуникативных стратегий достижения согласия, основанная на классификациях Н. А. Баландиной, О. С. Иссерс и И. В. Терентьевой, а также составленная на эмпирическом материале цикла книг Дэна Брауна о Роберте Лэнгдоне. Типы стратегий выделяются на основе социальных процессов, порождающих действия коммуникантов; подтипы — на основе семантики и прагматики.

1. Конвенциональные вербальные стратегии и тактики достижения согласия.

А. Первичные:

- стратегия просьбы (адресант сообщения просит о чем-либо, предлагая что-то взамен / не предлагая ничего взамен);
- стратегия предложения (адресант предлагает что-либо, что может заинтересовать адресата, помочь решить проблему и т. д.);
- стратегия приказа (применима только в определенных сферах, например для коммуникации на службе);
- стратегия предположения/вопроса (в английском языке часто используется разделительный вопрос).

Б. Вторичные:

- стратегия аргументирования / логического обоснования (сходна со стратегией уговаривания, но основана на фактах и аргументах);
- стратегия уговаривания (основывается не на фактах, а на чувствах и эмоциях);
- стратегия ссылки на правила (авторитет, закон);
- стратегия похвалы (за выполненную часть работы, одобрение и стимуляция к продолжению деятельности);
- стратегия обещания (говорящий собирается выполнить обещанное).

Вербальные конвенциональные стратегии могут сопровождаться (в редких случаях даже заменяться) паравербальными средствами (использование звучания голоса для придания значимости своим аргументам и уговорам), невербальными (улыбка, кивание, взгляд, открытые жесты для усиления аргументов и уговоров) и экстралингвистическими (молчание, смех).

В качестве иллюстрации рассмотрим пример конвенциональной стратегии аргументирования из книги «Ангелы и демоны» в диалоге между главными героями книги: учеными Робертом Лэнгдоном и Витторией Ветра.

“And you’re sure the breath is what indicates the direction?”

“You saw the relief, Vittoria. The design was totally symmetrical. The only indication of bearing was the breath.”

Vittoria knew he was right.

“Not to mention,” he added, “because the West Ponente signifies Air, following the breath seems symbolically appropriate.”

Vittoria nodded [21].

2. Манипулятивные вербальные стратегии и тактики достижения согласия:

- стратегия использования статуса (имеется в виду злоупотребление положением);
- стратегия угрозы (выполнение просьбы адресанта, чтобы избежать угрозы);
- стратегия комплимента (у получившего комплимент вероятность отказа снижается, появляется некое «чувство благодарности» и неловкости при отказе);
- стратегия дискредитации (заключается в унижении человека, уменьшении его достоинств, подрыве к нему доверия, после чего такой человек уже не способен противостоять в полной мере адресанту);
- стратегия создания интриги (основана на любопытстве);

[20] Терентьева И. В. Стратегии вербального поведения англоязычных коммуникантов для достижения согласия : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 188 с.

[21] Brown D. Angels and Demons. L. : Corgi Books, 2000. 620 p. P. 350.

– стратегия подкупа (обещание или непосредственное предложение подарков, материальных ценностей и т. д.);

– стратегия обмана (может быть основана на ложных приемах — угрозе, комплименте, обвинении и т. д.).

В качестве иллюстрации рассмотрим пример манипулятивной стратегии комплимента в диалоге из книги «Ангелы и демоны» между главными героями книги: учеными Робертом Лэнгдоном и Витторией Ветра.

"Wait," Langdon said.
She turned impatiently toward him. Langdon sighed. "I'll go first."
Vittoria looked surprised. "More chivalry?"
"Age before beauty."
"Was that a compliment?"
Langdon smiled and moved past her into the dark. "Careful on the stairs." [22].

Таким образом, в статье показано, что коммуникативные стратегии достижения согласия подразделяются на манипулятивные и конвенциональные. Кроме того, выявлено, что конвенциональные стратегии включают первичные (могут использоваться как самостоятельно, так и вместе со вторичными) и вторичные стратегии и тактики (могут использоваться только вместе с первичными). Манипулятивные стратегии и тактики по сути всегда являются вторичными и применяются вместе с первичными коммуникативными стратегиями и тактиками (иногда первичные стратегии могут быть выражены имплицитно). В результате предложена еще одна типология вербальных коммуникативных стратегий и тактик достижения согласия, которая в дальнейшем может быть использована для анализа коммуникативного поведения людей, работающих в различных сферах деятельности.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Астафурова, Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения: лингвистический и дидактический аспекты [Текст] : дис. … д-ра. пед. наук. — М., 1997. — 324 с.
2. Баландина, Н. А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации [Текст] : дис. … канд. филос. наук. — Волгоград, 2004. — 192 с.
3. Василик, М. А. Основы теории коммуникации [Текст]. — М. : Гардарики, 2003. — 615 с.
4. Граудина, Л. К. Культура русской речи [Текст] / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. — М. : Инфра-М, 2009. — 560 с.
5. Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2004. — 152 с.
6. Дацюк, С. Коммуникативные стратегии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751 (дата обращения: 22.06.2018).
7. Жданова, Е. В. Личность и коммуникация [Текст] : практикум по речевому взаимодействию. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 174 с.
8. Зернецкий, П. В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе [Текст] // Языковое общение: единицы и регулятивы / Калинин. гос. ун-т. — Калинин, 1987. С. 89–95.
9. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст]. — М. : ЛКИ, 2008. — 288 с.
10. Кашкин, В. В. Введение в теорию коммуникации [Текст]. — М. : Флинта : Наука, 2014. — 224 с.
11. Красноперова, Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью [Текст] : дис. … канд. филол. наук. — Иркутск, 2005. — 201 с.
12. Михальская, А. К. Основы риторики. — М. : Просвещение, 1996. — 416 с.
13. Новая философская энциклопедия [Текст] : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. — М. : Мысль, 2010.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Аз, 1996. — 944 с.
15. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты [Текст]. — Саратов : Колледж, 1999. — 180 с.

[22] Brown D. Angels and Demons. Pp. 294–295.

16. Терентьева, И. В. Стратегии вербального поведения англоязычных коммуникантов для достижения согласия [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. — 188 с.
17. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.
18. Якупов, П. В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры [Текст] // Вестник университета. — 2016. — № 10. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-opredelenie-ponyatiya-vidy- kommunikatsii-i-ee-bariery (дата обращения: 27.06.2018).
19. Brown, D. Angels and Demons [Text]. — L. : Corgi Books, 2000. — 620 p.
20. Macmillan English Dictionary [Text]. — L., 2003. — 1692 p.
21. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms [Text]. — Oxford, 2007. — 1295 p.

References

1. Astafurova T. N. *Strategii kommunicativnogo povedeniya v professionalno-znachimych situatsiyach mezhkulturnogo obscheniya: lingvisticheskiy i didacticheskiy aspect* : dis. … doc. pedagog. nauk [Srtategies of Communicative Behavior in Professionally Meaningful Situations of Intercultural Communication: Linguistic and Didactic Aspects]. M., 1997. 324 p. (in Russian)
2. Balandina N. A. *Diskurs peregovorov v angloyazychnoy delovoy kommunikatsii* [Negotiation Discourse in English Business Communication] : dis. … kand. filosof. nauk. Volgograd, 2004. 192 p. (in Russian)
3. Vasilik M. A. *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Communication Theory]. M. : Gardariki, 2003. 615 p. (in Russian)
4. Graudina L. K., Shiriayev E. N. *Kultura Russkoi Rechi.* [Russian Speech Culture]. M. : Infra-M, 2009. 560 p. (in Russian)
5. Gulakova I. I. *Kommunicativniye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konflictnoy situatsii obscheniya* [Communicative Strategies and Tactics of Speech Behavior in the Communicative Situation of Conflict] : dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2004. 152 p. (in Russian)
6. Datsyuk S. *Kommunikativnye Strategii* [Communicative Strategies]. Mode of access : http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751 (accessed: 22.06.2018). (in Russian)
7. Zernertskiy P. V. Edinitsy rechevoy deiyatelnosti v dialogicheskom diskurse [The Units of Speech Activity in the Dialogical Discourse]. *Yazykovoye obscheniye: Edinitsy i reguliativy*. Kalinin, 1987. Pp. 89–95. (in Russian)
8. Issers O. S. *Kommunikativniye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. M. : LKI Publisher, 2008. 288 p. (in Russian)
9. Kashkin V. V. *Vvedeniye v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the Communication Theory]. M. : Flinta : Nauka, 2014. 224 p. (in Russian)
10. Krasnoperova Ju. V. *Diskursivniye strategii uchastnikov interviyu* [Discourse Strategies for the Interview Participants] : dis. … kand. filol. nauk. Irkutsk, 2005. 201 p. (in Russian)
11. Michalskaya A. K. *Osnovy ritoriki* [Fundamentals of Rhetoric]. M. : Prosvescheniye, 1996. 416 p. (in Russian)
12. *Novaya filosofskaya entsiklopedia* [New Encyclopedia of Philosophy] : 4 vol. Institute of philosophy RAN ; Scientific-editorial Council ; V. S. Stepnin, A. A. Guseinov, G. Ju. Semigin. M. : Mysl, 2010. (in Russian)
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. *Tolkoviy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. M. : Az, 1996. 944 p. (in Russian)
14. Sedov K. F. *Stanovleniye diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti: psicho- i sotsiolingvisticheskiy aspekty* [The Establishment of the Discourse Thought of the Linguistic Identity: Psycho- and Sociolinguistic Aspects]. Saratov, 1999. 180 p. (in Russian)
15. Terentieva I. V. *Strategii verbalnogo povedeniya angloyazychnych kommunikantov dliya dostizheniya soglasiya* [Strategies of Verbal Behavior of English-speaking Communicants for Agreement Achievement] : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2013. 188 p. (in Russian)
16. *Tolkovy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language] : 4 vol. Ed. by D. N. Ushakov. M. : State University “Sov. Entsikl.”: OGIZ : State Publishing House of Foreign and National Words, 1935–1940 (in Russian)
17. Yakupov P. V. *Kommunikatsiya: opredeleniye poniyatiya, vidy kommunikatsii i ieie bariery* [Communication: Definition of the Concept, types of Communication and its Barriers]. Bulletin of the State University of Management. 2016. No. 10. Mode of access : https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-opredelenie-ponyatiya-vidy- kommunikatsii-i-ee-bariery (accessed: 27.06.2018). (in Russian)
18. Brown D. *Angels and Demons*. L. : Corgi Books, 2000. 620 p.
19. *Macmillan English Dictionary*. L., 2003. 1692 p.
20. *The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford, 2007. 1295 p.

Сведения об авторах

Гумовская Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор департамента иностранных языков, академический руководитель магистратуры образовательной программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”». Почтовый адрес: 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. В, каб. 409а. Тел. (раб.): 8(495) 772 9590 *11852. E-mail: goumovskayagaln@mail.ru, ggumovskaya@hse.ru

Gumovskaya, Galina — PhD. (Doctor of Philology), Associate Professor, Merited Educator of Higher Professional Education, Professor of the Foreign Languages Dpt., Head of the Master Program “Foreign Languages and Intercultural Communication”, National Research University “Higher School of Economics”. Postal address: 21/4, Staraya Basmannaya St., build. B, off. 409a, Moscow, 105066, Russia. E-mail: goumovskayagaln@mail.ru, ggumovskaya@hse.ru

Третьякова Анастасия Игоревна — тьютор, кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет “МИСиС”»). Почтовый адрес: 119049, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 4. Тел.: +79160252482. E-mail : atretyakova1994@gmail.com

Tretyakova, Anastasia — tutor, Dpt. of Foreign Languages and Communication technologies, National University of Science and Technology (MISiS). Postal address: 4, Leninsky Pr., Moscow, 119049, Russia. Tel.: +79160252482. E-mail: atretyakova1994@gmail.com

УДК 81’22

С. Т. Золян

К вопросу об антропо- , слово- и текстоцентричных лингвистических описаниях *

В статье рассмотрены общие принципы описания языка, в частности предложенные В. М. Алпатовым принципы описания языка, получившие название антропоцентричного и системоцентричного, а ранее называвшиеся словоцентричным и несловоцентричным подходами. Эта концепция сопоставлена с другой версией антропоцентризма, восходящей к Гумбольдту и развитой в работах Э. Бенвениста, Ю. С. Степанова и Е. С. Кубряковой. Предпринята попытка развить понятие «несловоцентричного» подхода, который допускает различные понимания, описывающих с разных позиций организацию языка. Предполагается, что и словоцентричные, и несловоцентричные подходы могут быть ориентированы на описание как системы, так и компетенции говорящего. В качестве примера возможного совмещения указанных подходов предложен текстоцентричный подход. Основываясь на сделанном Э. Бенвенистом разграничении между узнаванием и пониманием языкового знака, можно описать компетенцию говорящего как знание основного значения слова, правил изменения смыслов в зависимости от внутритекстового или экстралингвистического контекста, умение понимать (определять) тот смысл, которое данное слово имеет в том или ином контексте. Благодаря текстоцентричному подходу становится возможным совмещенное описание семантических единиц как определяемых не только системой языка, но и формируемых в тексте. При таком описании текст выступает как целокупность, включающая его многомерную гетерогенную смысловую структуру, множество языков порождения, интерпретации и контекстно обусловленные коммуникативные характеристики. Единицы языка определяются относительно их функции в организации текста и его возможных интерпретаций.

антпропоцентризм; словоцентризм; системоцентризм; несловоцентризм; Бодуэн де Куртене; В. М. Алпатов; Э. Бенвенист; семантика; архитектура языка

Zolyan, Suren

On the Anthropocentric, Word-Centered and Text-Centered Linguistic Description

We consider some general principles of language description. In particular, we discuss the so-called anthropocentric and system-centric (earlier they were named as word-centric and non-word-centric) approaches, which where suggested V. M. Alpatov. This conception is compared with another version of anthropocentrism — ascending to Humboldt and developed in the works of E. Benvenist, Yu. S. Stepanov and E. S. Kubryakova. An attempt is made to develop the concept of a “non-word oriented” approach — it can be understood in different ways in order to describe an organization of a language from different angles. We presume that both the word-centered and non-word-centered approaches can be oriented towards describing a system of language, as well as the speaker’s semantic competences. As an example of a possible combination of these approaches, a text-centric approach is proposed. Based on the distinction made by E. Benveniste between recognizing and understanding a linguistic sign, one can describe the speaker’s competences as knowing the main meaning of the word, rules for changing meanings depending on intra-textual or extralinguistic contexts, and an ability to understand — to determine the meaning of the given context. With a text-centric approach, it becomes possible to have a combined description of semantic units as determined not only by a language system, but also formed through a text. In accordance with this approach, a text is considered as a holistic entity, endowed with a multidimensional heterogeneous semantic structure, diversity of languages of generation and interpretation, and context-sensitive communicative characteristics. Linguistic elements are identified in respect to their function in text-structuring and comprehension.

anthropocentricism; wordcentrism; systemocentrism; non-word-oriented approach; Baudouin de Courtenay; V. M. Alpatov; E. Benveniste; semantics; language architecture

* Работа выполнена в рамках гранта РНФ 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта.

© Золян С. Т., 2018

Антропоцентризм как принцип лингвистического описания: тема и вариации

Одним из основных направлений в современной лингвистике в настоящее время признан антропоцентрический подход, который противопоставляется системоцентризму структурализма. Сам термин, введенный почти одновременно [1], был призван объединить все те новые и достаточно разнородные тенденции и подходы, которые ориентированы на «человека говорящего» — прагматику, когнитивистику, корпусную лингвистику, теорию дискурса, лингвоперсонологию и др. [2]. При таком понимании антропоцентризм — это не столько методология, сколько лингвистическое выражение гуманистических принципов: «Господство принципов антропоцентризма роднит лингвистику со многими другими областями знания, ибо интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим различные типы человеческой деятельности знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках. Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. <...> Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он [антропоцентризм] знаменует... тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обусловливает его специфический ракурс» [3].

С этой точки зрения антропоцентрический подход в лингвистике — это не есть нечто новое, а продолжение богатой традиции. Его истоки прослеживаются в XIX веке у В. Гумбольдта и Г. Пауля [4]. В XX веке он был связан, в первую очередь, с работами Э. Бенвениста, а в советской лингвистике — с развивающими этот подход исследованиями Ю. С. Степанова [5]. При таком подходе антропоцентризм может быть понят предельно широко и означать скорее ориентацию на определенную исследовательскую идеологию, нежели методологию. Неслучайно под «антропоцентризмом» в лингвистике подразумеваются совершенно различные явления. Более того, расширяя границы антропоцентризма, мы рискуем потерять какие-либо критерии: в принципе любое описание языка так или иначе связано с человеком [6], поэтому имеет смысл вернуться именно к истокам введения указанного разграничения и рассмотреть его методологические основы.

Этот термин был предложен в ставшей программной статье В. М. Алпатова в совершенно иной связи и на других основаниях [7]. В нашей статье обратим внимание только на этот, более узкий подход. Его методологические основы, даже если ограничиться только концепцией В. М. Алпатова, все еще остаются недостаточно изучены. Нередко статьи В. М. Алпатова и Е.С. Кубряковой упоминают как описывающие одно и то же явление, однако нетрудно убедиться, что с самого

---

[1] См.: Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26 ; Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Академии наук СССР. Сер. Литературы и языка. М., 1994. Т. 53, № 2. С. 3–15 ; Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН ; под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–237.

[2] Ср.: Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. ; Бугорская Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 18–25.

[3] Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. С. 212

[4] См.: Романова Т. В. Антропоцентрическая парадигма в истории языкознания: «язык индивида» (Г. Пауль), «язык как психический феномен» (В. Гумбольдт) // Когнитивные исследования языка. Вып. 21 : Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации / Ин-т языкознания РАН. М. ; Тамбов : Изд. дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2015. С. 116–121.

[5] Ср.: «Язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. С присущей ему простотой Бенвенист называет это свойство «человек в языке»... Иначе все эти черты лингвистической концепции можно назвать антропоцентрическим принципом». (Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с. С. 14.)

[6] Ср.: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной (Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. С. 15).

[7] См.: Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку.

начала существовала определенная вариативность критериев, по которой разграничивались эти подходы. Прослеживая само зарождение антропоцентрического подхода в версии М. В. Алпатова, можно заметить, что он возникает не из ориентации на человека и человеческий фактор в языке, а скорее из необходимости предложить некоторое альтернативное видение архитектуры языка. В связи с вопросом о множественности возможных лингвистических описаний и их неполной совместимости именно этот аспект станет предметом нашего рассмотрения.

Антропоцентризм как метод словоцентричного описания?

В начальной версии концепции В. М. Алпатова было предложено разграничивать два принципиально отличных друг от друга подхода к описанию языковых феноменов, или, более узко, к выделению единиц языка: словоцентричный и несловоцентричный подходы [8]. На первый взгляд, дальнейшее развитие этой теории должно было привести к уточнению того, что считать несловоцентричным подходом. Однако В. М. Алпатовым было предложено иное. Он существенно видоизменяет само основание для подобного разграничения: предпочитая говорить сначала об *интуитивном* и *исследовательском,* а в дальнейшем, учитывая точку зрения Е. В. Рахилиной [9], уже об *антропоцентричном* и *системоцентричном* подходах [10]. Основанием для такой замены послужило предположение о том, что, согласно интуиции носителей, основной осознаваемой единицей языка является слово, тогда как выделение каких-либо других единиц интуитивно не очевидно и может отражать только интуицию лингвистов, ориентированных на системность описания. Именно в таком виде концепция В. М. Алпатова получила широкое распространение и многими была взята за основу, но при этом оказалось элиминированным исходное разграничение между словоцентричным и несловоцентричным подходами.

Ориентация на слово как исходную единицу описания не может быть отождествлена с ориентацией лингвистического описания на экспликацию интуиции говорящего. Разграничение между антропоцентризмом и системоцентризмом вовсе не снимает изначального разграничения между различными подходами к выделению исходных единиц: они противопоставлены по различным основаниям. В. М. Алпатов в основном оставил прежней саму концепцию, но поменял названия: *словоцентризм* был заменен на *антропоцентризм* как отражающий интуицию носителя языка, а *не-словоцентризм* — на *системоцентризм*. Это, безусловно, повлияло на строгость предлагаемого разграничения, что оговаривалось самим автором [11]. Так, словоцентричная лингвистика может быть не только антропоцентричной, но и системоцентричной (вспомним основанные на словоцентризме категориальные грамматики, особенно в ее аппликативной версии С. К. Шаумяна), а антропоцентризм может быть понят совсем по-иному применительно к носителям инкорпорирующих языков или каких-либо других, где выделение слов не может считаться интуитивно очевидным [12]. Более того, такой подход, хотя и не сводится к противопоставлению грамматики слушающего и грамматики говорящего (или грамматикам синтеза и грамматикам анализа), но достаточно близок к ним. Тем временем и те, и другие также могут быть как антропоцентричными, так и системоцентричными.

---

[8] См.: Алпатов В.М. О двух подходах к выделению единиц языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 66–74.

[9] См.: Рахилина Е. В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность / отв. ред. Р. М. Фрумкина. М. : Наука, 1989. С. 46–51.

[10] См.: Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку.

[11] Ср: «Антропоцентричный и системоцентричный подходы всегда влияли друг на друга, и не всегда их легко отграничить. С одной стороны, как мы уже отмечали, и при антропоцентричном подходе оказываются нужными исследовательские процедуры для периферийных неясных случаев. С другой стороны, весьма значительно не всегда осознаваемое влияние антропоцентричного подхода на системоцентричный». (Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. С. 18) ; «При этом, безусловно, оба подхода не могут не учитывать совсем языковую интуицию, только делается это в различной степени и по-разному» (Там же. С. 25).

[12] На это обстоятельство указано и в первой статье: «Словоцентрический подход основан на интуитивной очевидности понятия слова, которое носители европейских флективных языков (возможно, и некоторых других) воспринимают как непосредственную данность (что не исключает существования отдельных спорных случаев). Но для языков иного строя исходить из такой очевидности невозможно. Применение словоцентрического подхода в его привычном для нас европейском варианте к каждому языку, хорошо известное по так называемым миссионерским грамматикам, а иногда существующее и поныне, показало свою неадекватность для многих языков» (Алпатов В. М. О двух подходах к выделению единиц языка. С. 69).

Не оспаривая возможность разграничения антропоцентричного и системоцентричного подходов, мы считаем целесообразным вновь вернуться к рассмотрению изначальной концепции В. М. Алпатова, согласно которой разграничению подлежал и словоцентричный, и несловоцентричный подходы, предметом их рассмотрения было слово, хотя при несловоцентричном подходе слово рассматривалось как межуровневое образование: «Первый из них... базируется на том, что главной и исходной единицей такого описания является слово; другой подход рассматривает слово в ряду других языковых единиц, предпочитает последовательно анализировать ярусы языковой системы... нередко вместо единого слова рассматривает несколько единиц с разными свойствами» [13].

Подобное разграничение оказалось несколько скрыто измененной терминологией и не получило адекватного развития. Между тем оно может стать принципом построения достаточно перспективных моделей, в том числе и отличных от тех, которые были предложены. Предпримем эту (пусть несколько запоздалую) попытку раскрыть потенциал «несловоцентричной» лингвистики.

«Несловоцентризм» как межуровневое отношение?

В первую очередь, следует уточнить, как можно интерпретировать второй член оппозиции — *несловоцентричность.* Она может пониматься и как выделение единиц иного, нежели лексический, уровня как исходного, и как некоторое межуровневое образование. Если исходить из статьи В. М. Алпатова «О двух подходах к выделению единиц языка», то в ней можно увидеть отсылку к двум различным пониманиям «несловоцентризма»: в одном случае это рассмотрение слова как производного понятия (исходной единицей оказывается морфема); в другом случае — рассмотрение слова как межуровневого отношения. Первое понимание можно связать с исследованиями Л. Блумфильда, второе — И. А. Бодуэна де Куртенэ [14]. Первое применение понятия «несловоцентричный подход» В.М. Алпатов связывает со статьей Бодуэном де Куртенэ «Язык и языки», цитируя следующее положение: «*На то щука в море, чтоб карась не дремал.* Производится два независимых друг от друга членения этого предложения: интонационно-фонетическое (вплоть до фонем как предельных единиц анализа) и морфологическое. В последнем случае выделяются сначала два простых предложения («на то щука в море» и «чтобы карась не дремал»), затем они членятся на простые синтаксические единицы — семасиологически-морфологические слова (на то, щука, в море, чтоб ... не дремал, карась), наконец, производится членение на морфемы (на-, -т-, -о, щук-, -а, в-, -мор-, -е и т. д.)» [15].

И. А. Бодуэн де Куртенэ в изложении В. М. Алпатова в самом деле предстает как предтеча блумфильдовского метода анализа по непосредственным составляющим. Между тем у самого Бодуэна де Куртенэ все несколько сложнее. Чтобы лучше понять его мысль, дополним вышеприведенную цитату, обратившись к первоисточнику: «Каждая из этих сложных синтаксических единиц распадается на простые синтаксические единицы, т. е. на отдельные уже не фонетические, но семасиологически-морфологические слова, выделяемые из случайной связи благодаря тому, что они попадаются в других сочетаниях. Таковы слова: на то, щука, в море, чтоб... не дремал, карась. С помощью такой же ассоциации по сходству разлагаем слова на их морфологические части или морфемы» [16].

Бодуэн де Куртенэ вводит несколько характеристик слова, и разложимость на морфемы — лишь одна из них, причем далеко не определяющая. До этого он пишет о *простых синтаксических единицах,* а также о *семасиологически-морфологических словах.* Слово у него выделено по разным основаниям, поскольку оно есть единица, относящаяся к различным уровням языка. Хотя сам Бодуэн де Куртенэ этого термина не употребляет, для него *грамматика* — организация языка

---

[13] Алпатов В.М. О двух подходах к выделению единиц языка. С. 15.

[14] Заметим, что в данном случае подходы этих двух лингвистов рассматривались как нечто единое. Ср.: «Спустя два десятилетия несловоцентрический подход сформулирован Л. Блумфилд, выделявший прежде всего единицы, названные им формами (морфема считалась минимальной формой). Затем последовательно выделялись слово, словосочетание и предложение» (Алпатов В.М. О двух подходах к выделению единиц языка. С. 67).

[15] Цит. по: Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. С. 67.

[16] Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // Энциклопедический словарь. СПб. : Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1904. Т. 81. С. 534.

в целом, или система отношений, в которую включено *слово.* В этом легко убедиться, если обратиться к написанной им статье «Языкознание», опубликованной в том же томе энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Кроме фонетики, под понятие грамматики подходят: 2) *семасиология* (*семантика*), т. е. наука о значении или об ассоциациях внеязыковых представлений (идей) с представлениями строго языковыми. 3) *Морфология*, или наука о строе языка в самом обширном смысле этого слова, распадающаяся на: а) *морфологию* в тесном смысле, т. е. науку о построении отдельных слов и словоподобных единиц языка, и б) *синтаксис*, т. е. науку о построении предложений и их сочетаний, равно как о связи слов в предложении и об их взаимной зависимости. 4) *Лексикология*, или наука о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема. 5) *Этимология*, или наука о родстве и происхождении слов и их частей» [17].

Крайне интересно разграничение лексикологии и семасиологии, а также включение этих дисциплин в состав *грамматики,* что предвосхищает представление о языке, сформировавшееся только к концу прошлого века и имеющее нерелевантное разграничение между грамматикой и лексиконом. Бодуэн де Куртенэ конкретизирует это разграничение, и на каждом из уровней языка основным объектом оказывается слово, но рассматриваемое применительно к соответствующему уровню описания: «В морфологии, в самом обширном смысле этого слова, мы имеем дело с описанием строя предложений, слов и их частей, с определением порядка, в каком эти части следуют друг за другом, равно как и с определением их взаимной зависимости. В синтаксисе самыми простыми, далее неделимыми единицами являются слова и постоянные выражения, равносильные словам; в морфологии же в тесном смысле или в науке о строе слов самым простым элементом является *морфема*, т. е. комплекс звуковых представлений, объединяемый в одно целое ассоциацией с известной группой представлений из области или строя слов (представления морфологические), или их значения (представления лексические и семасиологические)...» [18].

В нашем представлении подход Бодуэна де Куртенэ не совсем «несловоцентричный»: все указанные разделы ориентированы на слово как на основной объект исследования. Другое дело, что слово понимается не как готовая словарная, а как некая *семасиологически-морфологическая* единица, или, в соответствии с принятой современной терминологией, — как межуровневое отношение или даже интерфейс. Так, очень близко к бодуэновскому пониманию оказывается предложенное Р. Джакендорфом понятие «параллельная архитектура». Синтактикоцентризму генеративных грамматик хомскианского типа и семантикоцентризму когнитивных грамматик он противопоставляет автономный подход — представление о языке как о независимых уровнях (модулях, ярусах), которые организуются в систему посредством межуровневых интерфейсов. Соответственно, слово описывается как правило частичных соответствий между структурами различных уровней: *“Thus, a word is best regarded as a type of interface rule that establishes a partial correspondence among pieces of phonological, syntactic and semantic structure, such that each piece conforms to the formation rules of its own component. Rather, lexical items are among the rules of grammar — very particular rules to be sure, but rules nonetheless”* [19].

«Несловоцентричными» могут быть различные трактовки. В одном случае приоритетным для организации языка как целостной структуры будет признаваться тот или иной уровень и, соответственно, единица данного уровня. Отсюда возможность таких несловоцентричных подходов, как морфемоцентричный (например, у Блумфильда) или ориентированный на предложение в качестве основной единицы языка (синтактикоцентричный подход хомскианской лингвистики). При другом понимании центральным элементом организации языка будут считаться межуровневые связи, отношения и механизмы межуровнего взаимодействия (интерфейсы). Более того, в таком виде несловоцентричность может пониматься как отсутствие центра: параллельная архитектура языка не предполагает единого связующего их центра. При этом оба подхода — словоцентричный и несловоцентричный — могут быть как антропоцентричными, так и системоцентричными. Бодуэн де Куртенэ описывает организацию языка скорее как параллельную архитектуру независимых

[17] Бодуэн де Куртенэ И. А. Языкознание // Там же. С. 519.

[18] Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // Там же. С. 519.

[19] Jackendorf R. S. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Cambridge : MIT Press, 2007. P. 55.

уровней, но слово тем не менее остается ключевой единицей: предстает как объект шести лингвистических дисциплин и в то же время выступает как интерфейс между соответствующими уровнями. В связи с этим наименее точным оказывается понятие антропоцентризма. Во всяком случае, если Бодуэна де Куртенэ, как предлагает В. М. Алпатов, можно считать основоположником несловоцентричного (или межуровневого взаимодействие) и соответственно системоцентричного подхода, то замена *словоцентризма* на *антропоцентризм* оказывается далеко не очевидной. Так, например, непонятно, почему Бодуэн де Куртенэ менее «антропоцентричен», чем, скажем, А. М. Пешковский (возможно, он более «системен», но это уже совсем другая характеристика)? Особенно явно непоследовательность подобного подхода будет видна, если мы попытаемся распространить словоцентризм (и, стало быть, антропоцентризм) на такие явления, как слово в системе (языке) и слово в речи (тексте). Словоцентризм может выступать в двух ипостасях — антропоцентричной и системоцентричной, что постараемся продемонстрировать ниже.

Словоцентризм и текстоцентризм

Удовлетворительное решение, на наш взгляд, лежит в иной плоскости. Несловоцентризм может проявляться не как «принижение» статуса слова, а как его изучение в ином ракурсе. Так, Бодуэн де Куртенэ рассматривает слово не как самодостаточную единицу, а как некоторую совокупность внутрисистемных парадигматических отношений внутри языка. Но подобный подход к слову можно распространить и на текст: слово будет рассматриваться опять-таки как совокупность (система) контекстуальных и интертекстуальных отношений, но определяемых уже не системой языка, а текстом. В этом смысле подобный подход можно назвать «текстоцентризмом»: слова предстают не как составляющие текст, а как формируемые текстом [20]. Если в первоначальной версии В. М. Алпатова несловоцентризм был устремлен «вниз», к морфемам, то в этом случае он ориентируется «вверх», к высказываниям и текстам, и оказывается скорее антропоцентричным, нежели системоцентричным. Понимание несловоцентричности может быть переосмыслено как синоним понятия «системное», если иметь в виду разграничение между описаниями слова в системе и слова в тексте. В отношении разграничения следует учитывать две связанные, но различающиеся способности говорящего: с одной стороны, способности распознавать слово как единицу языка, а с другой — вычислить то значение, которое оно приобретает в определенном контексте. Такое понимание можно считать проявлением принципа Э. Бенвениста: «Семиотическое (знак) должно быть узнано, семантическое (речь) должно быть понято» [21].

Стоит подробнее ознакомиться с широко известной, но все еще далекой от реализации исследовательской программы Э. Бенвениста, так как именно с ней связывают ориентацию на «человека в языке и язык в человеке» в качестве объекта лингвистического описания [22]. Еще в 1969 году в статье «Семиология языка» Э. Бенвенист наметил основы новой лингвистики и семиотики назвав ее «семиологией второго поколения»), которые альтернативны по отношению к основанной на понятии знака структурной лингвистике и семиотике Ч. Пирса и Ф. де Соссюра. Это — разграничение лингвистики знака и лингвистики речи, из которого следуют важные положения,

---

[20] Термин впервые был употреблен применительно к семиотике как характеристика московско-тартуской семиотической школы (см.: Лотман М. Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 214–222 ; Иванов Вяч. Вс. Границы семиотики: вопросы к предварительному обсуждению // Современная семиотика и гуманитарные науки. М. : Языки славянской культуры, 2010. С. 31–52. Принципы этого подхода изложены в ряде трудов: Золян С. Т. Текстоцентричная семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2013. Вып. 2 (25). С. 11–18 ; Золян С. Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // Метод. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. М., 2015. Вып. 5 : Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении. С. 250–265 ; Золян С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) // Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты : VII материалы Междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / Институт русского языка имени В. В. Виноградова. М., 2016. С. 69–85 ; Вдовиченко А. В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 164–175 ; Плунгян В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 1. С. 7–12.

[21] Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 88.

[22] См.: Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований.

до сих пор так же недостаточно осознанные. В первую очередь, к ним относится невозможность описания текста на основе теории, в которой исходным было бы понятие знака («знака как минимальной единицы»), поскольку в таком случае никакие правила комбинации знаков не позволят сконструировать высказывание (текст, дискурс): «В действительности мир знаков замкнут. От знака к высказыванию нет перехода ни путем образования синтагм, ни каким-либо другим. Их разделяет непереходимая грань. Поэтому следует признать, что в языке есть две разные области, каждая из которых для своего изучения требует отдельного аппарата понятий. Для области, названной нами семиотической, основу исследования составит соссюровская теория языкового знака. Семантическую же область следует рассматривать отдельно. Для ее исследования необходим новый аппарат понятий и определений» [23].

Согласно Э. Бенвенисту, вовсе не требуется отказ от «идеи языкового знака», которую он считал «самой важной особенностью языка», но необходимы, наряду с имеющимися, и альтернативные лингвистика и семиотика текста («целого речевого произведения»): «...нужно преодолеть соссюровское понимание знака как единственного принципа, от которого будто бы зависит и структура языка и его функционирование. Это преодоление должно идти в двух направлениях: во внутриязыковом (интралингвистическом) анализе — в направлении нового измерения означивания, означивания в плане речевого сообщения, названного нами семантическим и отличного от плана, связанного со знаком, то есть семиотического; в надъязыковом (транслингвистическом) анализе текстов и художественных произведений — в направлении разработки метасемантики, которая будет надстраиваться над семантикой высказывания.Это будет семиология «второго поколения», и ее понятия и методы смогут содействовать развитию других ветвей общей семиологии» [24].

Э. Бенвенист предельно ясно сформулировал задачу: для адекватного описания «речевых произведений» требуется «семиология языка второго поколения», которая станет основой как для новой теории языка (Бенвенист называет ее «лингвистикой речи», «транслингвистикой», «метасемантикой»), так и для «других ветвей общей семиологии». При таком подходе словоцентризм и несловоцентризм будут отличаться не по степени концентрации описания на слове или на какой-либо другой единице, а на различной аксиоматике лингвистической (или семиотической) теории: сфокусирована ли она на языковой способности говорящего узнавать слово (словоцентричная лингвистическая теория) или на его умении понимать слово в зависимости от контекста (текстоцентричная теория). Знать и уметь — две грани языковой способности, отражающие интуицию говорящего, и в этом смысле оба соответствующих им подхода также становятся антропоцентричными. Следовательно, нуждается в уточнении предположение В. М. Алпатова, что «антропоцентризм и системоцентризм различаются прежде всего разным отношением к двум точкам зрения на язык: точке зрения носителя языка и точке зрения исследователя» [25]. Представляется не совсем удачным отрицать за говорящим интуитивное знание о системе языка. Знать и уметь — именно две грани языковой способности, и поэтому будет точнее говорить об ориентации на функционально различные системы — систему языка и систему речи [26].

Знать и уметь — основа семантического оперирования

Ранее нами была предложены принципы возможного описания языка, исходящие из того, что слово не может обладать фиксированным и не зависящим от контекста смыслом и, соответственно, говорящий не в состоянии знать смыслы употребляемых им слов, если их нет в языке [27].

---

[23] Бенвенист Э. Общая лингвистика. С. 89. Заметим, что, полемизируя с соссюрианской традицией, Бенвенист мог бы сослаться на авторитет Ф. де Соссюра, для которого переход от знака к синтагме был весьма проблематичен. Однозначно относя предложение к сфере речи, Ф. де Соссюр колеблется при определении статуса допредложенческих синтагм (См.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с. С. 124.)

[24] Бенвенист Э. Общая лингвистика. С. 89.

[25] Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. С. 17.

[26] См.: Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.

[27] См.: Золян С. Т. Текстоцентричная семантика и теория перевода ; Золян С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике).

Так, мы попытались развить парадоксальный тезис Л. Витгенштейна: «Человек обладает способностью строить речь, при помощи которой дает себя проявить любой смысл без того, чтобы иметь представление о том, как и что означает каждое слово» [28]. В самом деле, именно зависимость слова от контекста позволяет наделять языковые выражения новыми смыслами. Как было отмечено Л. Ельмслевом, «...“значение”, которое несет каждая из минимальных сущностей, должно пониматься как чисто контекстуальное. Ни одна из минимальных сущностей, включая корни, не обладает таким «независимым» существованием, чтобы ей можно было приписать лексическое значение. ...Не существует иных доступных восприятий значений, чем значения контекстуальные; любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте... Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте» [29].

Если понимать смысл как функцию от текста и контекста, то знать смысл слова — это знать, какой смысл может выражать слово в том или ином контексте. Однако поскольку знание всех контекстов доступно лишь вечному и всеведущему существу, то полное знание контекстов и, соответственно, всех возможных смыслов оказывается для говорящего недостижимым. Вместе с тем есть разница между отсутствием «*представления о том, как и что означает каждое слово*» в родном языке и «не-знанием» на неизвестном говорящему языке. Естественно, что на незнакомом языке он не будет в состоянии выразить какой-либо смысл, даже если механически запомнит словник данного языка, поэтому для говорящего знать смысл слова — это уметь вычислить его смысл как функции в некотором множестве контекстов (от нормативного до новаторского). Тем самым на весь лексикон переносятся принципы описания индексальной (дейктической) семантики. Так, знание смысла местоимения «я» — умение определить относительно любого контекста, кто в данном контексте является референтом «Я». Но для этого надо знать, чем задаваемое местоимением «я» отношение (функция) отличается от отношения, задаваемого местоимением «ты» или существительным «говорящий», а это уже не контекстно зависимое, а внутрисистемное отношение.

Предлагаемый подход, разграничивающий и вместе с тем синтезирующий две языковые способности — знание и умение, позволяет решить эту дилемму. Бесспорно, следует исходить из того, что слово не имеет фиксированного значения, что «необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в нем слово обладает подлинным значением... <…> Слова обозначают нечто только в контексте предложения» [30]. Но очевидно и то, что не все возможные значения равноправны: некоторые «*равнее* других», то есть требуют минимального контекста, а другие оказываются возможными только в весьма специфичных контекстах. Уместно напомнить о вероятностной модели языка В.В. Налимова: семантика лексической единицы есть некоторая вероятностная Байесова модель, множество возможных значений, которым приписаны различные вероятности — от близких к единице до близких к нулю [31]. Чем выше вероятностная значимость лексического значения, тем меньше степень его контекстной зависимости. Конечно, нет необходимости предполагать, что говорящему интуитивно известнен вероятностный вес того или иного значения. Однако вполне естественно предположить знание за говорящим основного значения слова, правил изменения смыслов в зависимости от внутритекстового или экстралингвистического контекста. На основе этого системного знания возможно умение понимать/определять тот смысл, который имеет данное слово в том или ином контексте. Нетрудно увидеть, что различие между семантическими теориями (лексикологические, семантико-синтаксические и контекстуально зависимые) во многом проистекает из того, на описание какой семантической компетенции они ориентированы. Безусловно, все три фактора допускают множественность решений, поэтому в некоторых случаях достижение однозначного решения оказывается принципиально невозможным (поэтическая семантика, «двоемыслие», *doublespeak*, магические тексты и пр.). Однако это особые виды

[28] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Избранные работы / пер. с нем. В. Руднева. М. : Территория будущего, 2005. 440 с. С. 97.

[29] Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1960. Вып. 1. С. 303–304.

[30] Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск : Сиб. университет. изд-во, 2008. С. 196, 198.

[31] См.: Налимов В. П. Вероятностная модель языка. М. : Наука, 1974. 272 с.

дискурсивных практик, относящиеся к специфическим типам языковых игр. Более общим явлением могут быть случаи, когда между знанием и умением возникают определенные лакуны, что может стать причиной неадекватной или неполной семантизации. Именно эти случаи свидетельствуют о необходимости учета обеих способностей и их относительной независимости. Различие между ними становится очевидным, когда знание слова не влечет понимания, и, наоборот, понимание не основывается на знании.

Для наглядности приведем известные примеры, когда слово может быть известным, но его смысл непонятен:

«— Отшедшим же им, се ангел Господень... во сне явися Иосифу, глаголя: “востав поими отроча и матерь его...”

— Отроча и матерь его, — повторила Ольга и вся раскраснелась от волнения.

— И бежи во Египет... и буди тамо, дондеже реку ти...

При слове «дондеже» Ольга не удержалась и заплакала. На нее глядя, всхлипнула Марья, потом сестра Ивана Макарыча…» (А. П. Чехов. Мужики)

Слово «дондеже» встречается в знакомом тексте и потому может считаться известным Ольге, но его семантика неизвестна, почему и воспринимается сугубо эмоционально. Возможно также и незнание сферы контекстуального приложения данного слова. Так, А. Аверченко изменяет сферу контекстуализации фразы-зачина из статьи И. Анненского в журнале «Аполлон»: фраза-зачин, рассчитанная на читателя-эстета, хорошо знакомого с традицией эллинизма и ориентированная на семантизацию применительно к этой традиции, оказывается перенесена в бытовую плоскость и радикально меняет смысл [32].

Возможны случаи различного знания и вытекающего из этого псевдопонимания: говорящие ориентируются на различные семантические системы, каждой из которых их понимание оказывается адеватным, но эти варианты понимания оказываются не совместимы друг с другом [33]. Бывает и обратное: само слово неизвестно, но применительно к контексту может быть понято. Хрестоматийная «глокая куздра» приводится как пример семантизации на основе категориальных значений. Однако его же можно рассматривать как пример понимания (пусть и неполного) незнакомых слов в неопределенном контексте. Приведем пародийный текст, понимание которого не предполагает ни знания, ни понимания большинства из используемых слов:

«— У фейков не та волатильность. Их юзать — одна хренотень.

— А если апгрейдить?

— Флейм получится. Или фрик. Говорю же вам — хренотень одна.

“Хренотень... — повторил про себя Фил. — Забавное словцо. Иностранное, наверно. Надо запомнить. Потом вверну при случае”. И он пошел в свою рум заниматься трансакционным бэнкингом, а также франчайзингом, краудфандингом, троллингом, тюнингом и, прости господи, дрифтингом» (Сахаров Г. Девелопер, или Трансакционный бэнкинг).

Данный текст предполагает двоякий языковой код (точное значение слов можно найти в английском). Вместе с тем знание значений этих слов не обязательно — различие между семантикой слов «франчайзинг» и «краудфандинг» не существенна, достаточно лишь понять тот приблизительный смысл, который они имеют в тексте (как, например, герой данного рассказа понял «незнакомое» ему русское слово «хренотень»). Понимание значения отсутствующего в русском

---

[32] Ср.: «Первая статья, которую я начал читать, — Иннокентия Анненского — называлась “О современном лиризме”. Первая фраза была такая: “Жасминовые тирсы наших первых мэнад примахались быстро...” Мне отчасти до боли сделалось жаль наш бестолковый русский народ, а отчасти было досадно: ничего нельзя поручить русскому человеку... Дали ему в руки жасминовый тирс, а он обрадовался, и ну — махать им, пока примахал этот инструмент окончательно... Когда околоточный надзиратель, сидя в конторе театра, писал протокол, он поднял на меня глаза и спросил: — Что побудило вас вмешаться в действие пьесы?.. Я попытался оправдаться: — Тирсы уж очень примахались, господин околоточный... — Знаем мы вас, — скептически сказал околоточный. — Напьются, а потом — тирсы!..» (А. Аверченко. Аполлон).

[33] Ср.: «Пример столкновения двух идейно-стилистических систем («дворянской» и «крестьянской»), наполняющих одно и то же слово различным содержанием, находим у Пушкина в черновых примечаниях к «Евгению Онегину»: «Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж. — По страсти, родимый, отвечала она. — Приказчик и староста обещали меня до полусмерти прибить» (Ю. Лотман. За текстом… С. 48).

слова «рум» восстанавливается из контекста («он пошел в свою рум заниматься трансакционным бэнкингом») и не требует знания английского “room” — место, где персонаж работает. Разумеется, в данном случае можно говорить только о приблизительном значении (так, неясно, следует ли под словом «рум» понимать служебный кабинет или общую рабочую комнату). Как видим, текстоцентричный подход позволяет описать различные типы семантизации, в том числе и отклоняющиеся, в зависимости от различной степени семантической и контекстуальной определенности/неопределенности.

Приведенные (достаточно тривиальные примеры) показывают, что предложенное Э. Бенвенистом разграничение между узнаванием и пониманием языкового знака отражает различные языковые способности, которые могут быть представлены как взаимосвязанные в текстоцентричной теории. Текстоцентричный подход не отрицает значимости слова, которое воспринимается не как «саморазвитое», а как определяемое системой языка и формируемое в тексте. При таком описании текст выступает как целокупность, включающая многомерную гетерогенную смысловую структуру, множество языков порождения, интерпретации и контекстно обусловленные коммуникативные характеристики. Единицы языка определяются относительно их функции в организации текста и его возможных приложений и интерпретаций. Это, разумеется, не отменяет тех внутрисистемных характеристик, которыми эти единицы наделены в системе языка. Однако приобретаемые в тексте характеристики доминируют: они обычно надстраиваются над внутрисистемными, но могут и отменять их (см. случаи изменения лексического или категориального значения слова). Текст выступает и как структура, и как операция (действие), а языковая деятельность — как многомерная актуализация и тем самым текстуализация языковых структур в процессе коммуникации. При этом возможны как антропоцентричные версии текстоцентричной теории (дискурс, когнитивистика), так и системоцентричные (лингвистика текста, формальная семантика) [34]. Считающиеся проявлениями антропоцентризма, корпусная, а также когнитивная лингвистика — пример точной многомерной композиции словоцентризма и текстоцентризма.

Возвращаясь к очерченной вначале проблематике, отметим, что возможен достаточно широкий диапазон теорий, основанных на той или иной комбинации внутри- и межуровневых подходов, каждый из которых может быть как антропоцентричным, так и системоцентричным. Есть ли необходимость в культивации подобного многообразия, которое, конечно же, затрудняет взаимопонимание и увеличивает степень метаязыковой «вавилонизации»? Вспомним, что с самого начала описание языка осуществлялось посредством разграниченных между собой дисциплин — риторики и грамматики, в которых нетрудно увидеть изначальное проявление слово- и тексто-, а также антропо- и системоцентризмов. Причина, как справедливо отмечал В.А. Алпатов, заключена в несоизмеримости результатов, получаемых при том или ином подходе, что возвращает нас к уже давно известной, но все еще недостаточно осознанной проблеме дополнительности: «Итак, к описанию языковой системы можно идти от интуиции носителя языка, проверяя ее в случае необходимости текстами, и от текстов, проверяя их данные интуицией. Результаты, как мы постарались показать, очень часто оказываются разными настолько, что трудно говорить об их соизмеримости. При этом каждый подход имеет свои плюсы и минусы» [35].

Как отмечал еще полвека назад А. М. Пятигорский (применительно к тексту), «нельзя рассматривать сигнал со стороны субъекта и объекта одновременно» [36], поэтому словоцентризм и несловоцентризм неизбежно будут возникать в их различных проявлениях. Во избежание излишнего умножения сущностей, антропоцентризм можно понимать как некоторый идеологический стержень, обязательный для претендующего на полноту лингвистического описания, тогда как применительно к методологии точнее было бы говорить об определенной ориентации на то, что считать исходным пунктом анализа (морфему, слово, предложение, текст или же межуровневые отношения).

---

[34] См.: Плунгян В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста.

[35] Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. С. 25.

[36] Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 144–154.

Список использованной литературы

1. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку [Текст] // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 15–26.
2. Алпатов, В. М. О двух подходах к выделению единиц языка [Текст] // Вопросы языкознания. — 1982. — № 6. — С. 66–74.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст]. — М. : Прогресс, 1974. — 448 с.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Язык и языки [Текст] // Энциклопедический словарь. — СПб. : Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1904. — Т. 81. — С. 528–549.
5. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Языкознание [Текст] // Энциклопедический словарь. — СПб. : Изд-во Брокгауза и Эфрона, 1904.— Т. 81. — С. 517–527.
6. Бугорская, Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания [Текст] // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 18–25.
7. Вдовиченко, А. В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» [Текст] // Вопросы философии. — 2016. — № 6. — С. 164–175.
8. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] // Избранные работы / пер. с нем. В. Руднева. — М. : Территория будущего, 2005. — 440 с.
9. Золян, С. Т. Текстоцентричная семантика и теория перевода [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. — 2013. — Вып. 2 (25). — С. 11–18.
10. Золян, С. Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста [Текст] // Метод. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. — М., 2015. — Вып. 5 : Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении. — С. 250–265.
11. Золян, С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) [Текст] // Первые Григорьевские чтения «Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты» : VII материалы Междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / Институт русского языка имени В. В. Виноградова. — М., 2016. — С. 69–85.
12. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка [Текст] // Новое в лингвистике. — М. : Прогресс, 1960. — Вып. 1. — С. 264–389.
13. Иванов, В. В. «Границы семиотики»: вопросы к предварительному обсуждению [Текст] // Современная семиотика и гуманитарные науки. — М. : Языки славянской культуры, 2010. — С. 31–52.
14. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус [Текст] // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. — М., 1994. — Т. 53, № 2. — С. 3–15.
15. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. [Текст] // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / Ин-т языкознания РАН ; под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995. — С. 144–237.
16. Налимов, В. П. Вероятностная модель языка [Текст]. — М. : Наука, 1974. — 272 с.
17. Николаева, Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) [Текст] // Вопросы языкознания. — 2015. — № 4. — С. 7–20.
18. Лотман, М. Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики [Текст] // Лотмановский сборник. — М., 1995. — Вып. 1. — С. 214–222.
19. Лотман, Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры [Текст] // Вопросы языкознания. — 1963. — № 3. — С. 44–52.
20. Плунгян, В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста [Текст] // Слово.ру: балтийский акцент. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 7—12.
21. Пятигорский, А. М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала [Текст] // Структурно-типологические исследования. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — С. 144–154.
22. Рахилина, Е. В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой [Текст] // Язык и когнитивная деятельность / отв. ред. Р. М. Фрумкина. — М. : Наука, 1989. —С. 46–51.
23. Романова, Т. В. Антропоцентрическая парадигма в истории языкознания: «язык индивида» (Г. Пауль), «язык как психический феномен» (В. Гумбольдт) [Текст] // Когнитивные исследования языка. — Вып. 21 : Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации / Ин-т языкознания РАН. — М. ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. — С. 116–121.
24. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст]. — М. : Прогресс, 1977. — 695 с.
25. Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований [Текст] // Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — С. 5–16.
26. Фреге, Г. Логико-философские труды [Текст]. — Новосибирск : Сиб. университет. изд-во, 2008. — 288 с.
27. Jackendorf, R. S. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure [Text]. — Cambridge : MIT Press, 2007. — 432 p.

References

1. Alpatov V. M. On the Anthropocentric and System-Centric approaches to Language. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 1993. No. 3. Pp. 15–26.
2. Alpatov V. M. On Two Approaches to Singling out Language Units. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 1982. No. 6. Pp. 66–74.
3. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow : Progress, 1974. 448 p.
4. Baudouin-de-Kourtenay I. A. Language and Languages. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg : Brokgaus & Efron Publishing House. Vol. 81. Pp. 528–549.
5. Baudouin-de-Kourtenay I. A. *Language and Languages* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg : Brokgaus & Efron Publishing House. Vol. 81. Pp. 517–527.
6. Bugorskaya N. V. Anthropocentrism as a Category of Modern Linguisitcs. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics]. 2004. No. 2. Pp. 18–25.
7. Vdovichenko A. V. On the Non-Self-Identity of a Language Sign. The Causes of Consequences of "Deifying" a Linguistic Nomination. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2016. No. 6. Pp. 164–175.
8. Zolyan S. T. Text-Centric Semantics and the Theory of Translation. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2013. Iss. 2 (25). Pp. 11–18.
9. Zolyan S. T. Between the World and the Language: Towards the Foundations of Text Semiotics. *Metod. Moskovsky yezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin* [Moscow Annual Methodological Selection of Papers on Social Studies]. Iss. 5. Metody izucheniya vzaimozavisimostei v obshshchestvovedenii [Methods of Examining Interdependences in Social Studies. Pp. 250–265.
10. Zolyan S. T. Linguistic Poetics and the General Theory of the Language (on Context-Bound Semantics and Text-Centered Linguistics). *Pervye Grigorievskiye chteniya: yazykovoye tvorchestvo vs. kreativnost': esteticheskiy, evristicheskiy i pragmatichesriy aspecty* [First Readings from V. Yu. Grigoryev: Word Coinage vs. Creativity: the Aesthetic, Heuristic, and Pragmatic Aspects : papers of the 7th International Conference. March 12–14, 2015. Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov. Moscow, 2016. Pp. 69–85.
11. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language. *Novoye v lingvistike* [Innovations in Linguistics]. Moscow: Progress, 1960. Iss. 1. Pp. 264–389.
12. Ivanov V. V. "Borderlines of Semiotics": Issues for a Preliminary Discussion. *Sovremennaya semiotika i gumanitarnye nauki* [Modern Semiotics and the Humanities]. Moscow : Yazyki slavyanskoi kultury, 2010. Pp. 31–52.
13. Kubryakova E. S. The Paradigms of Scientific Knowledge in Linguistics and the Contemporary Status of Linguistics. *Izvestiya Academii nauk SSSR. Ser.literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Science of the USSR. Literature and Language Series]. Moscow, 1994. Vol. 53, No. 2. Pp. 3–15.
14. Kubryakova E. S. Evolution of Linguistic Ideas in the 2nd Half of the 20th century. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science in the Second Half of the 20th century] : a collection of papers. Institut yazykoznaniya RAN [Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences] ; ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow, 1995. Pp. 144–237.
15. Nalimov V. P. *Veroyatnostnaya model' yazyka* [Probability-Focused Model of Language]. Moscow : Nauka, 1974. 272 p.
16. Nikolaeva T. M. On "Linguistics of Speech" (and, specifically, on interjections). *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 2015. No. 4. Pp. 7–20.
17. Lotman M. Yu. Beyond the Text: Notes on the Philosophic Background of Tartu Semiotics. *Lotmanovsky sbornik* [A Collection of papers dedicated to the memory of Yu. M. Lotman]. Moscow, 1995. Iss. 1. Pp. 214–222.
18. Lotman Yu. M. On Delineating the Linguistic and Literary Concepts of Structure. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 1963. No. 3. Pp. 44–52.
19. Plungian V. A. Linguistics in the 21st Century: Problems, Prospects, Growth Areas. *Slovo.ru. baltiysky aktsent* [Word.ru: the Baltic Accent]. 2018. Vol. 9, no. 1. Pp. 7–12.
20. Pyatigorsky A. M. Some General Remarks on Treating a Text as a Kind of Signal. *Strukturno-tipologicheskiye issledovaniya* [Structural-Typological Studies]. Moscow : Academy of Sciences of the URSR, 1962. Pp. 144–154.
21. Rakhilina E. V. On Vezhbitskaya's Conceptual Analysis in Lexicography. *Yazyk i cognitivnaya deyatelnost'* [Language and Cognitive Activity]. Ed. R. M. Frumkina. Moscow : Nauka, 1989. Pp. 46–51.
22. Romanova T. V. The Anthropometric Paradigm in the History of Linguistics: "Language of the Individual" (G. Paul), "Language as a Psychic Phenomenon" (W. Humboldt). *Kognitivnye issledovaniya yazyka*

[Cognitive Language Studies]. Iss. 21: Problemy sovremennoi lingvistiki: na styke kognitsii i kommunikatsii [Modern Linguistic Issues: the Joint of Cognition and Communication]. Institue of Linguistics, Russian Academy of Sciences ; Tambov State University named for G. R. Derzhavin. Moscow ; Tambov, 2015. Pp. 116–121.

23. Stepanov Yu. S. Emile Benveniste and Linguistics on Its Way to Reformation. *Obshchaya Lingvistika* [General Linguistics]. Moscow : Progress, 1974. Pp. 5–16.

24. Frege G. *Logiko-filosofskiye trudy* [Studies in Logic and Philosophy]. Novosibirsk : Sibirsky Universitet Publishing House, 2008. 288 p.

25. Jackendorf R. S. *Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure*. Cambridge : MIT Press, 2007. 432 p.

26. Wittgenstein L. Logical-Philosophical Treatise. Translated from German by V. Rudnev. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow : Territoriya Budushchego Publishing House, 2005. Pp. 14–221.

27. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Studies in Linguistics]. Moscow : Progress, 1977. 695 p.

Сведения об авторе

Золян Сурен Тигранович — доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии Республики Армения (Ереван). Почтовый адрес: 0001, Армения, г. Ереван, ул. Арами, д. 44. Тел.: +(37410) 53-05-71. E-mail: surenzolyan@gmail.com

Zolyan, Suren — Dr. Habil., Professor (philology), Professor of the Institute for Humanities, Im. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; leading research fellow, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Postal address: 44, Arami, Yerevan, 0010, Armenia. Tel.: + (37410) 53-05-71. E-mail: surenzolyan@gmail.com

УДК 811.112.2

В. Н. Степанов

Концепт *Einfluß* (воздействие) в структуре концептосферы силы в немецкой философской традиции

В XX веке концепт *Einfluß* лег в основу типологических исследований и теорий воздействия, которое может оцениваться по-разному: как позитивное, нейтральное и негативное. Сфера действия рассматриваемого концепта носит относительный, релятивный характер, проявляется, в первую очередь, в связях и отношениях и эксплицируется с помощью категорий непосредственности/опосредованности, случайности/неслучайности и вероятности/невероятности. В схемах контактного действия воздействие *(Einfluß)* выступает в разных ролях: как объект действия (пациенс), реципиент воздействия (индивид и его классы, над- и сверхличностные образования, их деятельность и поведение, высшие психические функции человека). Следствием воздействия являются изменения в когнитивных явлениях (мнения, идеи, мысли) и психических процессах человека (воля, чувства, сердце, возможности), сферах его деятельности (карьера) и творчества (искусство). Каузальность в воздействующих отношениях контрадиктивна и носит рекурсивный характер, что предполагает наличие активного контрагента и возможности его ответного воздействия, которое может быть асимметричным. Конверсивный характер воздействия предполагает наличие «воздействующего» начала, буквально источника воздействия, в качестве которого могут выступать сверхличностные сущности («Божья воля», «дух капитализма»). Воздействие *(Einfluß)* является неотъемлемой частью коммуникации, ее содержанием. Часто под этим словом в широком смысле понимают средства коммуникации. Воздействие имеет когнитивную природу и «упаковано» в когнитивные феномены, но его способны оказывать действительность и окружающий предметный мир, среда, а субъектами, или «собственниками», воздействия выступают Бог, его воля, социальные и политические институты, институциональные образования, философские учения и теории. В качестве разновидностей воздействия и его форм указываются деньги *(Geld)*, любовь *(Liebe)*, поведение *(Handeln)*, власть *(Macht)*, авторитет *(Autorität)*, репутация *(Reputation)*, лидерство *(Führung)*, а среди родовых характеристик воздействия значатся материя (Substanz) и когнитивные феномены в целом *(kognitive Mechanismen).* Анализ языкового контекста позволяет считать силу *(Kraft)* и воздействие *(Einfluß)*, воздействие и власть *(Macht)*, воздействие и репутацию *(Reputation)* аналогичными сущностями.

концептосфера; концепты; Kraft; сила; Geist; дух; Genie; гений; Genius; гений; Gewalt; насилие; Herrschaft; господство; Macht; власть; Einfluß; воздействие

Stepanov, Valentin

The Concept of *Einfluß* in the Structure of the Conceptual Sphere of "Force" in German Philosophical Tradition

In the 20th century the concept of *Einfluß* (influence, impact) laid the basis of typology studies and theories of impact. Impact may be regarded differently — as positive, neutral, or negative. The Sphere of the concept's influence has a relative character and reveals itself mainly through connections and relations. It becomes explicit through the categories of immediacy vs. mediation, contingency vs. premeditation, probability vs. improbability. In the schemata of contact impact *Einfluß* acts as the object of influence, the recipient of impact (individual and classes of individuals, impersonal and super-personal formations, their activity and behaviour, and higher mental functions. The influence, as a consequence, brings about changes in cognitive phenomena (opinions,ideas, thoughts) and psychic processes of man (will, feelings, heart, possibilities), as well as the sphere of one's activity (career) and creativity (art). Causality in the relationship of influence is contradictive and has a recursive character, which presupposes the existence of an active counter-agent and chances of a reciprocal impact, which can be asymmetrical. The conversive character of influence proceeds from the idea of an acting force, lite-rally, the source of impact, and such a source can be found in super-personal beings ("God's will", "the spirit of capitalism"). Influence (*Einfluß)* is part and parcel of communication, its content; a broad treatment of influence

© Степанов В.Н., 2018

boils down to the means of communication. Influence has a cognitive nature and is "packed" in cognitive phenomena, but reality and the surrounding material world can also produce an impact on people. The subjects, or "possessors" of influence can be described as God, His will, the social and political institutions, institutional agencies, philosophical teachings and theories. Among the types of influence and its forms we find money *(Geld)*, love *(Liebe)*, bevavior *(Handeln)*, power *(Macht)*, authority *(Autorität)*, reputation *(Reputation)*, leadership *(Führung)*. The generic characteristics of influence include matter (Substanz) and cognitive phenomena in general *(kognitive Mechanismen)*. Analysis of language context suggests that power *(Kraft)* and influence *(Einfluß)*, impact and power *(Macht)*, influence and reputation (Reputation) are analogical entities.

Conceptual sphere; concepts; Kraft; power; Geist; spirit; Genie; genous; Genius; Gewalt; violence; Herrschaft; domination; Macht; power; Einfluß; influence

Рассматриваемый в данной работе ***концепт*** *Einfluß* (воздействие) является частью одного из самых значимых и влиятельных явлений гуманитарной сферы в мировом масштабе — концептосферы силы *(Kraft)*. Тем не менее объем этого философского понятия и концепта до сих пор до конца не определен.

Дискурс силы *(Kraft)* составляют высказывания, относящиеся к различным корпусам текстов, тематические (содержательные) связи между которыми уходят корнями в разные национальные традиции, а становление и развитие проходило в разные временные периоды [1].

Этот дискурс представлен обширной научной, учебной и справочной литературой. Его можно определить как *интра-* и *интерлингвальный*, *интра-* и *интертематический* [2], включающий в свою сферу различные концепты, относящиеся к разным лингвокультурам: *δύναμις* — в греческой, *potential* и *vis* — в латинской, *forza* — в итальянской, *force* — во французской и английской, *Kraft, Geist, Genie, Genius, Gewalt, Macht, Stärke, Herrschaft, Intentionalität* — в немецкой, *сила* и *воля* — в русской [3].

Иструментом анализа концепта *Einfluß* (воздействие) выбрана методика концептуального анализа — *описание семантики лингвальных сетей* (СЛС) С. А. Жаботинской [4], что позволяет описать язык в соответствии с концептуальными структурами и когнитивными операциями. Для построения моделей используется набор обобщенных понятийных структур (базисные пропозиции), отслеживаемых в значениях и формах языковых единиц разных уровней. Базисные пропозиции выделяются с опорой на лексическое значение слов и контексты их употребления, имеют наивысший уровень обобщения, или схемности, представляют собой изначальные категории мышления и типы отношений между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов — предметному, акциональному, посессивному, идентификационному, компаративному.

Семантика лингвальных сетей позволяет охватить онтологию предметной сферы (в близком инженерии знания понимании) и наметить очертания концептосферы: «Онтология как концептуальная модель предметной области состоит из иерархии понятий предметной области, связей между ними и законов, которые действуют в рамках этой модели» [5]. Концептосферой в этом ключе называется все структурируемое семантическое пространство.

Предметный фрейм Einfluß (воздействие) представлен с помощью пяти бытийных (пропозициональных) схем — квантитативной, квалитативной, локативной, темпоральной и способа бытия.

В ***квантитативном отношении*** («X есть СТОЛЬКО-количество») количественное измерение концепта *Einfluß* (воздействие) определяется по языковым контекстам, в которых это слово встречается в формах единственного и множественного числа: Einfluß — Einflüsse.

---

[1] См.: Степанов В. Н. Смысл силы : очерки немецкой философской традиции / Междунар. акад. бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Ярославль, 2016. 160 с.

[2] См.: Böke K., Jung M., Niehr T., Wengeler M. Vergleichende Diskurslinguistik. Überlegungen zur Analyse national heterogener Textkorpora // Einwanderungsdiskurse. Vergleichende diskurslinguistische Studien. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. 239 S.

[3] См.: Степанов В. Н. Смысл силы.

[4] См.: Жаботинская С. А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) // Когниция, коммуникация, дискурс. 2013. № 6. С. 47–76.

[5] Воинов А. В., Гаврилова Т. А. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области // Третья Междунар. конф. по когнитивной науке, Москва, 20–25 июня 2008 г. : тез. докл. М., 2008. Т. 1. С. 566.

В ***квалитативном (качественном) отношении*** («X есть ТАКОЕ-качество») особым измерением рассматриваемого концепта является оценочное: воздействие может восприниматься как позитивное, нейтральное и негативное.

Нейтральная оценка воздействия заключается в констатации его характеристик как существенного *(wesentlich* [6]*)*, стойкого *(nachhaltig* [7]*)*, сильного *(groß* [8]*)*.

Воздействие может восприниматься и позитивно — как чистое ”…so viel auch ihrem *echten* Einflusse…“ [9].

Особо следует, на наш взгляд, выделить этические коннотации в значении этого концепта. Так, христианство, по мнению Ю. Хабермаса, оказывает гуманизирующее воздействие: ”…auf den *humanisierenden Einfluß* des Christentums“ [10].

К негативным оценкам воздействия относятся определения «дьявольские» *(täuferische* [11]*)* и «опасное» *(prekär* [12]*)*.

Локативные характеристики («X существует/действует ТАМ») обогащают концепт *Einfluß* (воздействие) пространственными признаками с опорой на разные основания: «зоны» воздействия с возможностью обозначения их границ (Abgrenzung von *Einflußzonen* [13]) и «области» воздействия, например, великих держав (*Einflußsphäre* der Großmächte [14]).

Темпоральное измерение («X существует ТОГДА») помогает раскрыть временной континуум воздействия. Так, М. Вебер, рассуждая об учении о предопределении милости Божией *(Gnadenwahllehre)* и его воздействии, предлагает учитывать фактор времени: ”Wir finden die Spuren dieses Einflusses der Gnadenwahllehre in der uns beschäftigenden Zeit…“ [15].

Характеристики способа бытия («X существует ТАК-способ») воздействия представляют собой объемный корпус.

Сфера действия воздействия носит не системно-деятельностный характер, как у концепта «власть» [16], а скорее относительный, релятивный. Например, для Н. Лумана воздействие проявляется, главным образом, в связях и отношениях: *”Einflußbeziehungen*“ [17]. Воздействие он охарактеризовал с точки зрения дихотомических категорий:

– непосредственности/опосредованности (”…wie als Materie erscheint, durch seinen *unmittelbaren Einfluß*“ [18]; ”…*direkter* Einfluß auf ihre Vorgesetzten“ [19]),

– случайности/неслучайности и вероятности/невероятности (”…wo Einfluß *kontingent* und dadurch zunächst einmal unwahrscheinlich ist…“ [20]), взаимности (”reziproker Einfluß“ [21]).

– когнитивной природы данного явления и его взаимосвязи с другими аналогичными, например репутацией (”…die *kognitiven Zusammenhänge* zwischen Art der Reputation und Einfluß auf Meinungen“ [22]).

---

[6] Q. v.: Humboldt W. von. Kleine Schriften, Autobiographisches, Dichtungen, Briefe. Kommentare und Anmerkungen zu Bd. 1–5. Anhang. Stuttgart : Cotta, 1981. 768 S. S. 275.

[7] Q. v.: Arendt H. Macht und Gewalt. München : Piper, 2015. 136 S. S. 87.

[8] Q. v.: Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes / Nachwort von L. B. Puntel. Stuttgart : Reclam, 1987. 598 S. S. 189.

[9] Kant I. Kritik der praktischen Vernunf. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten / Hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1976. 192 S. S.40.

[10] Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen. 1 Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985. 449 S. S. 325.

[11] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Anaconda, 2009. 286 S. S. 262.

[12] Luhmann N. Macht. 4 Aufl. Konstanz ; München : UVK Verl.-Ges., UVK/Lucius, 2012. 177 S. S. 21.

[13] Ibid. S. 154.

[14] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 130.

[15] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 91.

[16] См.: Степанов В. Н. Концептосфера и дискурс власти в немецкой философской традиции // Государственная служба. 2017. № 1 (105). С. 81–87.

[17] Luhmann N. Macht. S. 86.

[18] Kant I. Kritik der praktischen Vernunf. S. 389.

[19] Luhmann N. S.121.

[20] Ibid. S. 21.

[21] Ibid. S. 122.

[22] Ibid. S. 147.

Акциональный фрейм Einfluß (воздействие) описывается с помощью трех акциональных (пропозициональных) схем: состояния/процесса, контактного действия и каузации.

Описание воздействия *(Einfluß)* как состояния и процесса включает в себя несколько категорий:

– интенсивность (например, ”Beeinflussung“, «влияние»; ”Einflußsteigerung“ [23], «усиление»; ”Einflußverdichtung“ [24], «уплотнение»);

– длительность (например, ”durch den *dauernden* Einfluß“ [25], «продолжительный»);

– стадиальность и процессуальность (например, ”Ausprängung“, «проявление»; ”Die *Erscheinung* ihres Einflußes auf unsere Sinne sei…“ [26]; ”…eine oft zu beobachtende Überfrachtung des Machtbegriffs mit Merkmalen eines sehr breit und unbestimmt gefaßten *Einflußprozess* zu vermeiden“ [27]; ”Das *Verhältnis* (обстоятельства) des Einflußes“ [28]).

В схемах контактного действия воздействие *(Einfluß)* выступает в разных ролях. Так, оно может быть объектом действия (пациенс), например: ”Einfluß *ausüben*“ [29]; ”…und Tugend auf unsere Seele überall einigen Einfluß *ausüben soll*“ [30]; ”…daß Einfluß *gesucht wird*“ [31]; ”*Erörterung* (истолкование) der Einfluß“ [32]; ”*Annahme* (принятие) von Einfluß“ [33].

В качестве объекта или реципиента воздействия могут выступать определенные сущности — индивиды и их классы, над- и сверхличностные образования, их деятельность и поведение, высшие психические функции человека:

– нечто конкретное (например, ”Man muß den zu erwartenden (ожидаемый) Einfluß auf etwas Bestimmbares beziehen“ [34]);

– индивиды и их классы (например, ”…deren Einfluß auf *Luther* bekannt ist“ [35]; ”…Einfluß auf *Personen*… der als Form der Macht erscheint“ [36]; ”…auf machtmäßige Beeinflussung ihres *Personals*“ [37]; ”…den direkten (непосредственный) Einfluß auf ihre *Vorgesetzten*“ [38]);

– деятельность индивидов и ее продукты (например, ”*Nachfolge*… ist der rechte Ausdruck für allen Einfluß“ [39]; ”Einfluß selbst der hier ausgesprochene Gedanke auf das eigentliche *Werke von Marx und Engels* gehabt hat“ [40]);

– надличностные образования (например, ”(Sprachen)… ihren Einfluß auf die *Nationen*“» [41]; ”Das Buch wegen seines großen Einfluß auf die heutige *Studentengeneration*“ [42]);

– сверхличностные сущности (”Einfluß auf den *Geist* der höchsten Typen des Puritanismus“ [43]; ”Einfluß… auf das *Schicksal* der religiösen Gedankenbildungen“ [44]);

– высшие психические функции человека (”…alle *Sprachen*, welche durch die protestantischen Bibelübersetzungen beherrschend beeinflußt sind“ [45]).

---

[23] Luhmann N. Macht. S. 122, 124.

[24] Ibid. S. 126.

[25] Humboldt W. von. Über die Sprache: Reden vor der Akademie / Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. vers. von J. T. Tübingen [et. al.]. Francke, 1994. 277 S. S. 195.

[26] Kant, I. Kritik der reinen Vernunft / Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. Bd. 2. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. S. 387.

[27] Luhmann H. Macht. S. 11.

[28] Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 243.

[29] Luhmann N. Macht. S. 104.

[30] Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. S. 293.

[31] Luhmann N. Macht. S. 83.

[32] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 153.

[33] Luhmann N. Macht. S. 84.

[34] Ibid. S. 86.

[35] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 68.

[36] Forst R. Normativität und Macht. Zur Analyse sozialer Rechtfertigungsordnungen. 1 Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. S. 71.

[37] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 117.

[38] Luhmann N. Macht. S. 121.

[39] Kant I. Kritik der Urteilskraft. S. 213.

[40] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 87.

[41] Humboldt W. von. Über die Sprache: Reden vor der Akademie. S. 21.

[42] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 18.

[43] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 275.

[44] Ibid. S. 278.

Пропозициональные схемы каузации позволяют описать причинную роль воздействия в отношении других явлений.

Например, М. Вебер упоминает воздействие, которое Лютер оказал на усиление развития и увеличение неопределенности религиозной ориентации методистской морали: ”Die starken lutherischen Einflüsse… *verstärkten* diese Entwicklung und *vermehrten* die Unbestimmtheit der relegiösen Orientierung der methodistischen Sittlichkeit“ [46]. Для Н. Лумана воздействие служит основой выбора возможностей для интерпретации смысла: ”Einfluß setzt als Basis für unterschiedliche *Selektionsmöglichkeiten* eine gemeinsame *Sinnorientierung* voraus“ [47].

Следствием воздействия являются изменения в когнитивных структурах (мнения, идеи, мысли) и психических процессах человека (воля, чувства, возможности), сферах его деятельности (карьера) и творчества (искусство): ”Einfluß auf *Meinungen*“ [48]; ”Einfluß auf die Entwicklung der *Ideen*“ [49]; ”…bedeutenden Einfluß auf die Darstellung der *Gedanken* ist“ [50]; ”dem moralischen Gesetze Einfluß aufs menschliche *Herz* zu verschaffen“ [51]; ”…keinen Einfluß auf den *Willen* habe“ [52]; ”…auf das *Gefühl* unseres Wohlbefindens Einfluß haben kann“ [53]; ”Der Einfluß des Personalrates auf *Personalgelegenheiten* (возможности) im öffentlichen Dienst“ [54]; ”Einfluß auf *Karrieren*“ [55]; ”…so wesentliche Einfluß der Stiftung des Franciscanerordens auf die *Kunst*“ [56].

Н. Луман обозначил зависимость степени воздействия от возраста и предшествующего опыта человека, а также примера других индивидов: ”…in denen *Alter* von Ego mehr Einfluß annimmt, weil dieser mehr Einfluß von *Alter* annimmt“ [57]; ”Ego nimmt Einfluß deshalb an, weil er *zuvor* auch bereits Einfluß angenommen hatte“ [58]; ”Ego nimmt Einfluß an, weil auch *andere* ihn annehmen“ [59].

Стимулом или причиной самого воздействия могут стать собственность *(”Eigentum“)*, деньги *(”Geld“)*, власть *(”Macht“)*, ситуация *(”situationsabhängig“)*: ”Umtausch von Einfluß auf der Basis von *Eigentum* oder *Geld* in Einfluß auf der Basis von *Macht*“ [60]; ”…daß Einfluß normalerweise nicht explizit oder implizit auf *Macht* gegründet werden muß, sondern leichtläufig und *situationsabhängig* geübt werden kann“ [61].

Собственно воздействие можно рассматривать как следствие или результат другого действия или идеологии: ”…viel Einfluß und viel Machtreputation *gewinnen*“ [62].

Воздействие носит целенаправленный характер: ”Einfluß für *Zwecke* der Anpassung des Systems“ [63].

Немецкий философ Ю. Хабермас, размышляя о современном философском дискурсе, в качестве одной из его отличительных характеристик указал на ***контрадикторность*** и предложил свое наименование такого дискурса — „Gegen-Diskurs“ [64].

Отношения каузальности определяют акциональные свойства воздействия *(Einfluß)*, причем каузальность в этих отношениях контрадикторна, носит ***рекурсивный*** характер, предполагает наличие активного контрагента и возможности его ответного воздействия: ”*reziproker* (взаимный) Einfluß“ [65]; ”…vermittelst ihres *wechselseitigen* (взаимный) Einflusses ihr Zugleichsein“ [66].

---

[45] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 193.
[46] Ibid. S. 127.
[47] Luhmann N. Macht. S. 83.
[48] Ibid. S. 147, 149.
[49] Humboldt W. von. Über die Sprache: Reden vor der Akademie. S .55.
[50] Ibid. S. 141.
[51] Kant I. Kritik der praktischen Vernunf. S. 293.
[52] Ibid. S 76.
[53] Kant I. Kritik der Urteilskraft. S. 195.
[54] Luhmann N. Macht. S. 153.
[55] Ibid. S. 116.
[56] Humboldt W. von. Kleine Schriften, Autobiographisches, Dichtungen, Briefe. Kommentare und Anmerkungen zu Bd. 1–5. Anhang. Stuttgart : Cotta, 1981. S. 275.
[57] Luhmann N. Macht. S. 122.
[58] Ibid. S. 83.
[59] Ibid. S. 84.
[60] Ibid. S. 113.
[61] Ibid. S. 82.
[62] Ibid. S. 121.
[63] Ibid. S. 122.
[64] Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen. S. 361.
[65] Luhmann N. Macht. S. 122.
[66] Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 245.

И. Кант в свое время отметил, что воздействие, как и чувство, может быть направлено на себя и в этом случае становится патологическим: ”…ist, so wie aller Einfluß auf *dasselbe*, und wie jedes Gefühl überhaupt, pathologisch“ [67].

Ю. Хабермас указал на асимметричный характер средств психологического воздействия: ”…*asymmetrischer* Einflußnahme auf die Bewegungsfreiheit anderer Interaktionsteilnehmer“ [68].

Стоит особо остановиться на свидетельствах ***конверсивного*** характера воздействия и наличии «воздействующего» начала, буквально источника воздействия, от которого оно исходит (Ausfluß). В качестве такого источника может выступать сверхличностная сущность («Божья воля», «дух капитализма»): ”…zum direkten Ausfluß *Göttlichen* Willens wird“ [69]; ”…der "kapitalistische *Geist*"… nur als Ausfluß bestimmter Einflüsse der Reformation habe entstehen können“ [70].

Посессивный фрейм Einfluß (воздействие) определяется с помощью посессивных (пропозициональных) схем — партитивности, инклюзивности и собственности.

В концептосфере воздействия в ходе исследования выявлены ***отношения партитивности*** («часть — целое»).

И. Кант указал на обширную физическую природу воздействия, его материальность: ”des *physischen* (физический) Einflußes“ [71]; ”…was als *Materie* erscheint, durch seinen unmittelbaren (непосредственный) Einfluß…“ [72].

Инклюзивные отношения воздействия описываются в системе координат «контейнер — содержимое».

Воздействие *Einfluß* является неотъемлемой частью коммуникации, ее содержанием: ”*einflußnehmende* Kommunikationen“ [73].

Н. Луман отмечает распространенное представление о воздействии в широком смысле как средствах коммуникации: ”verschiedenartige *Kommunikationsmedien*… was man in einem sehr weiten Sinne Einfluß nennen könnte“ [74].

Оказывать воздействие могут отдельные средства коммуникации, например книги: ”Das *Buch* wegen seines großen Einfluß auf die heutige Studentengeneration“ [75].

Общим местом стало представление, что воздействие имеет когнитивную природу и «упаковано» в когнитивные феномены, например самолюбие: ”den Einfluß der *Selbstliebe* auf das oberste praktische Prinzip…“ [76].

Н. Луман отметил, что случайное *(kontingent)* воздействие воспринимается как часть присущего человеку поведения: ”Je stärker Einfluß kontingent wird, indem er sich als ein *Handeln* zu erkennen gibt“ [77].

Высшие психические функции человека, например речь, несут в себе воздействие, опосредуют и оказывают его на индивидов и надличностные образования, например на нации, как считал Гумбольдт: ”(Sprachen)… ihren Einfluß auf die *Nationen*“ [78].

В качестве носителя, медиатора воздействия И. Кант называл смысл как одно из проявлений нашего разума (”unser Verstand“): ”…von allen empirischen Bedingungen, unter denen unser Verstand ausgeübet wird. z. B. vom Einfluß der *Sinne*, vom Spiele der Einbildung, den Gesetzen des Gedächtnisses, der Macht der Gewohnheit, der Neigung etc., mithin auch den Quellen der Vorurteile, ja gar überhaupt von allen Ursachen, daraus uns gewisse Erkenntnisse entspringen, oder untergeschoben werden mögen…“ [79].

---

[67] Kant I. Kritik der praktischen Vernunf. S. 195.
[68] Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen. S. 285.
[69] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 73.
[70] Ibid. S. 79.
[71] Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 390.
[72] Ibid. S. 389.
[73] Luhmann N. Macht. S. 84.
[74] Ibid. S. 79.
[75] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 18.
[76] Kant I. Kritik der praktischen Vernunf. S. 194.
[77] Luhmann N. Macht. S. 22.
[78] Humboldt W. von. Über die Sprache : Reden vor der Akademie. S. 21.
[79] Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 99.

Воздействие способны оказывать действительность и окружающий предметный мир, среда: ”Einfluß der *Wirklichkeit*“ [80]; ”monetäre Beeinflussung“ [81].

Субъектами, или «собственниками», воздействия выступают Бог, Его воля, социальные и политические институты, институциональные образования, философские учения и теории: ”…zum direkten Ausfluß *Göttlichen* Willens wird“ [82]; ”Einfluß des *Grafen*“ [83]; ” Einfluß des *Hofes*“ [84]; ”…so wesentliche Einfluß der Stiftung des *Franciscanerordens* auf die Kunst“ [85]; ”*religiöse* Einflüsse“ [86]; ”…auf den humanisierenden Einfluß des *Christentums*“ [87]; ”Einfluß der *Reformation*“ [88]; ”Einfluß des *Puritanismus*“ [89]; ”…durch den Einfluß von *Kirchenzucht, Seelsorge* und *Prädigt*“ [90]; ”…unter dem Einfluß der *Seelsorge*“ [91]; ”…unter dem Einfluß der *calvinistischen Askese*“ [92]; ”…von den… Institutionen der *altprotestantischen Kirchen* und deren *ethischen* Einflüssen“ [93]; ”*Politischer* Einfluß sollte nicht vom Reichtum der Personen abhängen…“ [94]; ”Unter dem Einfluß des zeitgenössischen französischen *Sozialismus* und *Kommunismus*“ [95]; ”…unter dem Einfluß *Nietzsches*“ [96]; ”Unter dem Einfluß *Marxscher* Lehren“ [97]; ”…die Beeinflüssung durch gewisse *Theorien* Lamprechts“ [98].

Идентификационный фрейм Einfluß (воздействие) объединяет идентификационные схемы персонификации (имя собственное), классификации (отношения «род — вид», неопределенности), характеризации (отношения определенности).

Пропозициональные схемы персонификации воздействия в использованном материале связаны с именами собственными — Мартина Лютера (1483–1546), Карла Маркса (1818–1883), Фридриха Ницше (1844–1900), Карла Лампрехта (1856–1915): ”…*lutherische* Einflüsse“ [99]; ”Unter dem Einfluß *Marxscher* Lehren“ [100]; ”Unter dem Einfluß *Nietzsches*“ [101]; ”…die Beeinflüssung durch gewisse Theorien *Lamprechts*“ [102].

В XX веке концепт воздействия (*Einfluß*) лег в основу типологических исследований и теорий воздействия: ”Einflußbegriff als Basis für *typologische Differenzierungen*“ [103]; ”…entworfene *Einflußtheorie*“ [104].

Так, например, идентификационные схемы классификации (отношения «род — вид», неопределенности) позволяют выделить разновидности воздействия (”Formen des Einflusses“, ”Einflußformen“, ”Formen von Einfluß“ [105]) и в качестве его форм считать деньги (*Geld*), любовь (*Liebe*), поведение (*Handeln*), власть (*Macht*), авторитет (*Autorität*), репутацию (*Reputation*), лидерство (*Führung*): ”*Geld* und *Liebe* als Einflußformen“ [106]; ”Je stärker Einfluß Kontingent wird, indem er sich als ein *Handeln* zu erkennen gibt“ [107]; ”…ist, so wie aller Einfluß auf dasselbe, und wie jedes *Gefühl*

---

[80] Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes. S. 222.
[81] Luhmann N. Macht. S. 151.
[82] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 73.
[83] Ibid. S. 121.
[84] Ibid. S. 152.
[85] Humboldt W. von. Kleine Schriften, Autobiographisches, Dichtungen, Briefe. S. 275.
[86] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 79.
[87] Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen. S. 325.
[88] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 79.
[89] Ibid. S. 153.
[90] Ibid. S. 83.
[91] Ibid. S. 101.
[92] Ibid. S. 133.
[93] Ibid. S. 136.
[94] Luhmann N. Macht. S. 125.
[95] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 87.
[96] Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen. S. 284.
[97] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 15.
[98] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 238.
[99] Weber, M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 125.
[100] Arendt H. Macht und Gewalt. S. 15.
[101] Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen. S. 284.
[102] Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. S. 238.
[103] Luhmann . Macht. S. 145.
[104] Ibid. S. 146.
[105] Ibid. S. 103, 125.
[106] Ibid. S. 134.
[107] Ibid. S. 22.

überhaupt, pathologisch“ [108]; ”Einfluß auf Personen …als Form der *Macht* erscheint“ [109]; ”…von "Einfluß" und nicht von "*Macht*" zu sprechen, da hierbei Personen nicht intentional Macht über andere ausüben“ [110].

Н. Луман классифицировал разновидности воздействия по трем основаниям: временному *(Autorität)*, вещественному *(Reputation)* и социальному *(Führung)*: ”…zeitlich generalisierten Einfluß *Autorität*, sachlich generalisierten Einfluß Reputation und sozial generalisierten Einfluß Führung nennen“ [111].

Среди родовых характеристик воздействия указываются материя *(Substanz)* и когнитивные феномены *(kognitive Mechanismen)*.

И. Кант рассматривает воздействие сквозь призму категории каузальности и понимает под воздействием причинную (каузальную) связь на материальном уровне, когда одна субстанция является причиной каких-либо изменений другой субстанции: ”…der Einfluß, d.i. wie eine Substanz *Ursache* von etwas in einer anderen Substanz werden könne, zu verstehen“ [112].

Н. Луман подчеркивает когнитивную природу воздействия и его связь с гомогенными когнитивными феноменами: ”Die sachliche Generalisierung von Einfluß ist zugleich diejenige Generalisierungsrichtung, die *kognitiven Mechanismen* am nächsten steht“ [113].

Для Лумана суть воздействия заключается в перемещении «восстановительной мощности», или работы (*Reduktionsleistung*, ср. *Reduktionskraft* — восстановительная способность): ”Als Einfluß wollen wir allgemein und ohne weitere Qualifikation die Übertragung von Reduktionsleistungen bezeichnen“ [114].

Контексты употребления концепта *Einfluß* в работах Н. Лумана позволяют отметить по отдельным характеристикам аналогии между воздействием *(”reziproker Einfluß“* [115]*)* и властью *(”reziproke Macht“* [116]*)*, воздействием и репутацией (”…die kognitiven Zusammenhänge zwischen Art der Reputation und Einfluß auf Meinungen“ [117]).

Р. Форст, сравнивая феномены воздействия *(Einfluß)* и власти *(Macht)* с когнитивной точки зрения, считает, что воздействие, в отличие от власти, может быть ненамеренным: ”…von "Einfluß" und nicht von "Macht" zu sprechen, da hierbei Personen *nicht intentional* Macht über andere ausüben“ [118].

Р. Форст в определении власти *(Macht)* использует понятия воздействия и влияния (*Einfluß, beeinflussen*), если подразумевается, что некто думает *(denkt)* или ведет себя *(handelt)* определенным образом в ответ на воздействие со стороны другого. Исследователь отмечает интенциональный, целенаправленный характер власти *(Macht)* в качестве ее обязательного признака, отличающего ее от (воз)действия *(Wirkung)*: ”Nennen wir *Macht* generell das Vermögen von A, den Raum der Gründe für B so zu *beeinflussen*, dass B auf eine Weise *denkt* oder handelt, die auf A’s *Einfluss* zurückgeht, der *intentionaler* Natur sein muss, sonst spräche man nur von *Wirkung* und nicht von Macht“ [119].

Компаративный фрейм Einfluß (воздействие) представлен схемами сходства (аналогии) коррелятов.

У М. Вебера встречается соположение на одной странице коррелирующих синтаксически параллельных высказываний, анализ которых позволяет считать ядерный концепт в сфере силы *(Kraft)* и воздействие *(Einfluß)* аналогичными сущностями: ”Solange die *Kraft* seiner Schwingen reichte“ [120]; ”Solange der *Einfluß* der einzelnen Beichte oder Predigt reichte“ [121].

В заключение необходимо отметить, что семантическое пространство воздействия *(Einfluß)* достаточно полно и системно структурировано.

---

[108] Kant I. Kritik der praktischen Vernunf. S. 195.
[109] Forst R. Normativität und Macht. S. 71.
[110] Ibid. S. 71.
[111] Luhmann N. Macht. S. 84.
[112] Kant I. Kritik der reinen Vernunft. S. 122.
[113] Luhmann N. Macht. S. 84.
[114] Ibid. S. 83.
[115] Ibid. S. 122.
[116] Ibid.
[117] Ibid. S. 147.
[118] Forst R. Normativität und Macht. S. 71.
[119] Ibid. S. 97.
[120] Weber, Max. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Anaconda, 2009. – S.112.
[121] Ibid.

В XX веке концепт воздействия *(Einfluß)* лег в основу типологических исследований и теорий воздействия.

Концептосфера воздействия (Einfluß) выявлена по базисным пропозициям с опорой на лексическое значение слов и контексты их употребления в соответствии с репрезентациями всех пяти базисных фреймов — предметного, акционального, посессивного, идентификационного, компаративного.

В языковых контекстах концепт ***воздействия (Einfluß)*** встречается в форме единственного и множественного числа, может оцениваться по-разному: как позитивное, нейтральное и негативное. В исследовании отмечены его пространственные и временные признаки.

Сфера действия рассмотренного концепта носит не системно-деятельностный характер, как у концепта «власть», а относительный, релятивный, и проявляется в первую очередь в связях и отношениях, эксплицируется с помощью категорий непосредственности/опосредованности, случайности/неслучайности и вероятности/невероятности.

При описании воздействия (*Einfluß*) как состояния и процесса учитываются категории интенсивности, длительности, стадиальности и собственно процессуальности. В схемах контактного действия воздействие (*Einfluß*) выполняет разные функции: объекта действия (пациенс), реципиента воздействия (индивид и его классы, над- и сверхличностные образования, их деятельность и поведение, высшие психические функции человека). Воздействие выступает в качестве мотива действий в отношении других явлений. Следствием воздействия являются изменения в когнитивных явлениях (мнения, идеи, мысли) и психических процессах человека (воля, чувства, возможности), сферах его деятельности (карьера) и творчества (искусство). Степень воздействия зависит от возраста и предшествующего опыта человека, влияния поведения других людей. Стимулом или причиной самого воздействия могут выступать собственность (*Eigentum*), деньги (*Geld*), власть (*Macht*), ситуация (*situationsabhängig*). Собственно воздействие может рассматриваться как следствие или результат другого действия или идеологии и носит целенаправленный характер. Каузальность в воздействующих отношениях контрадиктивна и рекурсивна, что предполагает наличие активного контрагента и возможности его ответного воздействия, которое может быть асимметричным. Стоит особо отметить конверсивный характер воздействия и наличие «воздействующего» начала, буквально источника воздействия, в качестве которого могут выступать сверхличностные сущности («Божья воля», «дух капитализма»).

В концептосфере воздействия выявлены отношения партитивности, в соответствии с которыми воздействие имеет физическую природу, то есть материально. Воздействие (*Einfluß*), являясь неотъемлемой частью коммуникации, ее содержанием, средством коммуникации (в широком смысле), имеет когнитивную природу и «упаковано» в когнитивные феномены, тем не менее его способны оказывать действительность и окружающий предметный мир, среда, а субъектами, или «собственниками», воздействия выступают Бог, Его воля, социальные и политические институты, институциональные образования, философские учения и теории.

Персонификация воздействия связана с именами Мартина Лютера (1483–1546), Карла Маркса (1818–1883), Фридриха Ницше (1844–1900), Карла Лампрехта (1856–1915). В качестве разновидностей воздействия и его форм указываются деньги (*Geld*), любовь (*Liebe*), поведение (*Handeln*), власть (*Macht*), авторитет (*Autorität*), репутация (*Reputation*), лидерство (*Führung*). А среди родовых характеристик воздействия значатся материя (Substanz) и когнитивные феномены в целом *(kognitive Mechanismen).*

Под воздействием И. Кант понимал причинную связь на материальном уровне, когда одна субстанция является причиной каких-либо изменений другой субстанции. Для Н. Лумана суть воздействия заключается в перемещении «восстановительной мощности», или работы (*Reduktionsleistung*, ср. *Reduktionskraft* — восстановительная способность).

Анализ языкового контекста позволяет считать силу (Kraft) и воздействие *(Einfluß)*, воздействие и власть *(Macht)*, воздействие и репутацию *(Reputation)* аналогичными сущностями.

Исследованные нами в разное время концепты *Kraft* (сила), *Geist* (дух), *Genie* (гений), *Genius* (гений), *Gewalt* (насилие), *Herrschaft* (господство), *Macht* (власть), *Einfluß* (воздействие) употребляются в одних и тех же или близких лексических и грамматических контекстах, с гомогенной референцией, по отношению к одному и тому же (или смежным) субъекту, источнику

или объекту, что позволяет нам считать их транспарентными (от лат. *trans* — сквозь, через + *parere* — появляться) по отношению друг к другу, то есть имеющими близкую ментальную структуру, определяющими один и тот же способ хранения и передачи знаний.

Уровневая организация концептосферы силы *(Kraft)*, представленная нами ранее [122], требует уточнения в свете полученных сведений о концепте *Einfluß*. Структура концептосферы силы отражена на рисунке.

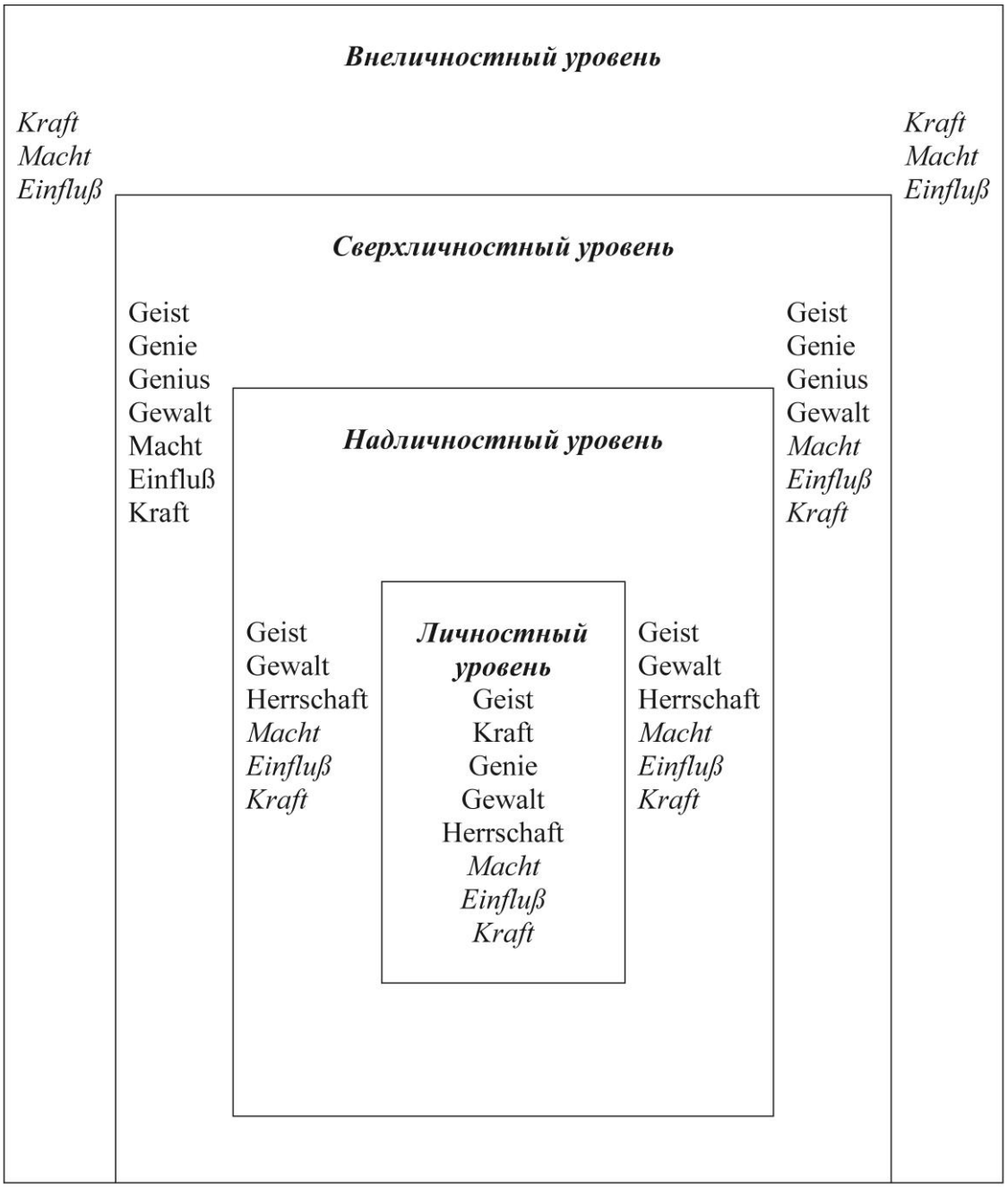

Рис. 1. Соотношение концептов в рамках общей концептосферы силы

[122] См.: Степанов В. Н. Концептосфера и дискурс власти в немецкой философской традиции // Государственная служба. 2017. № 1 (105). С. 81–87 ; Его же. Смысл силы : очерки немецкой философской традици / Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Ярославль, 2016. 160 с. ; Его же. ‘Kraft’ (‘сила’) и ‘Geist’ (‘дух’) как концепты актуализации личностного и сверхличностного в философии Вильгельма фон Гумбольдта // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1 : Культурология. № 2. С. 74–81 ; Его же ‘Kraft’ («сила»), ‘Geist’ («дух»), ‘Genie’ и ‘Genius’ («гений») как транспарентные концепты в философии Вильгельма фон Гумбольдта // Иностранные языки в высшей школе / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2015. № 1 (32). С. 35-41.

Итак, в состав концептосфер силы входят следующие концепты: *Kraft* (сила), *Geist* (дух), *Genie* (гений), *Genius* (гений), *Gewalt* (насилие), *Herrschaft* (господство), *Macht* (власть), *Einfluß* (воздействие).

На личностном уровне для обозначения личностных качеств используются все названные выше концепты.

Для обозначения надличностных сущностей применяются концепты *Geist, Herrschaft, Gewalt, Macht, Einfluß, Kraft*, сверхличностных сущностей — концепты *Geist, Genie, Genius, Gewalt, Macht, Einfluß, Kraft*, внеличностных сущностей – только *Kraft, Macht, Einfluß*.

Таким образом, только три концепта можно отнести к ядру концептосферы силы, поскольку они используются для обозначения всех видов сущностей – личностных, над-, сверх- и внеличностных: *Kraft* (сила), *Macht* (власть), *Einfluß* (воздействие).

Список использованной литературы

1. Воинов, А. В. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области [Текст] / А. В. Воинов, Т. А. Гаврилова // Третья Междунар. конф. по когнитивной науке, Москва, 20–25 июня 2008 г. : тез. докл. — М., 2008. — Т. 1. — С. 566–567.
2. Жаботинская, С. А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) [Текст] // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2013. — № 6. — С. 47–76.
3. Степанов, В. Н. Концептосфера и дискурс власти в немецкой философской традиции [Текст] // Государственная служба. — 2017. — № 1 (105). — С. 81–87.
4. Степанов, В. Н. Смысл силы: очерки немецкой философской традиции [Текст] / Междунар. акад. бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). — Ярославль, 2016. — 160 с.
5. Степанов, В. Н. ‘Kraft’ (‘сила’) и ‘Geist’ (‘дух’) как концепты актуализации личностного и сверхличностного в философии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 2. — Т. 1 : Культурология. — С. 74–81.
6. Степанов, В. Н. ‘Kraft’ («сила»), ‘Geist’ («дух»), ‘Genie’ и ‘Genius’ («гений») как транспарентные концепты в философии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2015. — № 1 (32). — С. 35–41.
7. Arendt, H. Macht und Gewalt [Text]. — München : Piper, 2015. — 136 S.
8. Böke, K. Vergleichende Diskurslinguistik. Überlegungen zur Analyse national heterogener Textkorpora [Text] / K. Böke, M. Jung, T. Niehr, M. Wengeler // Einwanderungsdiskurse. Vergleichende diskurslinguistische Studien. — Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. — 239 S.
9. Forst, R. Normativität und Macht. Zur Analyse sozialer Rechtfertigungsordnungen [Text]. — 1. Aufl. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. — 254 S.
10. Habermas, J. Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen [Text]. — 1. Aufl. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985. — 449 S.
11. Hegel, G. Wilhelm Friedrich. Phänomenologie des Geistes [Text] / Nachw. von L. B. Puntel. — Stuttgart : Reclam, 1987. — 597 S.
12. Humboldt, W. von. Gesammelte Schriften [Text] : 17 Bd. / Hrsg. Albert Leitzmann [et. al]. — Berlin : Behr (Nachdr. Berlin : de Gruyter, 1968), 1903–1936.
13. Kant, I. Kritik der praktischen Vernunft [Text] // Grundlegung zur Metaphysik der Sitten / Hrsg. von W. Weischedel. — Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1976. — 292 S.
14. Kant, I. Kritik der reinen Vernunft [Text] / Hrsg. von W. Weischedel. — Bd. 1. — Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. — 348 S.
15. Kant, I. Kritik der reinen Vernunft [Text] / Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. — Bd. 2. — Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. — 724 S.
16. Kant, I. Kritik der Urteilskraft [Text] / Hrsg. von W. Weischedel. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004. — 461 S.
17. Luhmann, N. Macht. [Text]. — 4. Aufl. — Konstanz : UVK Verl.-Ges. ; München : UVK/Lucius, 2012. — 177 S.
18. Weber, M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus [Text]. — Anaconda, 2009. — 286 s.
19. Humboldt, W. von. Kleine Schriften, Autobiographisches, Dichtungen, Briefe. Kommentare und Anm. zu [Text] : Bd. 1–5. Anhang. — Stuttgart : Cotta, 1981. — 768 S.

20. Humboldt, W. von. Gesammelte Schriften [Text] / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. — Bd. 14 (1) : 1788–1798. — Berlin : Behr & Feddersen, 1918. — 644 S.

21. Humboldt W. von. Gesammelte Schriften [Text] / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. —T. 2 : 1799–1835. — Berlin : Behr & Feddersen, 1918. — 621 S.

22. Humboldt W. von. Über die Sprache: Reden vor der Akademie [Text] / Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. vers. von J. Traban [et. al.]. — Tübingen : Francke, 1994. — 277 S.

References

1. Voinov A. V., Gavrolova T.A. Ontology as a Holistic Model of a Loosely-Structured Subject Area. *Tretya mezhdunar. konf. po kognitivnoi nauke* [Third International Conference on Cognitology] : abstracts of presentations. Vol. 1. 2008. Pp. 566–567.

2. Zhabotinskaya C. A. Name As Text: A Conceptual Web of Lexical Meaning (analysis of the names of emotions). *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Connition, Communication, Discourse]. 2013. No. 6. Pp. 47–76.

3. Stepanov V. N. The Conceptual Sphere and Discourse of Power in the German Philosophical Tradition. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Federal Service]. 2017. No. 1 (105). Pp. 81–87.

4. Stepanov V. N. *Smysl sily: ocherki nevetskoi filosofskoi traditsii* [The Meaning of Force: Review of the German Philosophical Tradition]. Yaroslavl' : MUBiNT, 2016. 160 p.

5. Stepanov V. N. 'Kraft' ('Force') и 'Geist' ('Spirit') as Concepts of Actualizing the Personal and the Superpersonal in the Philosophy of Wilhelm von Humboldt. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl' Pedagogical Herald]. 2015. No. 2. Vol. 1 (Cultural Studies). Pp. 74–81.

6. Stepanov V. N. 'Kraft' ('Force') и 'Geist' ('Spirit'), 'Genie' и 'Genius' (Genius) as Transparent Concepts in the Philosophy of Wilhelm von Humboldt. *Inostrannye yazyki v vysshei shkoke* [Foreign Languages in Tertiary Education]. Ryazan, 2015. No. 1 (32). Pp. 35–41.

7. Arendt H. *Macht und Gewalt*. München : Piper, 2015. 136 S.

8. Böke K., Jung M., Niehr T., Wengele M. Vergleichende Diskurslinguistik. Überlegungen zur Analyse national heterogener Textkorpora. *Einwanderungsdiskurse. Vergleichende diskurslinguistische Studin*. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. 239 S.

9. Forst R. *Normativität und Macht. Zur Analyse sozialer Rechtfertigungsordnungen*. 1. Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. 254 S.

10. Habermas J. *Der philosophische Diskurs der Moderne: zwölf Vorlesungen*. 1. Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1985. 449 S.

11. Hegel G. *Wilhelm Friedrich. Phänomenologie des Geistes*. Nachw. von L. B. Puntel. Stuttgart : Reclam, 1987. 597 S.

12. Humboldt W. von. *Gesammelte Schriften Hrsg*. A. Leitzmann [et al.). 17 Bd. Berlin : Behr (Nachdr. Berlin : de Gruyter), 1968. S. 1903–1936.

13. Humboldt W. von. *Über die Sprache: Reden vor der Akademie*. Hrsg., kommentiert und mit einem Nachw. vers. von J. Trabant [et. al.]. Tübingen : Francke, 1994. 277 S.

14. Kant I. *Kritik der praktischen Vernunft. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1976. 292 S.

15. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. von W. Weischedel. Bd. 1. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. 348 S.

16. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. von W. Weischedel. Bd. 2. Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1974. 724 S.

17. Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004. 461 S.

18. Luhmann N. *Macht*. 4. Aufl. Konstanz : UVK Verl.-Ges. ; München : UVK/Lucius, 2012. 177 S.

19. Weber M. *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Anaconda, 2009. 286 S.

20. Humboldt W. von. *Kleine Schriften, Autobiographisches, Dichtungen, Briefe*. Kommentare und Anm. zu Bd. 1–5. Anhang. Stuttgart : Cotta, 1981. 768 S.

21. Humboldt W. von. *Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 14 (1) : 1788–1798. Berlin : Behr & Feddersen, 1918. 644 S.

22. Humboldt W. von. *Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. T. 2 : 1799–1835. Berlin : Behr & Feddersen, 1918. 621 S.

Сведения об авторе

Степанов Валентин Николаевич — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой массовых коммуникаций, вице-президент ОО ВО (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». Почтовый адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80, каб. 316. Тел.: +7 915 969-90-60. E-mail: stepanov@mubint.ru

Stepanov, Valentin — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Merited Educator of the Russian Federation, Head of Dpt. of Mass Communication, Vice-President of International University of Business and New Technologies (MUBiNT). Postal address: 80, Sovetskaya St., Off. 116, Yaroslavl, 150003, Russia. Tel.: +7 4852 25-66-76. Fax: +7 4852 32-09-62. E-mail: stepanov@mubint.ru

РАЗДЕЛ III

СЕМАНТИКА СИНТАКСИСА

УДК 811.581.36 (075.8)

А. П. Кошкин

Грамматические особенности рамочных предложных конструкций времени в китайском языке

В статье рассматривается значение предлогов китайского языка как главного способа передачи падежных отношений, как инструмента указания на взаимодействие субъекта и объекта, обозначения пространства и времени, орудия действия и т. д. Автор изучает проблему предложных рамочных конструкций как неких устойчивых грамматических моделей, ограниченных начальным вводным элементом и конечным завершающим элементом, в состав которых на том или ином этапе входят предлоги. Значение исследования заключается в том, что подробно рассмотрены не отдельные предлоги, а предложные рамочные конструкции времени в комплексе, с морфологической и синтаксической позиций. Анализируются примеры употребления предложных конструкций в различных типах предложений.

грамматика; предлог; морфология; синтаксис; рамочные предложные конструкции; типы предложений

Koshkin, Andrey

Grammatical Peculiarities of Indicating Time in Chinese: Prepositional Framework Constructions

The paper discusses the significance of Chinese prepositions as the main way to convey case relations, to point to the interaction of the subject and object, to indicate time and place, tools of action, etc. The author examines the problem of prepositional framework constructions as stable grammatical models limited by the initial introductory element and the final completive element, which at one or another stage include prepositions. The importance of the research lies in the fact that the author does not examine separate prepositions but considers the prepositional framework constructions of time, studying this issue comprehensively, from the morphological and syntactic perspectives. The article gives numerous examples of using prepositional constructions in different types of sentences.

grammar; preposition; morphology; syntax; prepositional framework constructions; types of sentences

Грамматика как раздел лингвистики, представляющий собой систему объективно действующих правил, как учение о формах и строении слов, структуре и видах предложений является основным элементом языка. Грамматика китайского языка, с полным отсутствием флексий, отнесенностью к изолированным языкам, несмотря на кажущуюся простоту, представляет собой значительную сложность для освоения. Однако, учитывая особенности синтаксиса и морфологии, отсутствие словоизменения по флективному признаку и определенную грамматическую аморфность китайского языка, некоторые специалисты считают грамматику китайского языка относительно легкой. Тем не менее из-за разных факторов, в том числе из-за нефлективного характера языка, возникают трудности в передаче текста, содержащего указания на взаимодействие субъекта и объекта, обозначение пространства и времени, инструментария действия и т. д. В русском языке такие отношения обеспечиваются соответствующими падежными формами. В китайском языке в большинстве случаев они передаются с помощью служебных слов, которые в отдельных случаях являются единственной возможностью адекватно передать текст. В этом

© Кошкин А. П., 2018

смысле особую роль играют предлоги 介词 jiècí (у некоторых автор термин 前置词 qiánzhìcí) в качестве главного способа передачи значения косвенных падежей (как это понимается в русском языке). Особенности китайского языка не предполагают возможности передачи падежных отношений через словоизменение, поэтому использование предлогов часто оказывается главным, а иногда и единственным способом выражения таких отношений в китайском языке.

Значение предлогов в китайском языке не ограничивается рамками падежных взаимоотношений: они могут выражать пространственные, временные, целевые, причинные отношения. В связи с этим важно рассмотреть роль предложных конструкций как одного из способов передачи вышеуказанных значений. Предложная конструкция в китайском языке также не ограничивается передачей падежно-предложных сочетаний. В.И. Горелов указывает, что рамочная конструкция является одним из важных средств организации синтаксических единиц китайского языка. Она создается посредством дистантного расположения формальных элементов — служебных слов и специальных лексических элементов, тесно связанных между собой в функционально-синтаксическом отношении. Рамочная конструкция четко обозначает границы лексических образований — слов и словосочетаний, функционирующих в качестве членов предложения. Вместе с тем она служит и формальным средством обозначения частей сложных синтаксических единиц [1].

Рамочные конструкции в китайском языке различаются морфологически и могут быть представлены не только предлогами, но и союзами, специальными лексическими вставками (элементами, представленными существительными или наречиями), сочетаниями предлогов с послелогами и т. д. В данной статье мы рассматриваем рамочные конструкции как некие устойчивые грамматические модели, играющие самостоятельную синтаксическую роль в составе предложения, но ограниченные начальным вводным элементом и конечным завершающим элементом, в состав которых на том или ином этапе входят предлоги. С учетом сложности морфологии китайского языка отдельные слова могут быть одновременно (но в разных ситуациях и языковом окружении) представлены разными частями речи. Так, описываемые в данной работе как предлоги слова 当 dāng, 为 wèi, 在 zài и некоторые другие могут быть не только предлогами, но и глаголами, наречиями, существительными, местоимениями, союзами (см. 现代汉语规范词典).

Тема употребления рамочных предложных конструкций в силу разнообразия как самих конструкций, так и синтаксиса предложений, содержащих в своем составе такие конструкции, достаточно сложная. Современных комплексных исследований данной проблемы чрезвычайно мало и в России, и в Китае. В качестве одного из примеров последних работ на тему рамочных предложных конструкций можно привести докторскую диссертацию Ван Шицюнь 现代汉语框式介词研究 («Исследования рамочных предложных конструкций современного китайского языка»), представленную к защите в Нанкинском педагогическом университете Китайской Народной Республики в ноябре 2013 года.

В современном китайском языке закрепились два термина, обозначающие рамочные предложные конструкции: 介词结构 (предложные конструкции) и 框式介词 (рамочные предлоги). В российской китаистике данные грамматические модели именуются рамочными предложными конструкциями, или стандартными предложными структурами. Ученый-китаевед О.М. Готлиб к стандартным предложным структурам относит следующие: 从…到…; 从…起; 从…以来…; 从…以（之）后; 从…往…; 在…时候; 在…时期（内）; 在…范围内; 在…当中; 在…以/之外; 在…（以）内; 在…以上/一下; 在…上/中/下; 在…看来; 对（于）…来说; 跟/和/与…一样; 跟/和/与…相同; 跟/和/与…相反[2].

Предложные рамочные конструкции можно, как собственно и предлоги, разделить на несколько видов в зависимости от выражаемых ими отношений. Некоторые конструкции в разных ситуациях могут применяться для обозначения разных отношений, иногда одновременно указывая внутри рамки на несколько сюжетов развития событий. Такие конструкции являются средством смыслового выделения отдельных компонентов предложения и в некоторых случаях добавляют

[1] См.: Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М. : Просвещение, 1989. 318 с. С. 98.

[2] См.: Готлиб О. М. Практическая грамматика китайского языка : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. М. : Муравей, 2004. 281 с. С. 138.

эмотивности всему предложению. Рамочные конструкции главным образом используются в усложненных предложениях, обрамляя включенную или придаточную часть, или сложных — сложноподчиненных, сложных бессоюзных. В то же время грамматика китайского языка допускает употребление таких конструкций и в простых предложениях в качестве обстоятельства, а также в сложных союзных предложениях, что достаточно редко. Синтаксис предложений, содержащих вышеуказанные предложные конструкции, не предполагает единого порядка размещения рамок для всех моделей, однако предложные конструкции, относящиеся к определенной группе, все же подчиняются соответствующим синтаксическим нормам.

К предложным конструкциям, указывающим на временные рамки можно отнести （每）当……时/的时候， 在（于）……以前（之前，以后，之后）， 在……期间， 在……的同时，在……时/的时候，等到……时（的时候），在……（之）内/（以）内，从……起/开始，从……以来，从……以后，从……到……，到……为止 и некоторые другие.

Так, рамочная конструкция （每）当……时/的时候, используемая в сложноподчиненных предложениях, выражающих временные отношения, морфологически состоит из предлога 当[3], к которому может присоединяться наречие 每[4] и существительного 时(时候) с добавлением частицы 的, и предполагает размещение первого элемента（每）当 в начале придаточного предложения, второго элемента — в конце придаточной части, после чего вводится главное предложение. Однако с учетом того, что данная рамочная конструкция фактически оформляет обстоятельство времени, допускается и постановка включенной части, обрамленной рамкой, в положение за подлежащим. Рассмотрим отдельные примеры:

当她感到工作很累**的时候**，她就听一会儿音乐。*Когда она чувствует сильную усталость от работы (когда она сильно устает на работе), она сразу слушает музыку*.

当我看见这幅油画**时**，我就想起来我的俄罗斯朋友。*Когда я увидел эту картину, я сразу вспомнил своего русского друга.*

Данные примеры демонстрируют рамочную конструкцию 当… …时/的时候 в составе сложноподчиненного предложения с придаточным времени, выражающим немедленное последование. Характерной особенностью таких предложений является наличие слова 就 (в данном случае наречия) в препозиции к сказуемому главного предложения.

Эта же конструкция может указывать и на одновременность действий, например:

当她走进办公室**的时候**，老板正在看图片呢。*В тот момент, когда она входила в офис, начальник как раз рассматривал фотографии.*

Данное предложение представляет собой пример сложноподчиненного предложения, выражающего собственно одновременность. Способом обозначения одновременности действия является не только показатель длительного времени 正在 перед сказуемым и частица 呢, указывающая на незавершенность действия, но и в целом весь состав предложения, включая придаточную часть с рамочной конструкцией. Все показатели одновременности действия в предложении указывают на то, что в момент совершения одного действия (входа в офис) совершалось другое действие (рассматривание фотографий).

我**每当**写汉字**的时候**都非常注意笔顺。*Каждый раз, когда я пишу иероглифы, обращаю особое внимание на порядок написания.* В данном усложненном предложении часть, обрамленная рамочной конструкцией 每当……的时候, занимает позицию между подлежащим и сказуемым.

Достаточно редко, как правило в старой художественной литературе, встречается подвид данной рамочной конструкции 当着……的时候, например:

当着她笑**的时候**，牙齿整齐地露出来了，嘴旁也显着一对笑窝。*Когда она смеется, показывается ровный ряд зубов и на щеках (дословно: около рта) виднеются ямочки*[5].

---

[3] 现代汉语规范词典。李行健主编。北京：外语教学与研究出版社/语文出版社，2004. (Нормативный словарь современного китайского языка / гл. ред. Ли Синцзянь. Пекин : Преподавание и исследование иностранных языков : Язык, 2004. 1792 с. С. 265.)

[4] 现代汉语虚词词典/朱景松主编。 — 北京：语文出版社，2007. (Словарь служебных слов современного китайского языка / гл. ред. Чжу Цзинсун. Пекин : Язык, 2007. 596 с. С. 303.)

[5] См.: Горелов В. И. Грамматика китайского языка : учеб. пособие для учащихся 8–10 классов средней школы. М. : Просвещение, 1974. 275 с. С. 182.

Синтаксис предложений с конструкцией 在（于）……以前（之前）, где 在 и 于 являются предлогами [6], а 以前（之前）— существительными, допускает размещение рамки как непосредственно в начале предложения, в том числе и как включенной части, так и после подлежащего, в том числе в составе включенной части. Это примеры сложноподчиненных предложений, выражающих собственно предшествование, или усложненные предложения с аналогичной придаточной частью, в которых указывается на то, что одно из действий (событий) предшествовало (должно предшествовать) другому.

在她来莫斯科以前，我都准备好了。*Еще до ее приезда в Москву я все приготовил.*

你一定要在刘教授回来之前整理一下书架上的书。*Тебе обязательно нужно до возвращения профессора Лю привести в порядок книги на полках.*

在考入大学前我已经会写汉字了。*До поступления в университет я уже умел писать иероглифы.*

请想参加乒乓球比赛的老师于明天12点之前到办公室报名。*Прошу преподавателей, желающих принять участие в соревнованиях по настольному теннису, завтра до 12.00 прийти в кабинет на регистрацию.*

Конструкция 当……之前/以前 также может употребляться для обозначения предшествования, указывая на первичность некоего действия/события по отношению к другому действию/событию. Например:

当检查结果还没出来之前，先不要乱猜。*До тех пор, пока не появились результаты проверки, не нужно гадать* [7].

Конструкция 在……期间, включающая в себя предлог 在 и существительное 期间, равно как и конструкция 在……的同时, в состав которой входит существительное 同时, указывает на одновременность действий/событий, как бы сообщая, что во время развития одного сюжета либо одновременно с ним развивался другой сюжет. Например:

她在国外留学期间和一个导演认识并很快就结婚了。*Когда она училась за границей, познакомилась с одним режиссером и очень быстро вышла за него замуж.* В данном случае представленное предложение является сложноподчиненным, в котором содержится придаточное обстоятельственное времени.

（在）开会期间禁止打手机。*Во время собрания запрещается пользоваться сотовыми телефонами.* Простое безличное предложение с обстоятельством времени, обрамленном предложной рамочной конструкцией. Обстоятельство размещается в позиции перед сказуемым.

在北京学习汉语的同时，他还跟一位中国画家学习国画。*Во время изучения китайского языка в Пекине, он еще учился рисованию у одного китайского художника.* Данное сообщение являет собой пример усложненного предложения с придаточной частью, выражающей одновременность. Обстоятельство времени располагается в начале предложения перед подлежащим.

На одновременность действий/событий может указывать также рамочная конструкция 在……时/的时候. Рассмотрим примеры сложных, усложненных и простых предложений:

我们在上课时应该认真听讲，不可以玩儿手机。*Во время урока мы должны внимательно (дословно: хорошенько) слушать объяснения, нельзя играть с сотовым телефоном.* Бессоюзное сложное предложение, в котором рамочная конструкция вводит обстоятельство времени.

（在）我小的时候，我父母经常带我去农村看爷爷奶奶。*Когда я был маленьким, папа часто брал меня с собой в деревню проведать дедушку с бабушкой.* Сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным времени. Именно рамочная конструкция вводит обстоятельство времени.

请大家在开会时把手机关上或者静音。*Прошу всех во время собрания выключить сотовые телефоны или убавить звук.* Простое двусоставное предложение, осложненное однородными

---

[6] См.: 现代汉语规范词典 (Нормативный словарь современного китайского языка. С. 1594, 1628.)

[7] 轻轻松松学语法：对外汉语教学语法纲要/吴颖著。 — 北京：北京语言大学出版社，2011. (Китайская грамматика без проблем. Основы китайской грамматики для иностранцев / ред. У Ин. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та языка, 2011. 193 с. С. 56.)

сказуемыми. Предложение также осложнено инверсией дополнения с предлогом 把, в результате чего прямое дополнение стало находиться в препозиции к сказуемому. Рамочная конструкция вводит обстоятельство времени и размещается перед прямым дополнением.

（在）我做家务的时候，我家的大黄狗总是静静地趴在地上看着我。*Когда я занимаюсь домашними делами, наша большая рыжая собака спокойно лежит на полу и смотрит на меня.* Сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным времени, где главная часть осложнена однородными сказуемыми.

Аналогичные рамочные конструкции, но с иным послелогом (在/于…后/以后/之后) и структурой «предлог… существительное» указывают на последование (собственно последование) в сложноподчиненных предложениях или в усложненных предложениях с соответствующей придаточной частью. Поскольку, как и в вышеприведенных примерах, данные рамочные конструкции указывают на время, они представляют собой включенную часть — обстоятельство времени, могут занимать позиции как перед подлежащим, так и между подлежащим (субъектом) и сказуемым (предикатом). В главной части такого сложноподчиненного предложения с указанием на собственно последование могут быть служебные частицы 才，便，就 и некоторые другие со значением «и только тогда…», «тут же…». Использование таких служебных слов является распространенным, но необязательным условием.

他已于昨天大会结束之后就离开了这个城市了。*После того как вчера закончилось совещание, он сразу же уехал из этого города.*

请所有学院于新学期开学以后三日内上交本学期教学日历电子版。*Прошу все институты в течение трех дней после начала нового семестра предоставить электронные версии расписания в данном семестре.*

在她买到了那件裙子之后，才知道了价格真的提高了。*Только после того, как она купила ту юбку, она поняла, что цены действительно выросли.*

老师在走进教室以后，马上就看到了黑板上的那个字。*После того как преподаватель вошел в аудиторию, он сразу же увидел тот иероглиф на доске.*

Рамочные конструкции（自）从……起/开始/后/之后/以后/以来, включающие в себя предлоги 自, 从, 自从[8], глаголы 起, 开始 и существительные 后, 之后,以来, употребляются в сложноподчиненных предложениях, выражающих последование с указанием начального момента. Перед сказуемым главного предложения (как вариант — перед обстоятельством образа действия) часто используются служебные слова 也，就，便，即，还. Такая же конструкция употребляется и в усложненных предложениях с придаточной частью, выражающей последование с указанием начального момента. Как указывалось выше, возможно употребление и в составе бессоюзного сложного, и в составе простого предложения.

自从妹妹开始学习汉语后，我也知道了很多的东西。 *С того момента, как младшая сестра начала учить китайский язык, я тоже многое узнал.* В данном предложении указывается на последовательность действий, при этом в придаточной части содержится указание на начальный момент 妹妹开始学习汉语. Перед сказуемым главного предложения стоит служебное слово 也.

从明年七月一日起高校住宿费上涨。*С первого июля следующего года повысится плата за проживание в общежитиях высших учебных заведений.* Простое предложение, включающее обстоятельственный оборот времени, обрамленный рамочной конструкцией 从……起.

夏天就要到了，我想从明天开始减肥。*Лето скоро наступит, я собираюсь с завтрашнего дня начать худеть.* В данном примере представлено сложное бессоюзное предложение, во вторую часть которого входит рамочная предложная конструкция 从……开始.

自从他来中国学习汉语以后，他的汉语水平就提高得非常快。*После того как он приехал в Китай учить китайский язык, его уровень владения китайским языком быстро вырос.* Предложение сложноподчиненное, указывающее на последовательность действий, в придаточной части которого содержится указание на начальный момент.

---

[8] 现代汉语规范词典。李行健主编。北京：外语教学与研究出版社/语文出版社，2004. (Нормативный словарь современного китайского языка. С. 1729, 1730.)

从结婚以来我们还没吵过架。*После свадьбы (дословно: начиная со свадьбы) мы ни разу не поругались.* Предложение усложненное, с включенной частью — обстоятельством времени. Перед сказуемым стоит специальное слово — наречие 还.

Кроме того, некоторые рамочные предложные конструкции китайского языка не напрямую, но опосредованно также могут указывать на время действия/события. Например, конструкция уподобления 跟/和……一样, имеющая широкий функционал, вводит и обстоятельства образа действия. Однако, когда внутри рамки оказывается слово (существительное), связанное со временем, вся конструкция, сохраняя общее значение обстоятельства образа действия, опосредованно указывает и на время. Например:

今天跟昨天一样很冷。*Сегодня, как и вчера, очень холодно.* Обстоятельство образа действия «как и вчера», в данном предложении опосредованно указывает и на время — вчера.

В данной работе рассмотрена лишь небольшая часть предложных рамочных конструкций, указывающих на время действий или событий. Исследование вопроса синтаксиса рамочных конструкций имеет важное значение, поскольку в китайском языке синтаксический способ является главным, а в некоторых случаях единственным способом выражения внутрипредложных отношений. Различные рамочные конструкции, в том числе и содержащие предлоги, являются важнейшим элементом синтаксического способа выражения отношений к действительности, времени, месту, цели, способу и инструменту действия и т. д.

Список использованной литературы

1. Горелов, В. И. Грамматика китайского языка [Текст] : учеб. пособие для учащихся 8–10 классов средней школы. — М. : Просвещение, 1974. — 275 с.
2. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка [Текст] : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. — М. : Просвещение, 1989. — 318 с.
3. Готлиб, О. М. Практическая грамматика китайского языка [Текст] : учеб. пособие для вузов. — 3-е изд., испр. — М. : Муравей, 2004. — 281 с.
4. 现代汉语规范词典。李行健主编。北京：外语教学与研究出版社/语文出版社，2004. Нормативный словарь современного китайского языка [Текст] / гл. ред. Ли Синцзянь. — Пекин : Преподавание и исследование иностранных языков : Язык, 2004. — 1792 с.
5. 现代汉语虚词词典/朱景松主编。 — 北京：语文出版社，2007. Словарь служебных слов современного китайского языка [Текст] / гл. ред. Чжу Цзинсун. — Пекин : Язык, 2007. — 596 с.
6. 轻轻松松学语法：对外汉语教学语法纲要/吴颖著。 — 北京：北京语言大学出版社，2011. Китайская грамматика без проблем: основы китайской грамматики для иностранцев [Текст] / ред. У Ин. — Пекин : Изд-во Пекин. ун- языка, 2011. — 193 с.

References

1. Gorelov V. I. *Grammatika kitayskogo yazyka* [Chinese Grammar] : Manual for 8-10th forms of secondary school. Moscow : Prosveshchenie, 1974. 275 p. (in Russian)
2. Gorelov V. I. *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Theory of Chinese Grammar] : Manual for Students of pedagogical universities majoring in foreign languages studies. Moscow : Prosveshchenie, 1989. 318 p. (in Russian)
3. Gotlib O. M. *Prakticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Practical Chinese Grammar] : Manual for universities. 3rd ed., revised. Moscow : Muravei, 2004. 281 p. (in Russian)
4. 现代汉语规范词典。李行健主编。北京：外语教学与研究出版社/语文出版社。2004. *Standard Dictionary of Modern Chinese*. Ed. by Li Xingjian. Beijing :Wàiyǔ jiàoxué yǔ yánjiū chūbǎnshè : Yǔwén chūbǎnshè, 2004. 1792 p. (in Chinese)
5. 现代汉语虚词词典/朱景松主编。— 北京：语文出版社，2007. *A Dictionary of Functional Words in Modern Chinese*. Ed. by Zhu Jingsong. Beijing : Yǔwén chūbǎnshè, 2007. 596 p. (in Chinese)
6. 轻轻松松学语法：对外汉语教学语法纲要/吴颖著。北京：北京语言大学出版社。2011. *Chinese Grammar Made Easy: Basics of Chinese Grammar for Foreigners*. Ed. by Wu Ying. Beijing : Běijīng yǔyán dàxué chūbǎnshè, 2011. 193 p. (in Chinese)

Сведения об авторе

Кошкин Андрей Павлович — старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и китаеведения, проректор по международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Всемирной Ассоциации преподавателей китайского языка, почетный член Цзилиньской (КНР) Ассоциации преподавателей русского и китайского языков как иностранных. Почтовый адрес: Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, д. 17, корп. 2, ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет». Тел.: (4217) 59-13-70. E-mail: apkosh@mail.ru

Koshkin, Andrei — Senior Lecturer, Dpt. of Second Foreign Language and Sinology, Deputy Rector for International Cooperation, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Merited Educator ofTertiary Education of the Russian Federation, member of theWorld Organization of Chinese Language Teaching, Honorary member of Jilin Russian and Chinese Language Teaching Association, Honorary Professor of Harbin Normal University (China). Postal address: 17, Kirov St., Building 2, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Region, Russia. Tel.: (+7 4217) 59-13 70. E-mail: apkosh@mail.ru

УДК 81'367.633+ 811.111+ 81-112

Н. А. Пескова

Синкретизм предложных конструкций в функциях второстепенных членов предложения *

Статья посвящена особенностям проявления функционального синкретизма в сфере синтаксиса. В центре внимания находятся предложные конструкций с предлогом *by*, использованные в функции второстепенных членов предложения (дополнение, определение, различные типы обстоятельств). Исследуются возможности модификации и усложнения их смысла, что приводит к сближению функций и образованию переходных членов предложения. Такие конструкции обладают синкретичностью и формируют шкалу переходности между прототипическими членами предложения, создавая единый континуум распространителей предложения.

Среди исследованных конструкций автор выделяет синкретичные функции обстоятельственного и объектного определения, а также обстоятельственного дополнения. Изучение механизмов образования синкретизма представляет интерес не только в теоретическом аспекте, но и имеет практическую направленность, обусловленную необходимостью адекватного использования синкретичных конструкций при речепорождении и их верной интерпретации при восприятии. Кроме того, констатируется, что явление функционального синкретизма лежит в основе вариативности и экспрессивности на синтаксическом уровне языка.

предложная конструкция, синкретизм, функциональный синкретизм, прототипическая функция, член предложения, обстоятельственное определение, обстоятельственное дополнение, объектное определение

Peskova, Natalia

Syncretism of Prepositional Constructions in the Functions of Secondary Sentence Parts

The article touches upon the problems of functional syncretism in the sphere of syntax. The author focuses on constructions with preposition *by* in the functions of secondary sentence parts (object, attribute, different types of adverbial modifiers). The article examines modification and complication of their meaning which results in the formation of transitional sentence parts. Such constructions demonstrate syncretism and form a scale of transitivity between prototypical sentence parts, thus making a continuum of sentence complements.

Among the analysed constructions the author distinguishes synchretic functions of circumstantial attribute, circumstantial complement, objective attribute. The mechanisms of syncretism should be studied not only in the theoretical aspect, as the pragmatic aspect of the problem concerns adequate speech generation and speech perception.

The author claims that the phenomenon of functional syncretism underlies variability and expressiveness on the syntactic level of the language.

prepositional construction, syncretism, functional syncretism, prototypical function, sentence part, circumstantial attribute, circumstantial complement, objective attribute

Статья посвящена одному из многочисленных проявлений синкретизма в синтаксисе — проблеме функционального синкретизма второстепенных членов предложения, когда один из них объединяет в себе функционально-семантические характеристики двух и более членов. В центре внимания находятся так называемые зоны переходности между дополнением, обстоятельством и определением в английском предложении, вербализуемые предложными конструкциями с предлогом *by*.

Проблемы синкретизма и переходности в синтаксисе постоянно привлекают внимание лингвистов, поскольку это «объективно существующий и широко распространенный факт языка

* Продолжение. Начало см.: Пескова Н.А. Функциональный синкретизм объектных конструкций с предлогом ‘by’ // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 52–58.

© Пескова Н. А., 2018

и речи» [1], а синкретизм как явление «из частного вопроса переходит в актуальную общелингвистическую проблему» [2].

Использование не монофункциональных, а синкретичных конструкций рассматривается как средство семантической конденсации, «сгущения смыслов», которые дают возможность экономить языковые средства, строить прозрачные, хотя и семантически сложные, синтаксические конструкции [3].

Особый интерес вызывает синкретизм второстепенных членов предложения, когда представляется затруднительным идентифицировать доминирующую синтаксическую функцию. На первый взгляд, эта задача является абсолютно теоретической и не затрагивает основ речевого общения, однако это в корне неверно. Не умаляя значимости научного осмысления проблемы, отметим, что не менее важным является и ее прагматический аспект, связанный с адекватным использованием синкретичных конструкций при речепорождении и их верной интерпретацией при восприятии. Синкретизм как отражение интенции говорящего связан с прагматической установкой, которая должна быть верно интерпретирована адресатом. Именно поэтому в случае синтаксической, а соответственно и смысловой неоднозначности необходимо дифференцировать «зоны акцентирования/акцентуации более значимых/доминирующих значений или функций, а также определить значения, которые для говорящего представляются менее значимыми» [4].

На сегодняшний день в лингвистике сформировались и сосуществуют различные подходы к интерпретации членов предложения. Одним из сравнительно новых и динамично развивающихся является концептуальный подход, в рамках которого член предложения как синтаксическая категория связан со способом когнитивного представления о том или ином фрагменте действительности (качество, объект, процесс, условие, причина и пр.). Основой формирования синтаксической категории считается «функциональное осмысление событий и объектов окружающего мира, их характеристик, характеристик происходящих событий» [5], что в значительной мере происходит именно через второстепенные члены предложения. Результатом такого осмысления и является концепт синтаксической категории как «сумма языковых и неязыковых знаний о *типичном* элементе данной категории» [6]. Таким образом, носитель языка имеет определенное представление о противопоставляемых друг другу синтаксических (ядерных, прототипических) категориях — дополнении, определении, обстоятельстве, на основе чего и происходит традиционное выделение этих функций в предложении.

Второстепенные члены, являясь распространителями предложения, уточняют описываемое событие с точки зрения детальности его вербализации (наличие/отсутствие таких компонентов, как производитель действия в пассивных структурах, объект, воспринимающий действие, инструмент, те или иные характеристики самого действия/состояния, условия его протекания и пр.). Перечисленные и многие другие элементы, конкретизирующие описываемое событие, настолько многочисленны и разнородны по содержанию, что воплощаются в самых разнообразных языковых формах, отличающихся гибкостью и вариативностью. При этом идеальная концептуальная противопоставленность вербальных конкретизаторов именуемого события может ослабляться, что и является основной причиной формирования зон переходности между функциями-прототипами. Например, появление таких зон между дополнением и обстоятельством объясняется тем, что при именном, а не прототипическом наречном выражении обстоятельство, наряду с ядерным признаком конкретизации действия, может приобрести и признак комплетивности, присущий дополнению. Именно это часто происходит в рамках обстоятельственных предложных конструкций. Также очевидны зоны переходности между обстоятельством и определением, возникающие, если «обстоятельство реализует признак конкретизации не столько в отношении самого события, сколько в отношении какого-либо из его участников, передавая его, например, пространственную характеристику и выступая тем самым в функции определения» [7].

---

[1] Бабайцева В. В. Явление переходности в грамматике русского языка : моногр. М. : Дрофа, 2000. 640 с. С. 419.

[2] Павлюковец М. А. К вопросу о синкретизме в лингвистической теории // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2008. № 74-1. С. 383–390. С. 384. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sinkretizme-v-lingvisticheskoy-teorii (дата обращения: 17.04.2018).

[3] См.: Бабайцева В. В. Явление переходности в грамматике русского языка. С. 250.

[4] Павлюковец М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. Ростов н/Д., 2009. 22 с. С. 6.

[5] Болдырев Н. Н. Концептуализация мира и члены предложения // Языки и транснациональные проблемы : материалы I Междунар. науч. конф. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. С. 16–26. С. 16.

[6] Там же.

[7] Болдырев Н. Н. Концептуализация мира и члены предложения. С. 21.

Разнообразие контаминационных моделей функциональной переходности приводит к тому, что стремление исследователей детально описать те или иные факты языка сопровождается введением в научный оборот все новых терминов. В результате возникают определенные терминологические несоответствия, когда разными авторами используются конкурирующие термины, обозначающие сходные, а порой идентичные явления, например термины «определительное дополнение» и «объектное определение». Под первым понимается «второстепенный член предложения, в котором совмещаются значения объектное и атрибутивное. *Мысль о поездке* (какая мысль? мысль о чем?)» [8]. Второй термин используется В. В. Бабайцевой для обозначения таких конструкций, как «поэзия Пушкина», «судьба отцов и дедов» [9]. Отличие между ними состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с предложным, а во втором — с беспредложным косвенным дополнением, хотя в обоих случаях очевидно также наличие качественных (атрибутивных) характеристик.

Даже валидные справочные источники не проясняют терминологический разнобой в достаточной степени, предлагая множество понятий, связанных с синкретизмом и переходностью в синтаксисе. Так, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой находим следующие термины:

«Обстоятельственное дополнение — второстепенный член предложения, в котором совмещаются значения объектное и обстоятельственное (чаще всего пространственное).

Обстоятельственное определение — второстепенный член предложения, в котором совмещаются значения атрибутивное и обстоятельственное. *Труден подъем на вершину* (какой подъем? подъем куда?)» [10].

Приведенные выше примеры иллюстрируют русский синтаксис, хотя суть проблемы достаточно универсальна, поскольку основные межъязыковые различия в данной сфере касаются в большей степени формального, а не функционально-семантического аспекта второстепенных членов предложения. В зарубежных исследованиях по данной проблематике наблюдается сходная ситуация. Это наглядно отражено О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов», где приведено соотношение русскоязычных и англоязычных терминов, именующих некоторые переходные явления, в том числе в сфере второстепенных членов. Например, выделяются такие виды дополнения, как обстоятельственное (англ. *adverbial (circumstantial) complement, adverbial object*). Оно совпадает по форме с предложным дополнением, но имеет значение обстоятельственной характеристики (адвербиальной модификации) действия.

Еще один вид дополнения — релятивное, или относительное (англ. *relative object — complement).* Оно выражено сочетанием предлога или предложного наречия с косвенным падежом существительного. Заслуживает внимания следующая формулировка словарной дефиниции: «Функция этого члена предложения не поддается вполне точному определению в терминах традиционных членов предложения и как бы колеблется между дополнением и обстоятельством» [11].

Также в словаре выделено обстоятельственное определение (англ. *adverbial adjunct, circumstantial (prosecutive) attribute*), которое соотносится с обстоятельством по функции, а отчасти и по характеру синтаксической связи.

Определения такого рода вряд ли можно считать исчерпывающими. Существование многочисленных белых пятен в понимании семантики предложения как основного структурного звена коммуникации стимулирует интерес лингвистов к данной проблематике. В имеющихся специализированных исследованиях уже очерчены сферы переходности, которые наиболее показательны в плане объединения функций и смыслов. В отношении английского предложения отмечается, что синкретизм часто проявляется в следующих отношениях: субъектно-объектных, объектно-определительных, предложно-объектных (обстоятельственных), субъектно-предикатных, предикатно-обстоятельственных, предикатно-предикативных [12]. Каждая из этих зон, несомненно, является отдельным объектом для изучения.

В данной статье нами рассмотрены функционально-семантические характеристики конструкций с предлогом *by,* являющиеся основой для возникновения функционального синкретизма

---

[8] Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/ (дата обращения: 25.04.2018)

[9] Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. С. 284.

[10] Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов.

[11] Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Либроком, 2018. 576 с. С. 136.

[12] См.: Павлюковец М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка … С. 7.

дополнения, обстоятельства и определения. Было проанализировано более 200 предложных конструкций из романа Дж. Голсуорси «Собственник» в оригинале и переводе на русский язык Н. Волжиной [13], использованных и в прототипических (первичных, морфологизованных) функциях, и в неморфологизованных, что, как правило, сопровождается синкретизмом значения и функций. На рисунке 1 представлены выявленные переходные типы второстепенных членов, которые снимают противопоставленность традиционно выделяемых второстепенных членов, образуя единый континуум распространителей предложения.

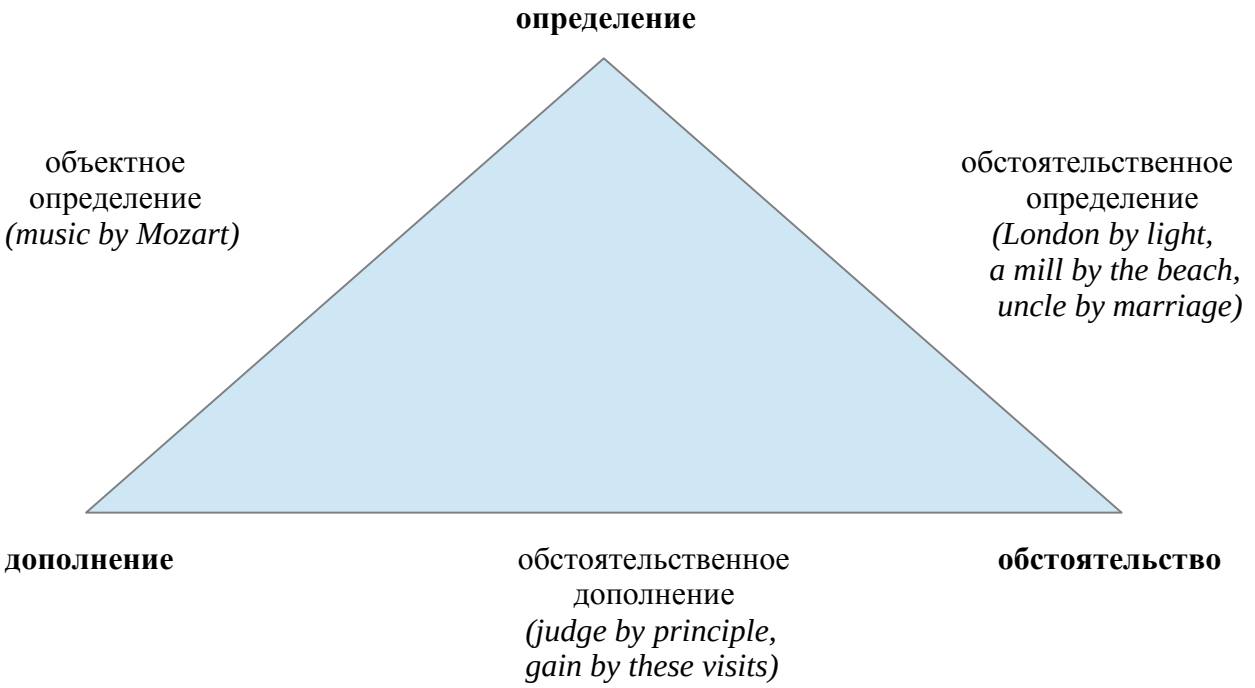

Рис. 1. Переходные типы второстепенных членов

Наиболее часто конструкции с предлогом *by* используются в функции дополнения при пассивной форме сказуемого (значение деятеля), а также для выражения инструментальных отношений. Эти значения, вероятно, можно рассматривать как прототипические. Во многих других случаях имеет место усложнение семантики и, соответственно, возникает зона переходности от одной функции к другой. Рассмотрим зону перехода от объектных к обстоятельственным функциям.

Обобщая результаты анализа переходных конструкций по шкале «объектность — обстоятельственность», отметим, что объектные характеристики часто объединяются с такими обстоятельственными признаками, как образ (способ) действия, условие, основание, причина. Например:

*(1) All the men who are making great names in Art ... are making them **by** avoiding the unexpected. (by what? / how? / because of what?)*

*(2) Each brother wore an air of aggravation as he looked at the other two, knowing **by** experience that they would try to eclipse his ailments. (by what? / because of what?)*

(3)....young Jolyon, June's father, who had made such a mess of it, and done for himself by deserting his wife and child and running away with that foreign governess. (by what? / how? / because of what?)

Некоторые из исследуемых конструкций не являются синкретичными и характеризуются функциональной однозначностью. Так, прототипическая («чистая») объектность выражается в конструкциях со значением агентивности или инструментальности в случае пассивной формы сказуемого. Обстоятельственность как прототипическая функция формируется, например, при выражении значения меры и степени или сопутствующего условия:

*(4) ...eldest **by** some years of all the Forsytes, she held a peculiar position amongst them.*

*(5) **By** some strange coincidence the butler appeared below.*

[13] См.: Galsworthy J. The Man of Property. URL : http://www.e-reading.by/book.php?book=79968 ; Голсуорси Дж. Собственник / пер. Н. А Волжиной. URL : http://www.e-reading.club/book.php?book=150984 (дата обращения: 17.04.2018)

Таким образом, исследуемые предложные конструкции могут выступать как в полярных (прототипических) функциях, так и объединять их свойства, что делает эти конструкции в различной степени удаленными от свойств прототипа:

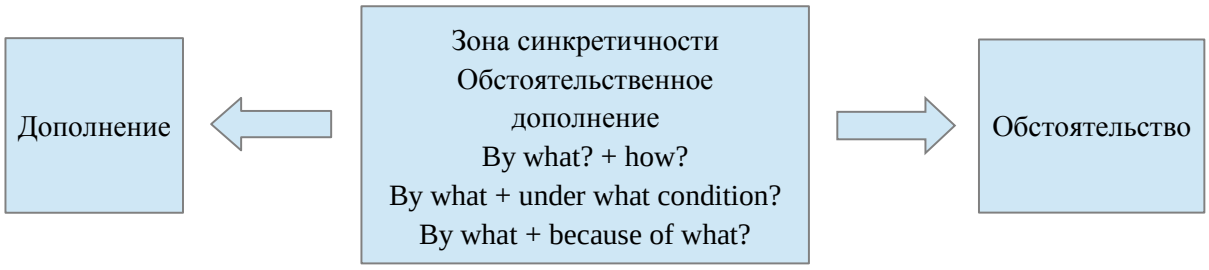

Рис. 2. Зона переходности между дополнением и различными видами обстоятельства

Исследуемые конструкции иллюстрируют синкретизм функций и по шкале «Обстоятельственность — атрибутивность». В рамках этой шкалы первичной, а потому наиболее ожидаемой от предложной конструкции является функция обстоятельства места, поскольку предлог *by* этимологически имеет пространственное значение «рядом».

*(6) The author of the uneasiness stood talking to June **by** the further door. — ...стоял у дальней двери и разговаривал с Джун.*

В таких случаях именной компонент предложной конструкции, обозначающий место, присоединяется однонаправленной связью к глаголу: *stood where? → **by** the further door.* Вопрос *где?* актуализирует локальную сему «место».

Тем не менее указание на местоположение может быть не целью, а лишь дополнительной информацией к характеристике объекта, что сближает конструкцию с определением, вторичной (неморфологизованной) функцией предложной конструкции:

*(7) From his seat **by** Mrs. Septimus Small Soames was watching. — Сомс внимательно разглядывал гостей со своего места рядом с миссис Септимус Смолл.*

В данном случае однонаправленная связь устанавливается не с глаголом, а с существительным: which seat? → ***by** Mrs. Septimus Small.*

*(8) He had to do with the land down in Dorsetshire, **by** the sea. — У него были какие-то дела с землей в Дорсетшире, на побережье.*

*Which land? → **by** the sea.*

Таким образом, в примерах 7–8 используется синкретичный член предложения — обстоятельственное определение.

Следует отметить, что иногда подобные предложные конструкции характеризуются двунаправленной связью, что создает смысловую неопределенность из-за возможности двоякой интерпретации, например:

*(9) He found ... a cart track ... leading down to a mill **by** the beach. — Он нашел там ... дорогу к мельнице на берегу.*

Такая интерпретация связана с возможностью рассмотрения конструкции как компрессии причастного оборота: *to a mill by the beach — to a mill **(located)** by the beach.* В русском переводе актуализируется атрибутивная функция *(What cart track?)*, хотя возможно и иное понимание: *Он нашел там ... дорогу, ведущую по берегу к мельнице (leading where?).* При этом вопрос *«Где?»* актуализирует локальную сему «траектория», выявляя обстоятельственные характеристики конструкции.

Синкретичные обстоятельственные определения могут включать не только пространственную и временную семантику, но и значение основания:

*(10) Baynes ... was the young man's uncle **by** marriage. — Бейнз ... приходится этому молодому человеку дядей по жене.*

*(11) The baby of the family, a publisher **by** profession, he had some years before…*

Это еще одна неморфологизованная синкретичная конструкция, вводимая предлогом *by*. В ней характеризующее значение (некровный, профессиональный) объединяется с обстоятельственными характеристиками.

На рисунке 3 представлены некоторые выявленные модели синкретичных обстоятельственных определений.

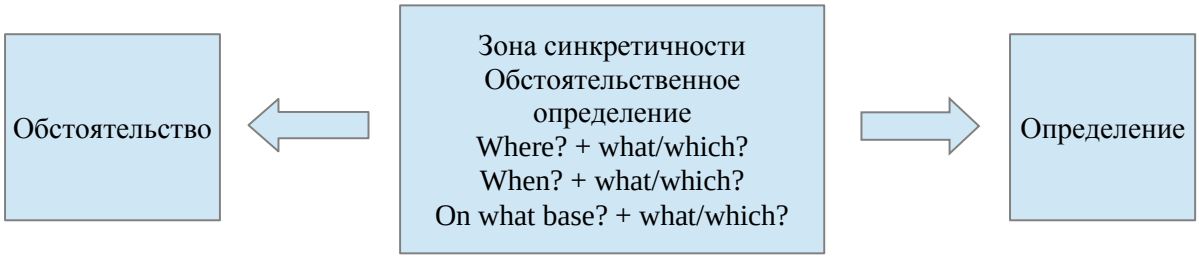

Рис. 3. Зона переходности между обстоятельством и определением

Другую модель синкретизма, но уже не обстоятельственно-определительных, а объектно-определительных отношений представим в следующем примере:

*(12) … not one of those new-fangled German pantomimes **by** that fellow Wagner. — …не какая-нибудь новомодная немецкая пантомима этого Вагнера. (чья? + исполненная кем?)*

Конструкции в функции объектного определения часто передают значение авторства, что сближает их с причастными оборотами, претерпевшими компрессию:

*(13) Pantomimes (performed) **by** that fellow Wagner.*

Music (composed) by Mozart.

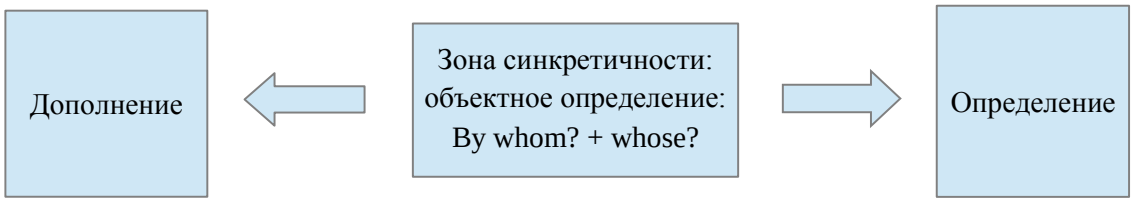

Рис. 4. Зона переходности между дополнением и определением

Таким образом, рассмотрение разнофункциональных предложных конструкций с предлогом *by* демонстрирует их коммуникативную значимость, способность передавать самые разные оттенки смысла в зависимости от прагматической установки говорящего и особенностей ситуации общения. При использовании в первичных функциях они выступают как тот или иной второстепенный член предложения, четко противопоставленный остальным, образуя жесткую трехкомпонентную систему второстепенных членов. При этом они как бы создают жесткую рамку, ограничивающую единый континуум, объединяющий всевозможные распространители предложения, образующие зоны переходности. Именно наличие переходных синкретичных конструкций лежит в основе вариативности и экспрессивности на синтаксическом уровне языка.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст]. — М. : Либроком, 2018. — 576 с.
2. Бабайцева, В. В. Явление переходности в грамматике русского языка [Текст] : моногр. — М. : Дрофа, 2000. — 640 с.
3. Бабайцева, В. В. Система членов предложения в современном русском языке [Текст] : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2011. — 496 с.
4. Болдырев, Н. Н. Концептуализация мира и члены предложения [Текст] // Языки и транснациональные проблемы : материалы I Междунар. науч. конф. — Тамбов : Изд-во ТГУ имени Г. Р. Державина, 2004. — С. 16–26.
5. Павлюковец, М. А. К вопросу о синкретизме в лингвистической теории [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета имени. А. И. Герцена. — СПб., 2008. — № 74-1. — С. 383—390. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sinkretizme-v-lingvisticheskoy-teorii (дата обращения: 17.04.2018)

6. Павлюковец, М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. — Ростов н/Д., 2009. — 22 с.

7. Пескова, Н. А. Функциональный синкретизм объектных конструкций с предлогом ‘by’ [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2017. — № 3 (42).– С. 52–58.

8. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М. : Просвещение, 1985. — 400 с. — Режим доступа : https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/ (дата обращения: 25.04.2018).

References

1. Akhmanova O. S. *Slovar lingvisticheskih terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms]. M. : Librokom, 2018. 576 p. (in Russian)

2. Babaytseva V. V. *Yavlenie perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The Phenomenon of Transitivity in the Russian Language Grammar]: monograph. M. : Drofa, 2000. 640 p. (in Russian)

3. Babaytseva V. V. *Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The System of Sentence Parts in the Russian Language] : monograph. M. : Flinta : Nauka, 2011. 496 p. (in Russian)

4. Boldyrev N. N. Kontseptualizatsiya mira i chleny predlozheniya [Conceptualization of the World and Sentence Parts]. *Yazyki i transnatsionalnye problemy :* Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Proceedings of the I-st International Academic Conference]. Tambov : Tambov State University named for G. R. Derzhavin, 2004. Pp. 16–26. (in Russian)

5. Pavlyukovets M. A. K voprosu o sinkretizme v lingvisticheskoy teorii [On the Problem of Syncretism in Linguistic Theory]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Newsletter of Herzen State Pedagogical University of Russia]. St. Petersburg, 2008. No. 74-1. Pp. 383–390. Mode of access : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sinkretizme-v-lingvisticheskoy-teorii (accessed: 17.04.2018). (in Russian)

6. Pavlyukovets M. A. *Sinkretizm na morfologicheskom i sintaksicheskom urovnyakh angliyskogo yazyka kak proyavlenie yazykovoy ekonomii: funktsional’nyy aspekt* [Syncretism on the Morphological and Syntactical Levels as Manifestation of Linguistic Economy: Functional Aspect] : Abstract of thesis. Cand. Philol. Science: 10.02.04. Rostov-on-Don, 2009. 22 p. (in Russian)

7. Peskova N. A. Funktsionalnyy sinkretizm obyektnykh konstruktsiy s predlogom ‘by’ [Functional Syncretism of Object Constructions with Preposition ‘by’. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. Ryazan, 2017. No. 3 (42). Pp. 52–58. (in Russian)

8. Rosental D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [The Reference Book of Linguistic Terms]. Moscow : Prosveshchenie, 1985. 400 p. Mode of access : https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/ (accessed: 25.04.2018) (in Russian)

Список литературных источников (Literary sources)

– Galsworthy, J. The Man of Property [Electronic recource]. — Mode of access : http://www.e-reading.by/book.php?book=79968 (accessed: 17.04.2018).

– Голсуорси, Дж. Собственник [Electronic recource] / пер. Н. А Волжиной. — Режим доступа : http://www.e-reading.club/book.php?book=150984 (дата обращения: 17.04.2018) (Galsworthy J. The Man of Property [*Sobstvennik*]. Transl. by N. A. Volzhina. Mode of access: http://www.e-reading.club/book.php?book=150984 (accessed: 17.04.2018). (in Russian)

Сведения об авторе

Пескова Наталья Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра германских языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». Почтовый адрес: 390000, Россия, Рязань, ул. Свободы, 46. Тел. (раб.): 8(4912) 21 57 23. E-mail: n.peskova@rsu.edu.ru

Peskova, Natalia — Ph. D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. Yesenin. Postal address: 46, Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8(4912) 21 57 23. E-mail: n.peskova@rsu.edu.ru

РАЗДЕЛ IV

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ: НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

УДК 378

Гао Юань, Ян Цзяшэн

Проектирование курса видеоаудирования на русском языке с использованием интернета *

В статье обобщены межвузовский опыт и цели организации курса видеоаудирования на русском языке как иностранном в нескольких вузах Китая, изложены основное содержание курса, его место в учебном процессе, концепция и особенности проектирования, методические принципы и способы обучения. Проведено углубленное исследование преимуществ использования интернет-ресурсов по сравнению с другими видами аудитивных и аудиовизуальных материалов, проанализированы возможные формы организации занятий по аудированию, охарактеризованы отношения между учителем и учениками во время занятий по аудированию с использованием Интернета.

обучение аудированию; русский язык как иностранный; интернет; принципы; способы обучения; содержание обучения

Gao Yuan, Yang Jiasheng

On Curriculum Design of Web-based Russian Audio-Visual Course

This paper sums up the aims, basic ingredients, orientation, design concept, characteristics, teaching principles and methods of the Web-based Russian Audio-Visual Course offered by several colleges in mainland China. It discusses the use of network resources, organization of audio-visual class, teacher-student relationship within the framework of the course, etc.

listening teaching; web; curriculum design; russian as a foreiqn lanquaqe; principles; techniques; content of language education

Широкополосные интернет-технологии, обеспечивающие высокоскоростной интернет, уже стали стандартными технологиями современного информационного общества и постоянно совершенствуются, что, в свою очередь, предоставляет много инновационных возможностей для обучения иностранным языкам. Так, развитие широкополосных технологий видео- и потокового мультимедиа способствует обучению аудированию, а возможность совместного пользования веб-ресурсами меняет сложившиеся традиционные отношения между преподавателем и учащимися. Обучение аудированию всегда являлось важной составляющей обучения иностранным языкам, однако благодаря интернету создаются предпосылки для трансформации традиционной методики обучения иностранным языкам, и в частности аудированию.

Харбинский педагогический университет, Харбинский политехнический университет, Хэйлунцзянский институт иностранных языков и Хэйлунцзянский восточный институт, следуя

* Статья является этапным результатом исследования гуманитарно-социального научно-исследовательского проекта отдела образования провинции Хейлунцзян (проект № 12532172) по разработке курса «Видеоаудирование на русском языке» и подготовке учебных пособий с использованием интернета. Перевод статьи с китайского языка на русский выполнен М.А. Рышковой, ведущим специалистом по учебно-методической работе НОП «Институт Конфуция РГУ имени С. А. Есенина».

© Гао Юань, Ян Цзяшэн, 2018

современным тенденциям, уже открыли учебные практические курсы видеоаудирования через интернет, а многолетние поиски и практика помогли аккумулировать большой методический опыт, постепенно сложившийся в концепцию курса, реализующего определенные систематические методы и принципы обучения. В данной статье обобщаются цели, основное содержание, концепция курса, особенности его проектирования в учебном процессе, методические принципы и способы реализации. Рассматривается потенциал использования интернет-ресурсов, возможные формы организации уроков аудирования, меняющаяся система взаимооотношений между преподавателем и учащимися на уроках аудирования с использованием интернета.

Цели и основное содержание курса

Курс «Видеоаудирование на русском языке с использованием интернета» ставит в качестве главной цели совершенствование навыков и умений аудирования продвинутого уровня по специальности «русский язык» в вузах, при этом уделяется внимание развитию умений чтения и перевода. В качестве контента видеоаудирования комплексно используются видео- и аудиозаписи русскоязычного интернета, главным образом телевизионные новости, сайты различных телепередач, а также источники с разными неспециализированными видеоматериалами. Объясняя ход выполнения заданий, преподаватель одновременно поясняет, как учащиеся могут с помощью интернет-технологий самостоятельно решить вопросы, возникающие у них в процессе аудирования.

Место курса в системе обучения

Данный курс главным образом ориентирован на студентов-бакалавров очной формы обучения по специальности «русский язык» в вузах с продвинутым уровнем языка. Он может быть предложен во втором семестре третьего курса или в первом семестре четвертого курса, а также подходит для учащихся по специальности «русский язык», имеющих восьмой уровень тестирования по аудированию или другие похожие подтверждения требований по уровню освоения русского языка. Помимо этого, курс могут проходить аспиранты, обучающиеся по специальности «русский язык», а также студенты других специальностей, имеющие общий курс русского языка и заинтересованные в повышении уровня аудирования на этом языке.

Концепция и особенности проектирования курса

1. Концепция проектирования курса

Проектирование данного курса основано на обучении *открытого типа*, при этом предлагается *децентрализация* видов деятельности на занятии.

Обучение *открытого типа* предполагает не ограничиваться только одним учебником, предлагающим один и тот же текст всем учащимся, а полноценно использовать интернет-источники и современные образовательные технологии. Основной целью изучения курса «Видеоаудирование на русском языке с использованием ресурсов интернета» является совершенствование навыков и умений воспринимать русскую речь на слух и умения применять интернет в учебных целях. Помимо аудирования, на занятиях стимулируется развитие навыков и умений иноязычного чтения и говорения, а также перевода.

Децентрализация учебной деятельности устанавливает доминанту личностной ориентации учебного процесса: в центре находится не учитель, а обучаемый. Исходя из этого в данном курсе «способы обучения» для учителя скорее являются «способами изучения» для учеников. Кроме того, сетевая среда помогает избежать пространственно-временные ограничения и учащиеся могут обучаться самостоятельно по гибкому графику в любое время и в любом месте. Применение интернета устраняет дисбаланс, когда преподаватель говорит большую часть времени, а студенты — меньшую. В предлагаемых условиях ученики могут полностью проявить свой потенциал, полноценно использовать интернет-источники и эффективно повышать уровень владения русским языком. Преподаватель играет роль *помощника* для учащегося. Он должен

всегда активно контролировать работу класса, быть руководителем, «менеджером» курса. Такие отношения между преподавателем и учащимися создают необходимые условия для дальнейшей реализации методики «перевернутого класса» при обучении аудированию.

2. *Особенности курса*

Аудирование всегда являлось в вузах одним из основных предметов по специальности «русский язык», причем занятия велись с первого по четвертый курс, традиционно разделяясь на две ступени: младшую (1–2 курсы) и старшую (3–4 курсы). На традиционных уроках по аудированию студентам обычно предлагаются два типа учебных материалов:

1) полная версия фильма на русском языке, например, оригинальные версии фильмов «Служебный роман», «Ирония судьбы» имеются в таких учебных пособиях, как 《俄语视听教程》[1] (курс видеоаудирования на русском языке), 《新编俄语视听教程》[2] (новый курс видеоаудирования на русском языке), 《俄语视听说教程》[3] (курс видеоаудирования и говорения на русском языке);

2) аудиозаписи российских теленовостей или материалов по специальным темам, например 《俄语电视新闻选》[4] (теленовости на русском языке), 《经贸俄语视听说教程》[5] (курс делового русского языка по аудированию и говорению), 《俄语高级视听说教程》[6] (продвинутый курс видеоаудирования и говорения на русском языке).

Данные аудиокурсы имеют следующие общие особенности: стандартизацию языкового материала (вне зависимости от того, заимствованные это материалы или составленные самостоятельно, им присуща аутентичность); акцент на полном и правильном понимании содержимого записи.

Помимо вышеуказанных особенностей, которыми обладает курс «Видеоаудирование на русском языке с использованием ресурсов интернета», отметим также и следующие:

1. Содержание обучения аудированию полностью основано на веб-ресурсах, при этом *ведущее место занимают видеоресурсы*.

В сравнении с традиционным радиотелевещанием видеоресурсы интернета имеют важные преимущества: возможность скачивания и повторов, трансляций в режиме реального времени; наличие субтитров к видео. По этим показателям интернет превосходит традиционные мультимедиа, четкость онлайн-видео постоянно увеличивается. Например, видеоразрешение на сайте российского государственного телеканала (Первый канал) уже достигает 1280×720 пикселей, частота кадров 25.00 fps, что является достаточным для учебных требований.

2. Основное внимание, в отличие от более традиционных курсов, сосредоточено не на том, как преподаватель должен *учить*, а как студент *может учиться*.

Почти на всех традиционных уроках аудирования учитель находится в центре, выбирает учебные пособия, планирует учебные программы, составляет учебные конспекты. Занятия проходят в классической последовательности: прослушивание текста, чтение новых слов, их объяснение преподавателем, обсуждение темы. В курсе же видеоаудирования на русском языке преподаватель также через интернет подбирает для студентов часть учебного материала, что соответствует традиционному подходу, однако студенты активно участвуют в формировании содержания обучения. Им предлагается заранее озвучить интересующие их темы, а затем под руководством преподавателя самостоятельно найти соответствующие источники в русскоязычном

---

[1] См.: Пяо Чанюй, Ван Сяньжун. Курс видеоаудирования на русском языке / Хэйлунцзянский ун-т. Харбин, 1997. 436 с. 朴昌玉，王宪荣. 俄语视听教程[M]. 哈尔滨：黑龙江大学俄语系，1997.

[2] См.: Чжао Вэй. Новый курс видеоаудирования на русском языке. Харбин : Изд-во Хэйлунцзян Жэньминь, 2004. 299 с. 赵为. 新编俄语视听教程[M]. 哈尔滨：黑龙江人民出版社，2004.

[3] См.: Сунь Ханьцзюнь. Курс видеоаудирования и говорения на русском языке. Шанхай : Обучение иностранным языкам, 2006. 297 с. 孙汉军. 俄语视听说教程 [M]. 上海：上海外语教育出版社，2006.

[4] См.: Гао Чжунъинь. Теленовости на русском языке. Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 2005. 320 с. 高中音. 俄语电视新闻选. 北京：外语教学与研究出版社，2005.

[5] См.: У Цюся, Гао Чжунъинь. Курс делового русского языка по аудированию и говорению. Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 1997. 434 с. 武秋霞，高中音. 经贸俄语视听说教程[M]. 北京：外语教学与研究出版社，1997.

[6] См.: Цуй Вэй. Продвинутый курс видеоаудирования и говорения на русском языке. Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 2015. 368 с. 崔卫，俄语高级视听说教程[M]. 北京：外语教学与研究出版社，2015.

интернет-пространстве. Преподаватель может дать студентам ключевые слова, связанные с популярной в последние несколько лет темой «Выборы президента», а затем проинструктировать их при поиске в русскоязычном интернете соответствующих видеоисточников (как новостей, так и других видео). Например, если по данной теме ввести на сайте *www.1tv* в строку поиска ключевое слово «выборы», поиск может показать другие омонимы, что повлияет на эффективность достижения цели, поэтому сразу важно найти новостные репортажи с широким спектром ключевых слов в таких сообщениях, как: «Центризбирком проверяет документы, которые подали желающие участвовать в выборах президента», «Владимир Путин подал документы для выдвижения кандидатом на выборах президента России», «В России начался сбор подписей за выдвижение кандидатом на мартовских выборах президента Владимира Путина».

Тематика на занятиях по видеоаудированию может широко варьироваться — от обновления *iPhone* до использования косметики. Предоставляя студентам значительную свободу в выборе интересующего их содержания, преподаватель должен акцентировать их внимание на важных текущих (или недавних) событиях, обеспечивать психологическое вовлечение в учебный процесс, повышать его привлекательность, создавать у обучающихся внутреннюю мотивацию.

В процессе обучения от учителя также требуется умение мобилизовать инициативу учащихся, помочь им наилучшим способом пользоваться интернет-источниками, с помощью имеющихся ресурсов на месте разрешать возникающие в ходе отработки навыков аудирования трудности.

3. Использование полных субтитров, прилагаемых к выбранным аудиовизуальным материалам интернета.

Содержанием занятий по аудированию данного курса являются источники русскоязычного интернета, которые представлены главным образом сайтами новостей российских телеканалов («Первый канал», «Вести.Ru», «НТВ» и др.) и видеосайтами. Российская поисковая система «Яндекс», специализированные видеосайты *Youtube, Rutube* также богаты видеоматериалами. Помимо этого, существуют сайты, не содержащие изначально видео, например, радиокомпаний, печатных средств массовой информации (новости с использованием текстов и изображений), которые в настоящее время предоставляют разнообразные аудиовизуальные материалы. Однако, поскольку не на всех сайтах имеются полные субтитры видеосодержимого, мы на занятиях выбираем только те материалы, для которых обязательно предоставляется доступ к субтитрам, что очень важно и удобно для самопроверки учащихся. Преподаватель также может давать учащимся определенное количество текстовой записи как аудитивный материал или проводить устное объяснение. Но если практика устного восприятия ограничивается только рамками аудиторного занятия, то такой метод обучения нельзя применять продолжительно, поскольку он не может помочь учащимся самостоятельно совершенствовать навыки и умения аудирования. В связи с этим лучше использовать интернет-сайты основных российских телеканалов, которые обеспечивают полноту и точность субтитров. При использовании других сайтов есть риск дефектов записи или несоответствия времени наложения текста на аудиодорожки. Об этой особенности необходимо рассказать учащимся, чтобы они были готовы сопоставлять устный и письменный потоки информации в ходе самостоятельного прослушивания.

В Китае есть две диаметрально противоположные точки зрения на обучение аудированию среди изучающих русский язык. Согласно первой точке зрения, не следует предоставлять субтитры для материалов аудирования, чтобы учащиеся могли слушать запись без опоры на письменный текст. До прослушивания записи преподаватель может пояснить смысл некоторых лексических единиц или синтаксических конструкций, в остальном же студенты работают самостоятельно, многократно прослушивая материал вплоть до его полного понимания. В соответствии со второй точкой зрения, следует предоставлять учащимся письменный текст (транскрипт) материалов аудирования, чтобы они могли воспользоваться им в случае, если не смогли на слух понять те или иные фразы. Мы придерживаемся второй точки зрения и полагаем, что практика аудирования — это процесс перехода количества в качество. Только при большом объеме прослушивания, понимании прослушанного текста, использовании максимально широкого списка видеоресурсов интернета с субтитрами, стимулировании учащихся к самостоятельному поиску источников можно качественно повысить уровень аудирования. Это принципиальная стратегическая позиция, и ее эффективность подтверждается многолетней практикой преподавания.

Методические принципы и способы обучения

Основной методический принцип курса видеоаудирования на русском языке через интернет состоит в том, чтобы помочь учащимся самостоятельно учиться. Вся педагогическая деятельность преподавателя организуется именно вокруг этого принципа и служит его реализации.

Интернет выступает как новая экологическая среда, в которой реализуется «обучение самостоятельному научению» и которая соответствует идеям Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития» [7]. «Зона ближайшего развития» обозначает разницу между уровнями фактического и потенциального развития, при этом первый уровень отражает способность учащегося самостоятельно решать задачи конкретного уровня сложности, а последний отражает способность решать задачи в процессе взаимодействия с преподавателем. В условиях интернет-среды учащиеся могут в соответствии со своими возможностями выбирать учебный материал, способы выполнения, уровень сложности, темп, а основная задача преподавателя — направлять работу учащихся и помогать им. Только в этом случае можно полноценно реализовать принцип индивидуального подхода к обучающимся. На занятиях по видеоаудированию на русском языке с использованием интернета преподаватель проектирует и стимулирует коллективную работу учащихся. Подобную работу он дает им на дом, которая включает следующие задания: найти видеоматериалы по конкретной теме, например «Влияние снижения стоимости нефти на международных рынках на экономику России», изучить их достаточно подробно, чтобы суметь объяснить суть проблемы. На следующем занятии проводится анализ и обсуждение проблемы, которое может проходить как соревнование между малыми группами. Преподаватель может войти в состав одной из групп или, сохранив нейтралитет, помогать всем учащимся. Работа в малых группах развивает умения творческого взаимодействия, обеспечивает развитие когнитивных способностей учащихся. Интернет и мультимедийные технологии, стимулирующие интерес учащихся и сочетающие самостоятельность и сотрудничество, создают образовательную среду, в которой преподаватель действует по принципу: “不愤不启。不悱不发”。(«Я не разжевываю истины для тех, кто сам не горит жаждой знания, и не даю подсказок тем, кто не стремится сам найти ответ») [8].

Обучение иностранным языкам через интернет можно проводить по разным моделям, например:

- аудиторное обучение в качестве основного компонента и интернет-обучение в качестве вспомогательного или, наоборот, интернет-обучение как центральное звено и личный контакт с преподавателем как дополнительный компонент;
- самостоятельное обучение аудированию на основе интернета;
- проблемное обучение аудированию на иностранном языке с использованием интернета;
- кооперативное (совместное, партнерское) обучение с использованием интернета;
- исследовательское обучение на иностранном языке с использованием интернета.

На курсах видеоаудирования на русском языке с использованием интернета для специальности «русский язык», проводимых в Харбинском педагогическом университете, Харбинском политехническом университете, Хэйлунцзянском институте иностранных языков и Хэйлунцзянском восточном институте применяется первая модель обучения, где основная роль принадлежит аудиторным занятиям, а интернет-обучение выступает как вспомогательное звено. Основная причина использования этого метода — отсутствие полноценных условий для коллективной одновременной онлайн-работы учащихся в интернете. В настоящее время преподаватели в большей степени используют приемы объяснения и демонстрации с помощью мультимедийных технологий (проектор) при проведении практических занятий по аудированию с помощью интернета. После занятий учащиеся в соответствии с предоставленными учителем рекомендациями относительно способов и последовательности решения задач выполняют домашнее задание. При условии полной комплектации компьютерных классов и возможности предоставления каждому из учащихся компьютера преподаватель может индивидуально направлять обучение каждого студента, а после самостоятельного выполнения задания обеспечивать сотрудничество учащихся, то есть работу в малых группах.

---

[7] Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 2005. 352 с. С. 240–241.

[8] Лунь Юй, или Беседы и суждения (памятник конфуцианства). Гл. 7, афоризм 8. URL (русский вариант) : (http://behaviorist-socialist-ru.blogspot.com/2013/07/7.html ; URL (оригинал) : http://blog.sina.com.cn/s/blog_4917b1870102xks4.html (дата обращения: 28.08.2018).

В настоящее время появление мобильных устройств и интернета 4G предоставило новые возможности для реализации данного курса. В учебных учреждениях появились аудитории с WiFi-доступом, благодаря чему учащиеся могут заходить в интернет с помощью планшетных компьютеров или телефонов. Мобильные устройства не только повышают удобство пользования интернет-ресурсами, помогают оценивать учебную деятельность, но и способствуют общению между учащимися, а также между учащимися и преподавателем.

Совершенствование навыков и умений аудирования — это основная, но не единственная цель курса. Учащиеся используют ресурсы интернета и для совершенствования в чтении, говорении и переводе. В процессе самообучения они сталкиваются с проблемами огромного выбора видеоресурсов для аудирования, поисковых систем, онлайн-словарей и других интернет-инструментов. Решение этих вопросов также является педагогической задачей данного курса [9].

Учебная программа и программа экзаменов

Согласно «Учебному плану по специальности “русский язык” в высших учебных заведениях» [10], в учебной программе курса видеоаудирования на русском языке с использованием интернета изложены определенные требования.

Общее количество часов обучения рассчитывается на 14 недель, по 2 часа в неделю (всего 28 часов).

Для изучения данного курса учащиеся должны владеть лексикой приблизительно в 4000 слов, обладать базовыми навыками грамматики русского языка, а также навыками и умениями аудирования на русском языке, соответствующими средней ступени обучения.

Если данная программа реализуется на третьем курсе, от учащихся требуется понимание на слух репортажей с сайтов российских теле- и радиокомпаний на самые разные темы (политика, международные отношения, экономика, культура, важные общественные события, бытовые проблемы и др.), а также способность понимать аудиоматериалы при скорости речи диктора 80–110 слов/мин, что по сложности соответствует продвинутому уровню русского языка третьего курса. Текст при этом прослушивается дважды и точность понимания должна быть не менее 60 %.

Если начинать занятия на четвертом курсе, то от учащихся требуется понимание на слух новостных репортажей российских теле- и радионовостей, интервью по проблемам политики, международных отношений, экономики, важных общественных событий, а также различных аналитических передач. Помимо этого, необходимо понимать документальные фильмы и рекламные вставки. При скорости речи 90–120 слов/мин точность понимания должна быть не менее 60 %.

Что касается устной речи, то учащиеся после прослушивания должны уметь в ходе беседы обсуждать вопросы по теме, обмениваться мнениями, выступать с речью. От них требуется максимальная правильность и точность использования языковых средств, логическая связность речи и адекватность реакции, свидетельствующие об успешном осуществлении коммуникации.

Основное содержание экзамена включает:

- важные текущие события (политические, экономические, культурные);
- страноведческие материалы о России, включая традиционную культуру и жизнь современных россиян;
- российско-китайские отношения (политика, сотрудничество в сфере экономики, обороны, современных технологий, культуры);
- мир глазами русских (международная обстановка, финансовое состояние, культура и искусство, герои новостей, развитие технологий, охрана окружающей среды, спорт, гигиена и здоровье, развлечения);
- Китай глазами русских, включая традиционную культуру Китая и китайскую политику, экономику, общество, культурную жизнь и технический прогресс.

---

[9] См.: Ян Цзяшэн. Освоение и использование интернет-ресурсов на уроках русского языка // Обучение русскому языку в Китае. 2005. № 3. С. 51–56. 杨家胜. 网络资源在俄语教学中的开发与利用[J]. 中国俄语教学，2005(3).

[10] См.: Учебный план по специальности «русский язык» в высших учебных заведениях / Рабочая группа по русскому языку, руководящая комиссия по обучению специальности «иностранный язык» в высших учебных заведениях. 2-е изд. Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 2012. 380 с. С. 10. 高等学校俄语专业教学大纲（第二版），高等学校外语专业教学指导委员会俄语组，外语教学与研究出版社，2012.

Экзамен также включает содержание, которое самостоятельно выбирает учащийся, причем материалы постоянно обновляются.

Данный учебный план и программа экзаменов реализуются в Харбинском педагогическом университете, Харбинском политехническом университете, Хэйлунцзянском институте иностранных языков, Хэйлунцзянском восточном институте.

Пример плана учебного занятия

Относительно методики преподавания мы предлагаем разбить процесс обучения на занятии на следующие этапы:

1. Просмотр учащимися видео в первый раз, затем пересказ на русском языке основного содержания.
2. Просмотр видео во второй раз.
3. Ознакомление с новыми словами и словосочетаниями.
4. Просмотр видео в третий раз, прослушивание записи, поиск учащимися предложений, трудных для понимания, и их перевод.
5. Просмотр видео в четвертый раз, ответы на вопросы по содержанию видео.
6. Диктант.
7. Просмотр видео в пятый (последний) раз.

Следующие два этапа состоят из заданий по выбору, включающих просмотр дополнительного видео по похожей тематике или использование лексического материала как опорного для устного обсуждения проблематики видеоматериала, с которым ознакомились учащиеся.

Если во время просмотра видео в пятый раз учащиеся все же не полностью поняли содержание, можно разобрать предоставляемую к видео запись субтитров, помочь проанализировать трудности восприятия на слух и сделать выводы.

После использования субтитров, мы также можем предложить учащимся снова просмотреть видео вплоть до полного понимания аудиотекста.

Связь с другими дисциплинами специальности

Курс видеоаудирования на русском языке с использованием интернета тесно связан с такими дисциплинами продвинутого уровня, как уроки аналитического чтения, устной речи, перевода и даже грамматики и стилистики. Все они, согласно китайской пословице «Камень с другой горы годится для полировки яшмы», взаимно дополняют друг друга.

Внедрение курсов видеоаудирования на русском языке с использованием интернета дает положительные результаты начиная с 2007 года. Самые распространенные отзывы учащихся: «научились эффективно пользоваться интернетом», «приобрели новые знания и навыки», «укрепился интерес к русскому языку». Разница между обучением аудированию с использованием интернета и традиционным обучением очевидна, но требуются дальнейшие сопоставительные исследования результатов обучения по разным моделям.

В настоящее время в Китае уже создана крупнейшая Сеть нового поколения, заложены основы внедрения в производство ее ключевых технологий и оборудования. Главными особенностями интернета нового поколения являются:

– использование адреса IPv6;
– передача данных с помощью полностью оптической Сети;
– применение мобильного интернета;
– поддержка разного вида Сетей.

Стремительное развитие интернета, с одной стороны, предоставляет огромные образовательные возможности, в том числе для обучения аудированию, с другой стороны, вызывает новые вопросы, например, как может помочь функция различения звуков в мобильных устройствах при выполнении упражнений на различение похожих иностранных слов. Увеличение количества мобильных устройств расширяет границы аудиторного занятия, в связи с чем предстоит пересмотреть соотношение «обучения и изучения», систему взаимоотношений между преподавателем и обучаемыми (руководство учебным процессом, оценка учебной деятельности и т. п.).

Несмотря на возникающие проблемы, развитие новых интернет-технологий играет все более выраженную стимулирующую роль в обучении иностранным языкам.

Список использованной литературы

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст]. — М. : Лабиринт, 2005. — 352 с.
2. 高中音. 俄语电视新闻选[M]. 北京：外语教学与研究出版社，2005. Гао Чжунъинь. Теленовости на русском языке [Текст]. — Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 2005. — 320 с.
3. 朴昌玉，王宪荣. 俄语视听教程[M]. 哈尔滨：黑龙江大学俄语系，1997. Пяо Чанюй. Курс видеоаудирования на русском языке [Мультимедиа] / Пяо Чанюй, Ван Сяньжун ; Хэйлунцзянский ун-т. — Харбин, 1997. — 436 с.
4. 孙汉军. 俄语视听说教程[M]. 上海：上海外语教育出版社，2006. Сунь Ханьцзюнь. Курс видеоаудирования и говорения на русском языке [Мультимедиа]. — Шанхай : Обучение иностранным языкам, 2006. — 297 с.
5. 武秋霞，高中音. 经贸俄语视听说教程[M]. 北京：外语教学与研究出版社，1997. У Цюся. Курс аудирования и говорения делового русского языка [Мультимедиа] / У Цюся, Гао Чжунъинь. — Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 1997. — 434 с.
6. 高等学校俄语专业教学大纲（第二版），高等学校外语专业教学指导委员会俄语组，外语教学与研究出版社，2012. Учебный план по специальности «русский язык» в высших учебных заведениях [Текст] / Рабочая группа по русскому языку, руководящая комиссия по обучению специальности «иностранный язык» в высших учебных заведениях. — 2-е изд. — Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 2012. — 380 с.
7. 崔卫，俄语高级视听说教程[M]. 北京：外语教学与研究出版社，2015. Цуй Вэй. Продвинутый курс видеоаудирования и говорения на русском языке [Текст]. — Пекин : Обучение иностранным языкам и их исследование, 2015. — 368 с.
8. 张红玲，朱晔，孙桂芳. 网络外语教学理论与设计[M]. 上海：上海外语教育出版社，2010. Чжан Хунлин. Методика и проектирование обучения иностранным языкам с использованием интернета [Мультимедиа] / Чжан Хунлин, Чжу Е, Сунь Гуэйфан. — Шанхай : Обучение иностранным языкам, 2010. — 579 с.
9. 赵为. 新编俄语视听教程[M]. 哈尔滨：黑龙江人民出版社，2004. Чжао Вэй. Новый курс видеоаудирования на русском языке [Мультимедиа]. — Харбин : Изд-во Хэйлунцзян Жэньминь, 2004. — 299 с.
10. 杨家胜. 网络资源在俄语教学中的开发与利用[J]. 中国俄语教学，2005. (3). Ян Цзяшэн. Освоение и использование интернет-ресурсов на уроках русского языка [Текст] // Обучение русскому языку в Китае. — 2005. — № 3. — С. 51–56.

References

1. Vygotsky, L. S. *Myshlenie i Rech* [Thinking and Speech]. Moscow : Labirinth, 2005. 352 p. (in Russian)
2. 高中音. 俄语电视新闻选[M]. 北京：外语教学与研究出版社，2005. Gao Zhongyin. *Tele-News in Russian.* Beijing : Foreign Language Education and Research Publishing House, 2005. 320 p. (in Chinese)
3. 朴昌玉，王宪荣. 俄语视听教程[M]. 哈尔滨：黑龙江大学俄语系，1997. Piao Changyu, Wang Xianrong. *Web-based Russian Audio-Visual Course.* Haerbin : Heilongjiang University, 1997. 436 p. (in Chinese)
4. 孙汉军. 俄语视听说教程[M]. 上海：上海外语教育出版社，2006. Sun Hanjun. *Audio-Vusual Course of Russian: Listening and Speaking.* Shanghai : Foreign Language Education Publishing House, 2006. 297 p.(in Chinese)
5. 武秋霞，高中音. 经贸俄语视听说教程[M]. 北京：外语教学与研究出版社，1997. Wu Qiuxia, Gao Zhongyin. *Business Communication in Russian: A Listening and Speaking Course.* Beijing : Foreign Language Education and Research Publishing House,1997. 434 p. (in Chinese)
6. 高等学校俄语专业教学大纲（第二版），高等学校外语专业教学指导委员会俄语组，外语教学与研究出版社，2012. *Curriculum Framework For Russian as a Major in Tertiary Education*. Designed by a team of Russian Language Teachers and the Committee for Teaching Russian as a Major in Tertiary Education Institutions. 2nd ed. Beijing : Foreign Language Education and Research Publishing House, 2012. 380 p. (in Chinese)
7. 崔卫，俄语高级视听说教程[M]. 北京：外语教学与研究出版社，2015. Cui Wei. *Advanced Video Course of Listening and Speaking in the Russian Language.* Beijing : Foreign Language Education and Research Publishing House, 2015. 368 p. (in Chinese)
8. 张红玲，朱晔，孙桂芳. 网络外语教学理论与设计[M]. 上海：上海外语教育出版社，2010. Zhang Hongling, Zhu Ye, Sun Guifang. *Methodology and Design of Internet-Based Foreign Language Teaching.* Shanghai : Foreign Language Education Publishing House, 2010. 579 p. (in Chinese)
9. 赵为. 新编俄语视听教程[M]. 哈尔滨：黑龙江人民出版社，2004. Zhao Wei. *A New Audio-Visual Course of Russian*. Haerbin : Heilongjiang Renmin, 2004. 299 p. (in Chinese)
10. 杨家胜. 网络资源在俄语教学中的开发与利用[J]. 中国俄语教学，2005. (3). Yang Jiasheng. Learning to Use Internet Resources in Classes of Russian . *Teaching Russian in China*. 2005. No 3. Pp. 51–56. (in Chinese)

Сведения об авторах

Гао Юань — магистр филологии, старший преподаватель факультета русского языка филиала Жунчэнского института Харбинского политехнического университета. Почтовый адрес: Китай, 264300, провинция Шаньдун, г. Жунчэн, Институтский проспект, д. 2006. Тел.: 13706316261. E-mail: 810166818@qq.com

Gao Yuan — Master of Philology, Senior Teacher, Russian Language Dpt., Rongcheng Institute of Harbin University of Science and Technology. Postal address: 2006, Institute Avenue, Rongcheng, Shandong Province, 264300, China. Tel.: 13706316261. E-mail: 810166818@qq.com

Ян Цзяшэн — доктор филологических наук, доцент Института славянских языков Харбинского педагогического университета, научно-исследовательский центр обучения русскому языку. Почтовый адрес: Китай, 150025, г. Харбин, провинция Хэйлунцзян, ул. Шидалу, д. 1. Тел.: 18845769331. E-mail: yangjiasheng@126.com

Yang Jiasheng — Ph. D. (Doctor of Literature), Associate Professor, Institute of Slavic Languages and the Research Centre for Russian Language Education at Harbin Normal University. Postal address: 1, Shidalu, Harbin, 150025, Heilongjiang Province, China. Tel.:18845769331. E-mail: yangjiasheng@126.com

УДК 81’25

Юань Мяосюй

Новейшие издания русских переводов китайской прозы и поэзии в XXI веке

В статье прослеживается ситуация с новейшими изданиями русских переводов китайской прозы и поэзии. Приводятся данные о количестве переведенных и опубликованных в России за последние годы произведений китайских писателей. Автор приходит к выводу, что в XXI веке на русском книжном рынке восстановилась и продолжает развиваться издательская деятельность по подготовке и выпуску произведений как китайской классики, так и современных авторов, характерными особенностями которой являются государственная поддержка, специализированные издательства, осуществляющие переводы российской стороной, недостаточная привлекательность книг для массового читателя, нехватка их цифровых версий. Автор поддерживает практику перевода китайских произведений на русский язык совместными усилиями китайских и русских переводчиков во избежание ошибок по причине непонимания некоторых особенностей культуры языка-источника.

китайская литература; русские переводы; новейшие издания

Yuan, Miaoxu

The Newest Russian Translations of Chinese Novels and Poetry in the XXI Century

This paper examines the latest Russian translations of Chinese novels and poetry in the XXI century. The paper provides the data testifying to the gradual recovery and development in the sphere of translating and publishing the works of Chinese authors in Russia. The author champions the practice of joint effort of Chinese and Russian translators so as to avoid translation mistakes caused by insufficient understanding of the peculiarities of Chinese culture. In general, the author describes the present-day situation on the book market as characterized by governmental support, specialized publishing houses, independent translations of the Russian specialists, lack of digital versions of books, and insufficient interest demonstrated by the reading public in Russia.

chinese literature; russian translations; the newest editions

С тех пор как академик В. М. Алексеев (1881–1951) подчеркнул значимость изучения китайской литературы в развитии синологии, прошло уже более ста лет. Первый пик переводческой деятельности пришелся на 1950-е годы, когда советско-китайские отношения стали особенно дружественными, классическая и современная китайская литература издавалась по всей стране большими тиражами и значительный интерес к ней проявлял не только широкий советский читатель, но и много китаеведов. Помимо шедевров китайской классики и литературных произведений, написанных после 1920-х годов, в тот период вышел в свет и ряд научных работ о творчестве отдельных писателей, китайской литературной теории, истории китайской литературы и т. п. К сожалению, сильная зависимость литературных контактов от политической ситуации привела к спаду в распространении китайской литературы после периода напряженности между двумя странами. Восстановление литературных связей произошло лишь в 1980-х годах благодаря нормализации двусторонних отношений, а распространение китайской литературы в России уже — в новом веке.

Всестороннее сотрудничество между Россией и Китаем в XXI веке создает благоприятные условия для развития культурного обмена между двумя народами, в том числе в сфере литературных контактов. Более чем за семнадцать лет (с 2001 по июнь 2018 г.) в России вышло 91 отдельное издание китайской прозы и поэзии, из них: в 2001 году опубликовано 0; 2002 — 1; 2003 — 10; 2004 — 2; 2005 — 2; 2006 — 5; 2007 — 8; 2008 — 2; 2009 — 0; 2010 — 1;

© Юань Мяосюй, 2018

2011 — 1; 2012 — 4; 2013 — 3; 2014 — 15; 2015 — 9; 2016 — 12; 2017 — 13; 2018 — 3 [1]. Конечно, отдельные произведения были опубликованы и в журналах, но их количество невелико [2].

На основе вышеприведенной статистики переводческая деятельность китайской литературы в XXI веке может быть разделена на два этапа: восстановление (2001–2010 гг.) и дальнейшее развитие (2011 – настоящее время).

За первое десятилетие были опубликованы и классические, и современные произведения. К числу первых относятся 4 антологии поэзии, 1 антология драмы, 1 антология прозы, 6 персональных сборников прозы, 1 роман; к числу вторых — 7 антологий прозы, 1 антология поэзии, 3 персональных сборника современных писателей (Ван Мэн, Фэн Цзицай и Чжан Цзе), 7 романов. В поле зрения переводчиков и исследователей китайской литературы находится, прежде всего, классическая поэзия и проза. Их изучению были посвящены изданные в 2003 году 7 книг, входящих в «Золотую серию китайской литературы», и в 2006 году первые два тома поэзии и прозы в переводе В. М. Алексеева. Интересно, что вместо четырех престижных классических романов [3] более привлекательными для русского читателя стали сборники рассказов Пу Сунлин (1640–1715) с восточным загадочным оттенком «Искусство лисьих наваждений: китайские предания о чудесах», «Странные истории. Рассказы о людях необычайных» и «Лисьи чары. Монахи-волшебники», что подтверждается их многократным переизданием (17 раз) в течение 80 лет со дня их первого опубликования в России. Это объясняется, очевидно, тем, что и читатель, и тем более издательства, переживавшие духовный кризис после распада СССР, уже были равнодушны к темам социалистического общества, модным в 1980-х годах. По сравнению с объемными романами, короткие рассказы легче воспринимаются массовым читателем. Таким образом, издания классической литературы в тот период были тесно связаны с научным интересом русских китаеведов и поэтому публиковались в основном малыми тиражами.

В отношении современной литературы все обстоит иначе. Так, только за 2007 год было издано 5 антологий, 1 персональный сборник повестей и 1 роман, что неслучайно. Большая часть из них вышла при государственной финансовой поддержке в рамках «Года Китая в России» в 2007 году. При выборе произведений в меньшей степени учитывались мнения российской стороны, вследствие чего «даже при высоком художественном уровне часть сочинений не соответствовала вкусам или была непонятной для российских читателей» [4]. В изданиях 2001–2010 годов чаще всего встречаются произведения писателя Ван Мэна, который начал свое творчество в 1950-х годах и переводился на русский язык уже с 1980-х. Будучи бывшим министром культуры Китая, почетным председателем Союза китайских писателей и профессором многочисленных вузов, он хорошо знает внутренние литературные направления разных периодов после образования Китая и относительно близок «в мировоззренческом плане» [5] к среднему и старшему поколению русской интеллигенции. Из-за малого количества переводов писателей, которые публиковались в Китае после 1970-х годов, картина развития современной китайской литературы далеко не полна. В 2005–2006 годах были изданы три эротических романа («Конфетка», «Крошка из Шанхая» и «Замужем за Буддой») и два мистических («Вирус» и «Заклятие»), однако эти китайские бестселлеры не вызвали в России большого интереса, ожидаемого издательствами. Писатели Миан Миан, Вэй Хой и Цай Цзюнь, хотя и относятся к писателям нового поколения, ведущими не считаются. В частности, Миан Миан и Вэй Хой имели успех на Западе лишь потому, что их произведения наполнены эротическими сценами и пронизаны мрачным колоритом. Кроме того, переводы этих произведений были выполнены с английского издания

---

[1] Сведения об изданиях в России китайской литературы, за исключением детской, собраны по состоянию на конец июня 2018 года.

[2] См.: Гао Синцзянь. Нобелевская лекция (Иностранная литература. 2001. № 5) ; Чжан Сяньлян. История про старика Сина и его собаку (Азия и Африка сегодня. 2005. № 11; 2006. № 1) ; Юй Хуа. Аппендикс (Институт Конфуция. 2011. № 4) ; Мо Янь. Белая собака на качелях (Институт Конфуция. 2012. № 6) ; Цю Хуадун. Халат с драконами (Иностранная литература. 2017. № 4) ; Шэн Кэи. Райская обитель (Иностранная литература. 2018. № 4).

[3] См.: Ши Най-Ань. Речные заводи ; Ло Гуань-чжун. Троецарствие ; У Чэн-энь. Путешествие на Запад ; Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме.

[4] Родионов А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 13. 2010. № 2. С. 137–149. С. 139.

[5] Там же. С. 141.

и специалисты-китаеведы обнаружили немало ошибок. Рассмотрим подробнее роман Цзян Жун «Волчий тотем», изданный в 2007 году (тираж 10 000 экз.) и посвященный противостоянию людей и волков, простому миру кочевника во внутренней Монголии — самобытной провинции Китая. Мы не будем останавливаться на художественных достоинствах этого романа, но большое количество отзывов свидетельствует, что читательский интерес в России вызывают именно такие произведения с национально-культурной спецификой.

Итак, в течение первого десятилетия XXI века активность перевода китайской литературы росла, но недостаточно быстрыми темпами. Классические произведения по-прежнему привлекали к себе внимание и ученых, и читателей. В то же время современные китайские писатели, такие как Мо Янь, Юй Хуа, Су Тун, Ван Аньи, хотя и были переведены на русский язык (преимущественно в отрывках или отдельными рассказами [6]), но оставались вне литературного русского круга. В тот период ни литераторы, ни читатели не успели обратить на них внимание.

С 2011 года и по сей день в переводческой деятельности китайская классическая литература существенно уступает современной. В изданиях классики [7] встречаются лишь 2 антологии прозы, 2 антологии поэзии, 1 персональный сборник стихов и 7 романов, причем 6 из них были переизданы в рамках двусторонней «Программы перевода и издания произведений российской и китайской классической и современной литературы» (далее «Программа»). Единственным изданием классического романа, который был впервые переведен на русский язык, является четвертый (последний) том наиболее знаменитого и скандального романа неизвестного автора «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе», созданного в конце XVI — начале XVII века. В нем нет описания исторических событий или мифов. Это первое в истории китайской литературы произведение, персонажи и сюжеты которого взяты из реальной жизни и в котором отображены темные стороны общества того времени. С тех пор в китайской литературе началось развитие реализма как художественного метода и литературного направления, что оказало влияние на другой роман «Сон в красном тереме» — вершину классической литературы середины XVIII века. Первым его перевел на русский язык Г. О. Монзелер (1900–1959), но целиком, без купюр, роман был издан только в 2016 году в переводе В. С. Манухина, О. М. Городецкой, А. И. Кобзева и В. С. Таскина [8]. Учитывая, что его тираж составил всего 300 экземпляров, этот многолетний труд опять-таки останется недоступен широкой читательской публике. Стоит отметить также антологию «Три вершины, семь столетий. Антология лирики средневекового Китая», в которой впервые показано движение художественной мысли к человеку, к чувственному дыханию музыкальных строф в течение трех великих периодов Тан, Сун и Юань с начала VII и до второй половины XIV века. В ее переводе принял участие и китайский переводчик русской поэзии профессор Гу Юй, который, по словам С. А. Торопцева, тщательно проверил точность переведенного текста. В переводческой практике успешная модель совместной работы положительно влияет на распространение иностранной литературы.

После 2011 года в России отмечается резкое увеличение переводов современной китайской литературы. Так, за последние семь лет вышло 48 изданий, в том числе 25 романов, 9 антологий прозы, 5 персональных сборников повестей и рассказов, 3 антологии поэзии, 3 персональных сборника стихов, 2 повести и 1 очерк, большая часть которых ранее не переводилась на русский язык. С одной стороны, к известным еще с 1950-х годов писателям, таким как Лу Синь, Мао Дунь, Лао Шэ и Ба Цзинь, издательства проявляют интерес, а с другой стороны они уделяют больше внимания и прилагают много усилий к изданию произведений ведущих писателей нынешнего времени. Первое место по количеству изданных книг занимает Мо Янь, ставший в 2012 году лауреатом Нобелевской премии по литературе. В 2018 году вышел уже пятый русский перевод его романа «Красный гаолян. История одного рода», пользующийся большой популярностью за рубежом, особенно после его экранизации в 1987 году китайским режиссером Чжан Имоу. Будучи типичным официальным писателем, Мо Янь характеризуется как «и совестливый интеллигент, и общественный деятель с оттенком либерализма» [9], умеющий «стоять

[6] За исключением романа Су Тун «Последний император», изданного в 2008 году, но отзывов было крайне мало.

[7] Исключением является книга И.С. Смирнова «Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях», изданная в 2014 году, посвященная переводу и научному исследованию.

[8] Переводы романа в сокращенном виде были изданы в 1977, 1986, 1993 и 1994 годах.

[9] Лю Вэньфэй. Мо Янь: между центром и краем // Литературная газета. 2013, 16 янв. № 1. URL : http://lgz.ru/article/1-6399-2013-01-16/mo-yan-mezhdu-tsentrom-i-kraem/?sphrase_id=1749143 (дата обращения: 12.06.2018).

между центром и краем» [10]. Благодаря своей «изобразительной силе и той физиологичности, которая почти всегда отличает большого писателя» [11], он успешно нанес на глобальную литературную карту свою родную землю — Гаоми.

В списке переводов китайской литературы в 2017 году появилось первое отдельное издание знаменитого писателя Цзя Пинва «Циньские напевы», которое принесло автору премию имени Мао Дуня — наиболее престижную литературную премию в Китае. Произведение, наполненное местным колоритом, особенным диалектом Северо-Западного Китая, отражает влияние общественных реформ на сознание крестьян, а также их любовь к родной земле. Как отмечает писатель, этот роман — памятник и малой родине, где проживает большинство прототипов персонажей. В произведении смешиваются «тексты циньских арий (нередко написанных на вэньяне), язык традиционного устного сказа с газетными слоганами представителей власти и грубоватыми высказываниями крестьян о физиологических отправлениях» [12]. При его переводе на русский язык возникло немало сложностей из-за диалекта и архаизмов. Даже опытный американский переводчик Говард Голдблатт (Howard Goldblatt), который успешно перевел произведения более тридцати китайских писателей, в общей сложности более шестидесяти книг, в том числе два романа Цзя Пинва «Фу цзао» («Турбулентность») и «Фэй ду» («Тленный град»), признался, что сам бросил перевод «Циньских напевов» из-за языкового барьера.

Самый переводимый современный поэт — Джиди Мацзя (или Цзиди Мацзя), представляющий поэтическое творчество малой народности Китая. В течение пяти лет, с 2013 по 2017 год, было выпущено в свет три его персональных сборника стихов. Свое вдохновение поэт черпает из древних поэм народа и (Yí Zú) классической литературы народа хань (Hàn Zú), а также из иностранной литературы. Его творческий путь начался со стиховотворений А. С. Пушкина. На сегодняшний день стихи Джиди Мацзя переведены на многие европейские языки. Он награжден рядом литературных премий как в Китае, так и за рубежом. В 2006 году ему была вручена памятная медаль имени М. А. Шолохова и грамота Союза писателей России. Будучи выходцем из народа и (Yí Zú), поэт сосредоточивает свое внимание на проблемах «сохранения идентичности в большом современном мире со все более размывающимися границами» [13]. Литовский поэт и переводчик Томас Венцлова в предисловии к сборнику «Черная рапсодия: 120 стихотворений» рассматривает вклад Джиди Мацзя в мировую культуру как «возрождение первичных метафор древнего языка, глубокое уважение к природе, полная достоинства память о прежних поколениях, ощущение того, что все живые существа имеют души и что насилие никогда не будет приемлемо» [14].

Таким образом, в XXI веке переводческая деятельность китайской литературы восстановлена и постепенно развивается. Читая иностранную литературу, люди видят жизнь в контексте другой — непривычной — культуры, понимают модель мышления других народов и тем самым становятся толерантными по отношению к взглядам, поведенческим стереотипам, которые резко отличаются от привычных. В связи с этим роль переводчика художественной литературы как транслятора культуры, а также роль издателя нельзя переоценить. Рассматривая картину новейших изданий китайской прозы и поэзии в России, следует отметить ряд характерных особенностей.

1. *Государственная поддержка.* Благодаря принятой в 2013 году двусторонней программе сотрудничества, в России продолжается резкое увеличение переводных изданий китайской литературы, что напоминает 1950-е годы — время активного обмена литературными произведениями между двумя странами. В соответствии с принятым в 2017 году решением о двустороннем сотрудничестве количество томов серии «Библиотека китайской литературы» в переводе на русский язык увеличится в два раза — с 25 до 50, а состав переводчиков будет определяться обеими сторонами. Более того, конкурс переводов «Вдумчиво всматриваемся в Китай»,

---

[10] Лю Вэньфэй. Мо Янь: между центром и краем.

[11] Быков Д. Л. Мо Янь // Профиль. 2012, 15 окт. URL : http://www.profile.ru/kultura/item/72658-moyan-72658 (дата обращения: 10.06.2018)

[12] Коробова А. Н. Предисловие // Цзя Пинва. Циньские напевы : роман / пер. с кит. А. Н. Коробовой. М. : Восточная литература, 2017. С. 7.

[13] Рослый А. Китайский сувенир // Prosōdia. 2016. № 5. URL : http://magazines.russ.ru/prosodia/2016/5/kitajskij-suvenir-pr.html (дата обращения: 20.05.2018).

[14] Джиди Мацзя. Черная рапсодия: 120 стихотворений / пер. с кит., под ред. И. Ермаковой. М. : ОГИ, 2014. С. 12.

организованный посольством Китая в России, в 2018 году проводился уже в третий раз и успел привлечь внимание ведущих синологов и литераторов. Победителями конкурса стали не только крупные синологи (Д. Н. Воскресенский [15], С. А. Торопцев и т. п.), но и представители молодого поколения (Ю. А. Дрейзис, Н. А. Орлова и др.), которые занимаются переводами как классических, так и современных произведений.

2. *Специализированные издательства*. Главными издательствами, выпускающими произведения в переводе с китайского, являются «Восточная литература» в Москве и «Гиперион» в Санкт-Петербурге. Первое с 1957 году выпустило в свет тысячи книг по разным направлениям востоковедения, второе — молодой представитель в сфере издания гуманитарной, особенно японской, литературы — за короткое время выдвинулось в издательских кругах этого профиля. Выпуск в свет переведенной литературы в специализированных издательствах проходит квалифицированную редакционную обработку, однако ее тиражи ограничены из-за маломощных маркетинговых технологий.

3. *Самостоятельный перевод российскими специалистами.* По нашему наблюдению, большая часть переводов китайской литературы, кроме несколько антологий стихов, была выполнена русскими синологами. Несмотря на то что они консультируются у своих китайских коллег, к сожалению, местами все же встречаются ошибки, которые для носителей китайского языка кажутся в какой-то степени наивными. С учетом практики переводческой деятельности оптимальной моделью является совместная работа китайских и русских переводчиков, в особенности это касается стихотворений. Языковая игра наивысшего уровня раскрывается именно в поэзии, и соответственно ее передача на языке перевода требует не столько языковых навыков, сколько проникновения в менталитет другого народа, так как только носитель языка может понять текст во всей его полноте. Хотя проблемы в переводе прозы не такие сложные, как в поэзии, но совместная работа над такими текстами также имеет преимущества — экономит время и повышает качество.

4. *Нехватка цифровых версий книг*. Вместо традиционных СМИ в настоящее время широкой популярностью пользуются новые СМИ, благодаря которым не только упрощается сбор, обработка и распространение информации, но и сокращается дистанция между аудиторией и автором. Все больше читающих людей привыкают к мобильным устройствам, позволяющим читать электронные книги с меньшими затратами времени и денег. Значительная часть таких пользователей — молодые люди, и именно им предстоит решать задачи межкультурного диалога. Однако если речь идет о новейших изданиях китайской прозы и поэзии, то далеко не все книги оцифрованы. Например, в популярном интернет-магазине «ЛитРес» в рубрике «Китайская литература» находится не более 30 оцифрованных книг. Существуют и пиратские сайты, с которых скачиваются книги, но качество таких текстов (не только китайской литературы, но и любой другой) в целом низкое.

5. *Недостаточная привлекательность для массового читателя.* В настоящее время приобрести произведения китайских писателей нетрудно: их книги стоят на полках книжных магазинов. Но кроме китаистов и переводчиков, мало кто обращает на них внимание. Например, на встрече с писателем Лю Чжэньюнем, проходившей в ноябре 2017 года в Китайском культурном центре в Москве, приняли участие только люди узкого круга. Мало слушателей присутствовало и во время книжного фестиваля «Красная площадь» в 2018 году на лекции первого заместителя декана восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета А. А. Родионова о новых переводах китайской литературы. По его мнению, «историчность и выраженная культурная основа… являются условиями успешного распространения в России новейшей китайской литературы в будущем» [16]. Тем не менее современный Китай со своей культурой нового времени интересует тех русских читателей, которые ожидают от быстрого темпа экономического роста Китая более популярной и понятной литературы, а не только интересной узкому кругу специалистов.

---

[15] Скончался в 2017 году на 90-м году жизни.

[16] Родионов А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР. С. 141.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Быков, Д. Л. Моянь [Электронный ресурс] // Профиль. — 2012, 15 окт. — Режим доступа : http://www.profile.ru/kultura/item/72658-moyan-72658 (дата обращения: 10.06.2018).
2. Венцлова, Т. Предисловие [Текст] // Джиди Мацзя. Черная рапсодия: 120 стихотворений. — М. : ОГИ, 2014. — 232 с. С. 7–12.
3. Коробова, А. Н. Предисловие [Текст] // Цзя Пинва. Циньские напевы : роман / пер. А. Н. Коробовой. — М. : Восточная литература, 2017. — 406 с. С. 5–8.
4. Лю Вэньфэй. Мо Янь: между центром и краем [Электронный ресурс] // Литературная газета. — 2013, 16 янв. — № 1.— Режим доступа : http://lgz.ru/article/1-6399-2013-01-16/mo-yan-mezhdu-tsentrom-i-kraem/?sphrase_id=1749143 (дата обращения: 12.06.2018).
5. Родионов, А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР [Текст] // Вестник Санкт-Петербугского государственного университета. Сер. 13. — 2010. — № 2. — С. 137–149.
6. Рослый, А. Китайский сувенир [Электронный ресурс] // Prosōdia. — 2016. — № 5. — Режим доступа : http://magazines.russ.ru/prosodia/2016/5/ kitajskij-suvenir-pr.html (дата обращения: 20.05.2018).

References

1. Bykov D. L. Moyan Profil. *Profil.* 2012. 15 oct. Mode of access : http://www.profile.ru/kultura/item/72658-moyan-72658 (accessed: 10.06.2018).
2. Venclova T. Foreword. *Chernaya rapsodiya: 120 stihotvorenij* [Black Rhapsody: 120 poems]. Moscow : OGI, 2014. Pp. 7–12. (in Rusian)
3. Korobova A. N. Foreword. *Cin'skie napevy* [Qin's tunes]. Moscow : Eastern literature, 2017. Pp. 5–8. (in Rusian)
4. Liu Wenfei. Moyan: between center and edge. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. 2013, 16 yan. No. 1. Mode of access : http://lgz.ru/article/1-6399-2013-01-16/mo-yan-mezhdu-tsentrom-i-kraem/?sphrase_id=1749143 (accessed: 12.06.2018). (in Rusian)
5. Rodionov A. A. The newest translations of Chinese fiction in Russian language after the disintegration of the USSR. *Vestnik Sankt-Peterburqskoqo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 13. 2010. No. 2. Pp. 137–149. (in Rusian)
6. Rosly A. Chinese souvenir. *Prosodiya* [Prosody]. 2016. No. 5. Mode of access : http://magazines.russ.ru/prosodia/2016/5/kitajskij-suvenir-pr.html (accessed: 20.05.2018). (in Rusian)

Сведения об авторе

Юань Мяосюй **—** кандидат филологических наук, старший преподаватель Института иностранных языков Чжэцзянского университета. Почтовый адрес: 310058, Китай, Ханчжоу, р-н Сиху, ул. Юйхантанлу, д. 866. E-mail: galinayuan@mail.ru

Yuan Miaoxu — Ph. D. (Russian philology), Senior lecturer at the School of international studies, Zhejiang University. Postal address: 866, Xihu district, Yuhangtanglu road, Hangzhou, 310058, China. E-mail: galinayuan@mail.ru

Требования к публикациям
и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. ***Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.***

Подписной индекс журнала — № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий***, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание и литературоведение) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает и статьи по методике преподавания иностранных языков, если они содержат лингвистическую составляющую: «исследование особенностей использования сопоставлений на разных уровнях, выявление особенностей восприятия, употребления, типичных лингвокультурных ошибок и особенностей использования в разных языковых общностях» (см. «Паспорта научных специальностей»: http://vak.ed.gov.ru/316).

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

Индекс	*Специальности*	*Науки*
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	филологические
10.02.19	Теория языка	филологические
10.02.04	Германские языки	филологические
10.02.05	Романские языки	филологические

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу членам редколлегии и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ»).

3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

5. Стоимость одной страницы публикации (шрифт 14 Times New Roman, 1,5 интервала) во втором полугодии 2018 года — 400 рублей. Для очных аспирантов (граждан РФ) публикация бесплатна.

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам e.ustinova.rsu@gmail.com и fljournal@rsu.edu.ru). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 6–7 до 20–24 страниц в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman. Текст статьи следует оформлять стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается заголовком, развернутым шифром УДК, аннотацией и списком ключевых слов на русском языке, а также заголовком, аннотацией и списком ключевых слов на английском языке (независимо от языка статьи).

Объем аннотации — 100–250 слов. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью должна быть подробнее аннотации на русском языке, так как для читателей, не владеющих русским языком, это единственный источник информации. Аннотации должны отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты.

Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков.

Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения. Ссылки на Википедию недопустимы.

Оформление списка использованной литературы на русском языке

Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранному языку. Лингводидактика и методика [Текст] : учеб. пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. — 3-е изд., стер. — М. : Академия, 2006. — 336 с.

Статьи

Карасик, В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус [Текст] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 1 (96). — С. 73–79.

Оформление списка использованной литературы (References) на английском языке

Книги (монографии, диссертации, учебные пособия)

1. Blokh, M.Y. *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the English Language] [Text]. — Moscow : Vysshaya shkola, 2008. — 421 p.
2. Lakoff, G. *Metaphors we live by* [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 191 p.

Статьи

1. Stepanov, V. The Evaluative Potential of French Student Slang [Text] / V. Stepanov, P. Ukhova // *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. — 2016. — N 4. — Pp. 17–25.

Название всей книги (монографии, журнала) выделяется курсивом.

Подстрочные ссылки выполняются автоматически (алгоритм: «*вставка – ссылка – сноска – продолжить – применить ко всему документу – вставить*») и оформляются с продолжающейся нумерацией. Маркер сноски — арабская цифра. Кегль подстрочной сноски 10, шрифт Times New Roman.

Не допускаются ручные переносы.

Сведения об авторах (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность и место работы (с точным, официальным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail); отдельно следует указать адрес и телефон, которые будут опубликованы в журнале, и адрес и телефон, которые будут использоваться только для связи и отсылки авторского экземпляра;
- основные направления научных исследований.

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым изъявляет согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С.А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны: e.ustinova@rsu.edu.ru; fljournal@rsu.edu.ru
(4912) 21-57-23, (4912) 97-15-15 (доб. 1030)

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал

Выпуск 3 (46)

2018

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:

Е. С. Устинова (английский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Т. Я. Кузнецова (французский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)

Редактор К. А. Красовская
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 17.09.2018. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,71. Уч.-изд. л. 11,0. Поз. № 32. Заказ № 177. Тираж 200 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а